СОХРАНИ МОИ ПИСЬМА...

СБОРНИК ПИСЕМ ЕВРЕЕВ ПЕРИОДА
ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Выпуск 2

Составители:
Илья Альтман, Леонид Терушкин, Ирина Бродская

МОСКВА
Центр и Фонд «Холокост»
Издательство «МИК»
2010

УДК 63.3(0)62
ББК 94(100)«1939/1945»
С 68

«РОССИЙСКАЯ БИБЛИОТЕКА ХОЛОКОСТА»

И.А. Альтман (отв. составитель), А.Е. Гербер (отв. редактор),
Е.Х. Зарецкий, Д.И. Полторак, Е.Л. Якович

С 68 **Сохрани мои письма...**: Сборник писем евреев периода Великой Отечественной войны / Сост.: И.А. Альтман, Л.А. Терушкин, И.В. Бродская; под ред. и с предисловием И.А. Альтмана. — М.: Центр и Фонд «Холокост»: МИК, 2010. — 328 с., цв. и ч/б. вкл.

ISBN 978-5-87902-222-3

Переписка евреев периода Великой Отечественной войны на основе более 1000 писем, дневников и фотографий из архива Научно-просветительного центра «Холокост» впервые вышла отдельным изданием в 2007г. Благодаря этой книге архив Центра существенно пополнился новыми документами личного происхождения, которые положены в основу настоящего издания. Среди них — письма и дневники многих известных писателей, поэтов, ученых, героев войны. В сборник вошли также отдельные письма из других музеев и архивов. Эти документы и редкие фотографии охватывают практически все важнейшие события Великой Отечественной с первого и до последнего дня битвы с нацистами и их союзниками.

Сборник рассчитан на исследователей Второй мировой войны, преподавателей, студентов, школьников, широкий круг читателей.

УДК 63.3(0)62
ББК 94(100)«1939/1945»

Издание осуществлено при содействии Claims Conference (США) и Rotshild — Europe Foundation (Англия)

© Центр и Фонд «Холокост», 2010
© И.А. Альтман, предисловие, научная редакция, 2010
© В.В. Бродский, дизайн обложки, 2010
© Издательство «МИК», оформление, оригинал-макет, 2010

ISBN 978-5-87902-222-3

Содержание

Илья Альтман. Коллективная память о Великой Отечественной войне и Холокосте в письмах и дневниках советских евреев 4

От составителей 14

ПИСЬМА, ДНЕВНИКИ, ФОТОГРАФИИ 17

Приложения
Письма предвоенных лет. Рассказы 299
Список сокращенных слов 311
Перечень авторов писем и дневников 313
Перечень лиц, предоставивших документы для публикации 316
Географический указатель 318

Памяти Ф.Д. Свердлова (1921–2002)

Коллективная память о Великой Отечественной войне и Холокосте в письмах и дневниках советских евреев

В год 65-летия Победы — впервые в постсоветский период в нашей стране — фронтовые треугольники и дневники стали важнейшим атрибутом культуры коллективной памяти о войне. Их зачитывали по радио, вывешивали на многочисленных сайтах, публиковали в газетах; на их основе создавали спектакли, документальные выставки и фильмы. В некоторых популярных передачах, например, на «Радио России», активно использовался первый выпуск сборника «Сохрани мои письма…». Фронтовые письма воинов-евреев экспонировались на выставках Федеральной архивной службы России, Главного Архивного управления г. Москвы и в Центральном музее Великой Отечественной войны на Поклонной горе. Опубликованные нами письма активно привлекались педагогами в ходе уроков и внеклассных мероприятий, приуроченных к Международному дню памяти жертв Холокоста. Они перепечатывались в русскоязычных газетах Израиля и США, региональной прессе. Можно с уверенностью констатировать, что письма и дневники о судьбах евреев в годы войны и Холокоста все увереннее занимают достойное место в летописи Великой Отечественной.

С момента выхода первого выпуска прошло 2,5 года. Задумывая серийное издание, мы рассчитывали в дальнейшем публиковать письма по избранной проблематике из других хранилищ, государственных и общественных, российских и зарубежных. Этот замысел остается в силе. Однако за это время в архив Центра «Холокост» поступило свыше 700 новых документов: эпистолярных источников, фото и дневников периода войны. Часть из них — продолжение ранее переданной нам семейной переписки. Но в большинстве своем — это письма и дневники новых авторов, поступившие как из России, так и бывших республик СССР и дальнего зарубежья. Вот почему в основе предлагаемого читателю издания вновь положены документы архива Центра «Холокост».

Принципиальное отличие настоящего издания от первого выпуска, где были собраны, в основном, документы «рядовых» участников и свидетелей событий, — более широкое наличие писем и дневников известных людей. Среди них — писатели и поэты Лев Кассиль, Давид Самойлов и Борис Слуцкий; кинооператор Роман Кармен; выдающийся шекспировед Александр Аникст; композитор и дирижер Александр Цфасман; Герои Советского Союза Илья Катунин и Яков Крейзер; подполковник Семен Безпрозванный, старший по званию среди погибших при освобождении Аушвица (Освенцима); легендарный разведчик Леопольд Треппер, известный ученый Лев Гольдин. Подавляющее большинство документов (включая снимки известных фронтовых фотокорреспондентов — евреев Д. Минскера, М. Трахмана, М. Редькина, Я. Халипа, Л. Доренского) публикуется впервые.

Как и в предыдущем выпуске, мы публикуем письма с первого до последнего дня Великой Отечественной войны: с фронта и из военных училищ, партизанских отрядов и эвакуации; письма боевых товарищей и соседей семьям погибших на фронте и в оккупации.

По понятным причинам преобладают письма фронтовиков, в большинстве своем, погибших. Их авторы представляют все рода войск и многие военные специальности: моряки, танкисты, летчики, связисты, артиллеристы, пехотинцы, военные инженеры, саперы, кавалеристы, врачи и медсестры, разведчики, военные юристы, военные корреспонденты, железнодорожники, артисты фронтовых бригад. Вчерашние школьники, мужья, отцы семейств — авторами публикуемых фронтовых писем и дневников были люди в возрасте от 17 до 55 лет, окончившие престижные вузы, и колхозники, рабочие и руководители предприятий, вчерашние студенты и школьники. Значительная часть авторов была младшими офицерами, окончившими в годы войны ускоренные курсы военных училищ. Но многие начали службу в Красной Армии в 1939–1940 гг., а некоторые участвовали еще в гражданской войне.

На фронте воевали отцы и дети (Гильманы, Полиновские); братья (Бароны); уходили на фронт, причем в ту же часть, чтобы отомстить за своих мужей вдовы фронтовиков (А. Гольдина).

Связь с родными через переписку имела огромное психологическое значение в годы войны. Каждая весточка из дома вдохновляла бойцов. И на фронте, и в тылу не хватало бумаги. В ходе отступления либо стремительного наступления на написание писем,

казалось, не было ни времени, ни сил. «Пишу прямо в окопе», — типичное сообщение И. Гильмана. Обычно письма писались при слабом свете карманного фонаря или свечи в землянке («Писал в темноте» — Б. Перочинский**);** на рассвете перед атакой; в короткие промежутки между боями. Эти письма трепетно ждут; обижаются на их долгое отсутствие; нумеруют, чтобы знать — все ли дошли…

В публикации представлены как отдельные письма (дневники), так и семейные комплексы (Бершадские-Гольдины; Бароны, семья Фуксман и др.). В таких комплексах лучше представлена связь фронта и тыла (нелегкие условия жизни в Москве и эвакуации, забота о детях, желание мстить за гибель близких). Нередко семейные архивы включают письма сослуживцев и соседей. Чаще всего они сообщают подробности гибели товарищей, описывая как личные (письмо Р. Ивановой родителям своего друга), так и боевые качества своих друзей-евреев (о Сауле Полиновском фронтовые друзья пишут «как о настоящем русском офицере» и просят назвать его именем родную школу). Письма соседей (или их пересказ в письмах с фронта) сообщают о погибших в оккупации родственниках или знакомых семьи.

Особо отметим как ценнейший исторический источник дневники военных лет (А. Аникст, А. Вейгман, В. Кагарлицкий, Э. Ривош, Л. Френкель, А. Цфасман, А. Шевелев). Их особенность: откровенность записей и анализ не только своих чувств и переживаний, но и происходящего на фронте, в тылу, даже в оккупации, взаимоотношений людей, бытовых сюжетов, проявлений отваги и трусости, мародерства и самопожертвования. Мотивы создания этих записей, которые делались среди боев и походов и в редкие минуты отдыха (часто в госпиталях, после ранения), образно сформулировал А. Аникст: «Надо выжить. Пережить все, перенести и потом рассказать об этом».

В текстах дневников отразились забавные истории из жизни и быта фронтового джаз-оркестра (А. Цфасман), описание плена и деятельность подпольной группы сопротивления (А. Вейгман), впечатления от освобожденных Румынии и Венгрии (дневник врача А. Шевелева).

Мы включили в настоящее издание уникальный дневник скрывавшегося в убежище рижского скульптора Э. Ривоша. Он представлен в виде писем любимой женщине (ставшей впоследствии женой автора). Эти письма — размышления о мнимой и настоящей любви человека, потерявшего в гетто всю свою семью, смело можно поставить в ряд самой сильной любовной лирики эпохи Второй мировой войны («Так ждать и так переживать минуты близости можем только мы, мы теперешние. Жаль, что счастье сильнее всего испытываешь в несчастии»). Потрясают рассуждения о любви человека, находящегося на грани смерти: «Любовь двух людей — это как смычок и скрипка». Именно любовь позволяет автору не только выжить самому, но и поддерживать любимую женщину: «Пусть это Вам не кажется парадоксом: если я, несвободный, постараюсь Вас — свободную, утешать и укреплять духом».

Особый жанр — письма друзьям и родным — фронтовикам. С просьбой пересылать их знакомым обращается студент — историк Е. Хаевский. О желании учиться после войны, как главной своей мечте сообщает И. Красинский. Уникальна по остроумию и деталям фронтового быта переписка П. Горелика, Д. Самойлова и Б. Слуцкого. В таких письмах больше подробностей, включая служебные взаимоотношения («когда идет стремительное наступление, мы, прикрывая кавалерию, всегда так идем впереди <…>, тогда ты и работник замечательный, и человек нужный» (пишет 15 марта 1945 связист И. Рапопорт).

Впервые мы публикуем такие необычные документы, как «Завещание» (С. Полиновский), прощальные надписи на стенах овощехранилища в г. Золотоноша (Украина), письма детей из еврейского партизанского отряда в Белоруссии И. Сталину. Очень трогательны письма детей и подростков своим родителям на фронт. Именно здоровье, учеба, быт близких — прежде всего своих детей — больше всего заботили фронтовиков. Ласковые письма дочери, которая родилась после его ухода на фронт, отправлял С. Менделевич, радовался письмам детей не менее чем открытке от И. Эренбурга, М. Фуксман. Несколько лет безуспешно пыталась найти своих сыновей, оставшихся в первые дни войны в пионерском лагере под Минском, С. Гальперина…

Тематика публикуемых писем широка и разнообразна. В них находит отражение иллюзии о короткой победоносной войне (включая даже строки, написанные летом 41-го о будущих трофеях из Германии); данные советской пропаганды о значительных в сравнении с Красной Армией потерях врага; поиск «пятой колонны», как причину неудач в первые недели войны; реакция на заявления союзников и пристальное внимание к их боевым действиям (до и после открытия Второго фронта). Преобладающие мотивы писем, как первых месяцев, так и последующего периода войны: патриотизм, вера в Победу, планы на мирную жизнь. Но есть в некоторых письмах и предчувствие гибели: «Прошу обо мне не жалеть» (С. Полиновский, 8 декабря 1942 г.). Интересны подробности выхода из окружения и последующих проблем из-за закопанного партбилета (Л. Френкель), ограничения в наградах после бегства из плена и реакция на это («Воюю не за ордена и медали, а за Родину», — писал И. Красинский).

В то же время вполне в духе советской пропаганды предстает отношение большинства воинов-евреев к Сталину, «долге» перед ним (А. Учитель, И. Гильман). Особенно это заметно в письмах политработников и агитаторов.

Интересны характеристики маршалов и генералов (Л. Кассиль, А. Цфасман). Характерно, что именно военный корреспондент и артист были довольно свободны и смелы в своих оценках.

Информация о реальном положении на фронтах, которое было невозможно получить официальным путем, поступала от встреч с ранеными и даже военнопленными и ретранслировалась в письмах родным. Однако статьи в центральных газетах также тщательно изучались: «Сегодня почти весь день провел за чтением центральных газет. Особенно понравилась статья Ильи Эренбурга в «Красной звезде» «В Германии». Конкретные факты, запечатленные, им очень интересны» (А. Перштейн).

Письма и дневники отразили и такие настроения советских людей, которые фиксировались разве что спецслужбами: опасения, что после победы будут опять сгонять в колхозы; нежелание некоторых курсантов идти на фронт (А. Френкель); мрачное отношение к советским войскам колхозников прифронтовых районов (А. Цфасман); дикие цены для фронтовиков и спекуляция в освобожденных населенных пунктах; пьянство («пьянствуют все беспредельно», — пишет о тыловиках В. Кагарлицкий), мародерство (в том числе и на освобожденной территории Украины), насилия над женщинами, причем не только над немками в 1944–1945 гг. (А. Шевелев).

С малоизвестной стороны открываются подробности организации эвакуации и жизни в тылу москвичей в письмах на фронт А. Гольдиной: взятки, чтобы попасть на пароход; пропажа вещей; ужасная организация питания; апатия части эвакуированных, высокие цены и недружелюбное отношение к эвакуированным (А. Зайдман, Е. Шакина). Из переписки мы узнаем о жилищных условиях в эвакуации (М. Биневич); обстоятельства эвакуации еврейского колхоза и жизни колхозников в начале 1942 г. (Б. Гамарник). Отнюдь не радужной рисуется в письмах жизнь в прифронтовой Москве, где «бешеные цены» (Л. Френкель). Отметим очень важную информацию в письмах, переданных с оказией — в обход военной цензуры. М. Биневич сообщает из блокадного Ленинграда: некоторые «считают, что лучше умереть сразу от снаряда, чем гибнуть от голода». Письма рассказывают о тяжелом материальном и моральном положении семьи (И. Атт), включая террор соседей по коммуналкам (М. Фуксман).

О положении на оккупированной территории и преступлениях нацистов против мирного населения, лишения их всех прав (Калининская и Ленинградская обл.), о пожилых сельских учительницах, которые отказались идти работать на оккупантов, о сотрудничестве с ними части населения сообщают подробные письма Семена Безпрозванного в период службы в Ленинградском штабе партизанского движения.

Взгляд на быт и культуру других народов, сравнение Венгрии и Румынии, быт военных врачей, в том числе их увлечении музыкой — маленькой отдушине среди крови и страданий**,** красочно передает дневник А. Шевелева.

Любовная лирика занимает едва ли центральное место в переписке. Конечно, короткие строки фронтовых писем заметно отличаются от довоенных («Член-корреспондент акционерного обще-

ства «Искатели счастья» с равным и смешанным капиталом в сердечной валюте» называл в них себя М. Бершадский). Трагичны строки о несостоявшейся любви («Я просто задыхаюсь от горя» пишет Раиса Иванова отцу ее погибшего друга). Во многих строках — радость от каждого письма любимой девушки (Л. Тополев). Об отношениях с женщинами и к женщинам на фронте размышляет в своем дневнике В. Кагарлицкий.

Особо стоит выделить немногочисленные женские письма («я одна из нашего рода девушка-вояка», — сообщает автор одного из них). Берта Зельбет с гордостью пишет, что хорошо стреляет. Как настоящая патриотка предстает Ася Гольдина в письмах командира к ее матери.

Практически в каждом письме — рассказ о повседневной (пусть и слегка приукрашенной) жизни фронтовиков. Этот быт далеко не с «киношным глянцем («дней 6 как не брился и не мылся»; «Живется нехорошо, рядовой, а об остальном тебе понятно», — пишет, например, И. Драхлин). Ряд писем и дневников рассказывают о лечении после ранений и пребывании в госпиталях. Получение денег родными — эта тема, которая заботила каждого фронтовика, отославшего семье свои аттестаты. Легко сопоставить цены на продукты и одежду с суммами, пересылаемыми по мере возможностей фронтовиками **(**в основном офицерами**),** чтобы понять, что эта поддержка носила прежде всего моральный характер.

Отношение к оккупантам чаще всего характеризуется одним словом: «ненависть». «Пришел в Германию как мститель», — сообщает родным молодой лейтенант А. Цвей. Вот характерное настроение солдат накануне вступления в Восточную Пруссию осенью 1944 г.: «Обещают застрелить первую же немку, которая попадется им на глаза» (Б. Зельбет). Чувство мести в январе 1945 г.: «Это все еще цветочки, а ягодки будут в Германии. От немецких магазинов останется только пепел». (А. Перштейн). О желании «попортить немало арийской крови» сообщает другу И. Раппопорт.

И все же присутствует и иной взгляд: неприятие насилия (А. Шевелев), мародерства: «наш народ увлекся собиранием трофейного барахла, которое «почему-то неприятно подбирать — мы напоминаем фрицев» (Б. Зельбет, январь 1945 г.).

Накануне победы молодые авторы писем задумаются о будущем — семье, учебе, личном счастье («Счастливая жизнь ждет нас теперь! Какая счастливая жизнь!», — писал Г. Слободкин; «О, как я буду жить!», — надеется Л. Тополев, погибший, увы, в последний день войны).

Немало писем (в том числе написанных сразу после Победы) рассказывают о последних днях войны в Берлине и встрече с союзниками на Эльбе (любопытно, что победители общались… на немецком). Очень важный прогноз, что «немцы больше никогда воевать не будут», делает в эти дни З. Шейнин.

Особое место в публикуемом сборнике занимает «Еврейская тема». Она самым тесным образом перекликается с мыслями и чувствами всех советских патриотов в годы войны. Но, несомненно, что нацистская пропаганда и раздуваемый ею антисемитизм на фронте и в тылу (некоторые данные об этом помещены в сборнике**)** обострили национальную самоидентификацию воинов-евреев (как и представителей других народов СССР). **«**Тут мы вдруг обнаружили, что нас здесь сидит 7 человек врачей, и все разных наций: узбек, татарин, армянин, еврей, русский, белорус и азербайджанец» (А. Шевелев). Понятно, что из-за цензурных условий слова на идиш (и то русскими буквами) в тексте писем — большая редкость (А. Сороцкин).

Но почти в каждой подборке писем можно встретить почти библейские и, увы, редкие ныне еврейские имена и отчества, отдельные слова и, конечно же, сведения о Холокосте. Авторы тщательно фиксируют первые встречи с эвакуированными и беженцами — евреями (о том, что они преобладают, сообщает в своем дневнике Л. Френкель). Некоторые из авторов знают о подготовке «Черной книги» — сборнике очерков о преследовании и уничтожении евреев нацистами и их пособниками. Они шлют И. Эренбургу письма и фото гетто (М. Фуксман), дают оценки статей Эренбурга, благодарят его за эти публикации.

Сведения о Холокосте впервые встречаются в письмах конца ноября 1941г. (после публикации в «Известиях» о Бабьем Яре), затем как отражение январской (1942 г.) ноты Молотова. Подчас

число жертв преувеличено (слухи о казни 300 000 евреев Одессы). М. Биневич философски замечает: «Смерть в настоящее время дело обычное». Собственные впечатления и пересказы свидетельств очевидцев начинаются после битвы под Москвой и в результате роста партизанского движения: весной 1942 г. о выдаче и гибели нескольких евреев в Ленинградской обл., бежавших из Литвы и Псковской обл., сообщает семье С. Беспрозванный). Уже 20 апреля 1942 г. Иосиф Драхлин сообщает жене: «Получил письмо от Хайки. Она пишет, что не может согласиться с мыслями, что моих родителей нет в живых. Я бы, конечно, согласился с ней, но, моя дорогая женушка, за месяцы войны я побывал во многих городах, где хозяйничали фашистские звери, и везде одна и та же картина, т. е. все еврейское население, которое он захватил, всех до единого он перестрелял, даже грудных детей и то они, паразиты, отравляли. И жители освобожденных городов рассказывают, что стоило только показаться на улице еврею, как сейчас его уничтожали. Не описать те ужасы, которые творили эти звери в Харькове, Ворошиловграде, Миллерове».

Подробно рассказанная судьба евреев родного местечка в Гродненской области — история их гибели и сопротивления еврейского населения, увы, типична: «Во многих местах, где мне приходилось бывать, после немецкого разбоя не осталось ни единого еврея» (Л. Цукерман).

С осени 1943 г. появляются сведения о массовом убийстве евреев на Украине и в Белоруссии. «Еврейское население сплошь уничтожено независимо от возраста» — сообщал П. Копысицкий в ноябре 1943 г., как бы иллюстрируя слова В. Гроссмана «Украина без евреев». «Все евреи расстреляны», — вторит ему М. Мазур.

«Эти фашистские палачи могли расстрелять десятки тысяч ни в чем неповинных женщин, детей и стариков», — писал о г. Речица И. Атт. В письме соседей семьи Зельбет говорится: «Вы очень счастливы, что уехали и потому остались живы». Там же рассказывается о судьбах евреев в г. Осипенко (Бердянске), в том числе о конфискации мебели и вещей из еврейских квартир.

О лагерях смерти и местах уничтожения (на примере Малого Тростянца, Майданека и Треблинки) воины-евреи знают уже с лета 1944 г. (письма Л. Басса и Н. Барона).

Фронтовиков постоянно преследует мысли об оставшихся в оккупации родных: «мать очень жаль» (Э. Сохор); «сбылись слова дедушки о железном дожде, который пройдет мимо нас» (А. Учитель). Ответы на запросы в родные места, как правило, неутешительны (М. Миркин, М. Подольный).

Психологическое состояние членов семей фронтовиков, узнавших о гибели родных, передают письма И. Атта. Месть за погибших родных — вот лейтмотив многих писем (А. Зайдман, М. Фуксман и др.). «Мстить немцам надо крепко. А мне в особенности, ведь я еврей», — писал Яков Заславский). Напутствие матери («наседки») в письме Е. Хаевского: «Бей гадов без жалости» — практически совпадает с тем, о чем говорил С. Михоэлс на митинге представителей еврейской общественности в августе 1941г.

Из фронтовых писем и дневников можно узнать о скрытом антисемитизме и отношении к евреям-воинам: встреченный на фронте сосед по двору рассказал, «что у нас во дворе некоторые не верят, что я на передовой, но сейчас он убедился сам. И совсем его ошеломило тогда, когда он увидел, какое положение я имею в части и каким авторитетом я пользуюсь», — пишет И. Драхлин. Впрочем, оценки и самих евреев некоторых своих соплеменников не всегда лицеприятны: так, о «жадности народа Израиля» упоминает в своем дневнике А. Цфасман.

Видовой состав этого сборника не ограничивается письмами и дневниками. В нем представлены стихи (Э. Сохор, Б. Зельбет), рисунки, открытки, листовки, красноармейские газеты, личные документы (М. Цунц, Б. Цозик). По возможности, к каждой подборке прилагаются фотографии (авторов и/или адресатов писем; их родных; тематические фото периода войны).

Именно в своей совокупности эти документы ярко характеризуют чувства и мысли советских евреев в период Великой Отечественной войны.

Илья Альтман,
17 июля 2010 г.

От составителей

В настоящее издание включено 190 писем и 7 дневников почти 90 авторов. Письма еще 10 авторов приведены в качестве иллюстраций. Более 90% этих источников в подлинниках, либо сканированных копиях хранятся в архиве Центра «Холокост». Они поступили от граждан России, Германии и Израиля. Привлечены к публикации также документы Музея еврейского наследия и Холокоста в Мемориальной синагоге Российского еврейского конгресса на Поклонной горе, отобранные и предоставленные главным хранителем фондов Музея С.Б. Герус. Отдельные копии писем и фотографии были переданы нам для публикации из краеведческих музеев и музеев еврейских общин С.-Петербурга и Калужской области, Великого Новгорода и Нижнего Новгорода и частных коллекций. В исключительных случаях воспроизводились уже опубликованные документы (часть дневника скульптора Э. Ривоша, изданного в 2006 г. в Латвии; малоизвестные публикации в периодической печати России и Израиля).

Публикации писем и дневников предшествуют биографические справки, составленные на основе изучения и сравнения информации, полученной от родственников и адресатов писем, из региональных «Книг памяти», электронных баз данных и текста публикуемых документов. Фронтально были просмотрены все выпуски «Книги памяти воинов-евреев, павших в боях с нацизмом».

Указаны названия (в современной транскрипции) населенных пунктов, а также республик бывшего СССР (кроме России), где родились авторы. Даны сведения о лицах, передавших письмо и фото для публикации, либо сведения о предшествующих публикациях писем и дневников.

Подборки писем располагаются по хронологии первого письма авторов. Как правило, письма родственников включались в одну подборку. В качестве заголовка выбиралась одна из цитат публикуемого письма или дневника.

При передаче текста документа, по возможности, сохранен стиль подлинников. Без оговорок исправлены описки и грамматические ошибки. Вставленные составителями даты и пропущенные слова, а также информация об особенности передачи текста указаны в квадратных скобках. Исключенные составителями малоинформативные, либо повторяющиеся части текста документов обозначены следующим образом: <…>. Дополнительные сведения об упоминаемых в тексте документов лицах даны в подстрочных примечаниях.

К сборнику прилагаются составленные в алфавитном порядке Перечень авторов писем; Географический указатель; Перечень фотографий; Список лиц, предоставивших материалы и Список сокращенных слов.

В Приложении публикуются несколько документов, которые хронологически (до 22 июня 1941 г.) или жанрово (рассказ) не соответствовали задачам настоящего серийного издания. В письмах М. Бершадского и Л. Барона, на наш взгляд, ярко передана хроника чувств и мыслей целого предвоенного поколения, наиболее яркие представители которого учились в престижных московских вузах или мечтали об артистической и писательской карьере. Впервые практически полностью публикуются письма жене и детям легендарного советского разведчика Л. Треппера, переданные им « с оказией» в 1940–1941 гг. Завершает приложение написанный в 1943 г. рассказ москвича Д. Малкеса с описанием фронтовой столицы и одного из боев.

Сборник, по традиции, богато иллюстрирован. Помимо фотографий авторов и адресатов писем, в качестве иллюстраций даны фронтовые письма и открытки. Значительная часть ранее не публиковавшихся фотографий известных советских военных фотокорреспондентов Д.А. Минскера, М. С. Редькина, М. А. Трахмана предоставлена Московским Центральным архивом электронных и аудиовизуальных документов, за что составители выражают благодарность его директору С. К. Кушнареву и сотрудникам С. В. Бодянскому, Т. Д. Наумовой, О. Г. Макаровой.

Среди иллюстраций использованы и фотографии «с той стороны фронта», сделанные германскими солдатами и военными фотографами из коллекции Георгия Шепелева (Франция).

Составители так же благодарны за помощь и консультации д-ру Арону Шнееру (Израиль), Ю. С. Лурье, Д. А. Алексееву.

Особой благодарности заслуживает представитель Центра «Холокост» в Израиле, историк и журналист Григорий Рейхман. Его регулярные публикации в прессе имели большое значение для поиска фронтовых писем и их изучения.

Сборник посвящен памяти выдающегося исследователя еврейского героизма в годы Второй мировой войны, члена правления Центра «Холокост» Ф.Д. Свердлова, чья переписка была опубликована в первом выпуске книги «Сохрани мои письма…».

Надеемся, что идея сохранения и публикации переписки евреев не оставит читателей равнодушными. Поиск документов и фотографий периода войны продолжается. Их можно передать по адресу: 115035, Россия, Москва, ул. Садовническая, 52/45, Центр «Холокост». Справки по телефону +7-495-9533362 или по электронной почте: center@holofond.ru

В очередном выпуске сборника, безусловно, найдут свое место и те новые документы, которые будут переданы нам в подлинниках или копиях читателями этой книги.

ПИСЬМА. ДНЕВНИКИ. ФОТОГРАФИИ

«СРЕДИ ЭВАКУИРОВАННЫХ БОЛЬШОЙ ПРОЦЕНТ ЕВРЕЕВ»

Л. С. Френкель (справа), 1940 г.

Френкель Лазарь Самойлович *(1914–1986) — родился в мст. Махновка Бердичевского уезда Киевской губернии (ныне Винницкой обл.). В 1921 году переехал в Москву. Закончил Вечерний машиностроительный институт, работал на ремонтной базе Северного флота в г. Мурманске. Призван на срочную военную службу осенью 1939 г. В июне 1941 г. служил под Липецком. С 3 июля 1941 г. — на фронте. Воевал в районе Витебска и под Смоленском в составе 653 мотострелкового полка, младший сержант. Был контужен, попал в окружение, при выходе из которого закопал в землю свой партбилет. В 1942 г. служил на Юго-Восточном и Сталинградском фронтах инженером-механиком учебного танкового полка. С 1943 г. — в Мурманске, инженер-лейтенант, помощник И. Д. Папанина, уполномоченного Государственного Комитета обороны по перевозкам на Севере.*

Демобилизовался осенью 1946 года в звании майора. В 1941–1942 гг. вел дневник (последняя запись датирована 8 августа 1942 г.)

Копию дневника и фотографию передал сын, С. Л. Френкель (г. Москва).

22 июня [1941 г.]

Утро ничем не отличалось от других дней, только небо заволокло тучами.

Воскресенье, и обидно, что такая паршивая погода. Пришел в палатку Шумилин и сообщил, что на нас напала Германия. Бомбили несколько городов, имеются убитые. Молотов выступил по ра-

дио. Не верилось в такое вероломство. Все потрясены. Начались оживленные разговоры среди бойцов. Все уверены, что Красная Армия даст фашистам сокрушительный отпор. Удивляет, на что надеется Гитлер. Ведь он уже воюет третий год. Правда, по Европе он прошел победным маршем. Имеет большой опыт войны. Генералы его еще не устали от войны. Но ему приходится держать большую оккупационную армию в Европе.

23 июня [1941 г.]

Радио передает, что наши части вступили в соприкосновение с противником. Меня сильно обрадовала речь Черчилля. Он заявил, что народ Англии будет с русскими, окажет помощь Советскому Союзу. Эта речь сильно взволновала всех бойцов и командиров. Рузвельт заявил, что американцы также на стороне народов Советского Союза. Время покажет, что стоят слова Черчилля. Конечно, такая коалиция как Англия, САСШ и СССР при настоящей мобилизации сумеет раздавить гитлеровскую военную машину. Занятия проходят нормально. Ввели тактику и стрельбу. Я слушаю радио и все довожу до бойцов. Вопросов задают много. Отвечаю на все. Все больше интересуются ресурсами Германии.. В штабе полка зашевелились. Начинают перестановки в подразделениях. Из нашей разведроты всех «растяп» забирают. Оставляют только боевой расчет.

24–30 июня 1941 г.

Погода начинает улучшаться, появляется солнышко. Полк, по всей видимости, готовится на фронт. Сдали все постельные принадлежности. Шинели заменили на куртки. Получили боевые противогазы — очки не потеют. Выдали кобуру под наганы. Командиры устраивают свои личные дела, семьи отправляют к родным. Два чемодана, лейтенанта Прохорова и мой отвезли в Липецк на Советскую улицу к Марии Петровне Ходуновой. Перебрал все вещи. Все лишнее выбросил. Оставил все необходимое и даже новый целлулоидный воротничок. Договорились с лейтенантом Прохоровым, что наденем их в Берлине. Спим на досках, часто устраиваются тренировочные тревоги.

Но из противотанковых орудий еще не стреляли, из нагана тоже. Рота ПВО еще не видела зенитной и пулеметной установок. Наши танкисты еще не сидели в машине и не знают что такое ТОП. Как они себя покажут в бою? Кроме трехлинеек образца 1898 г., они ничего не знают. Очень много бойцов из западных областей. Народ еще непроверенный и незакаленный. Очень живучи мелкобуржуазные предрассудки. Командиры говорят, что на формировочном пункте еще будем доучиваться — и отберут только нужных. Машины получим на фронте, а может быть и здесь.

В эти дни идут ожесточенные бои. Передают, что под Луцком идут танковые сражения, в которых участвуют тысячи танков.

3 июля 1941 г.

В 2 часа дня уехали с Бологого. Говорят, что сегодня, 3 июля, по радио выступил т. Сталин.

Содержания речи передать не могут. Хочется узнать, что он сказал, ведь это первое его выступление. Придется ждать. Пока достанем газету.

Поезд повернул в сторону Великих Лук. Все надежды на С[еверо]-З[ападный] фронт рухнули.

Впервые появились фашистские самолеты. Всех предупредили, как вести себя во время налетов. Установлено наблюдение за воздухом. Начинаешь незаметно для себя испытывать чувство прямой опасности. Ощущение неприятное, передать даже трудно. В голову приходят разные фантазии. Умирать глупо без всякой пользы, да и вообще умирать, конечно, не хочется. Еще страшнее, если какая-нибудь дура-бомба оставит тебя калекой, ну а главное, что это впервые, и поэтому инстинкт самосохранения еще очень велик. Когда впервые появился самолет, очень многие начали трусить. Поезд остановился. Хотят прыгать из вагонов, многие побледнели до неузнаваемости. Надо отдать справедливость средним и младшим командирам нашего вагона, они сумели себя и других удержать от всяких недисциплинированных поступков. Дрожь и сильное волнение охватило меня, когда фашистский стервятник начал давать пулеметные очереди по нашему эшелону. Неужели это уже конец? Внешне я себя вел совершенно спокойно, хотя внутренне волновался крепко. Все прошло благополучно.

Приблизительно через два часа увидели один самолет. Пошли разговоры, что ожидается высадка десанта. Винтовки у нас имеются, патронов хватает. Эшелон останавливается. Все быстро прыгают с вагонов. Отступили от полотна метров на двести. Приказано рыть окопы и приготовиться к отражению воздушного противника. Достали лопатки, мое отделение приступило к делу. Только было наладили, команда «отставить». Мы идем обратно и размещаемся в кустах у полотна. Лежим приблизительно с полчаса. Надоело. Вытаскиваю из противогаза бумагу и пишу Галочке письмо. Ситуация для литературных упражнений не совсем обычная. Получается почти по Швейку. Письмо получилось очень коротенькое, но, кажется, интересное. Что было на уме, то и набросал на бумаге. Еще лежим. Вдруг видим самолеты на горизонте. Они видны все ближе и ближе. Летят в боевом строю, кажется 8 штук. Команда «приготовиться». Когда они подходили к эшелону, раздалась команда «Огонь». Застрочили «Максим» и наш ДП, защелкали затворы трехлинеек. Объективно говоря, вся эта стрельба — это пустая затея. Странно, почему они не бомбили наш эшелон. Пролетели, оставив нас в покое. Поехали дальше. Ночью ехать безопасно. Днем приехали в Великие Луки. Тут уже хлебнули «фашистскую культуру».

Разбомбили крупный склад около станции. Все перемешалось: мотоциклы, каски, селедка, различные материалы. Во дворе жилого дома попала крупная бомба. Трудно себе представить эту воронку, приблизительно 10х10 м. Погибли мать и двое детей.

Несколько раз объявляли воздушную тревогу.

Появился эшелон с эвакуированным населением из западных областей. Жалкая картина. На открытых платформах плохо одетые, грязные, изнуренные эти жертвы фашистов. Большой процент евреев, исконные козлы отпущения.

Встретили первый эшелон раненых. У красноармейцев любопытство огромное. Это ведь первые свидетели и участники боев. Каждому интересно узнать какие-нибудь подробности о фашистах. Какие они вояки, какая у них техника, особенности тактики, положение наших войск и т. д. Вопросов… тысячи. Но ответы неудовлетворительные, «каждый врет по-своему». За очень малым исключением ранения легкие, все больше осколочные. Всем

еще неискушенным это кажется ужасно страшным и трагическим, но по виду и моральному стоянию раненых бойцов — это пустяки. По рассказам и репликам можно себе представит картину, что вероломный удар фашистов не обошелся без «пятой колонны» в пограничной зоне. В наших новых республиках бойцы стройбатов не были вовсе вооружены. Многие части как раз в ночь на 22 июня были выведены на тактику вместе с мат[ериальной]. частью, машины в парках не были заправлены. Если это так, то ясно, что это работа «пятой колоны». Возможно, что имеются и неверные рассказы, но доля истины есть. На бойцов эти разговоры производят удручающее впечатление. Вместе с политруком и коммунистами мы заводим разговор с бойцами, доказывая абсурдность многих рассказов, одним словом, не даем падать духом. Стараемся все время занимать играми, песнями, отвлекая их от излишних раздумий.

11 июля 1941 г.

Разведка на окраину города Витебска. Почти никакой надежды выйти живым. Закопали все документы. Как тяжело было зарывать партбилет. Но разве лучше было бы, если бы нас убили, и они достались бы врагам?

21 июля 1941 г.

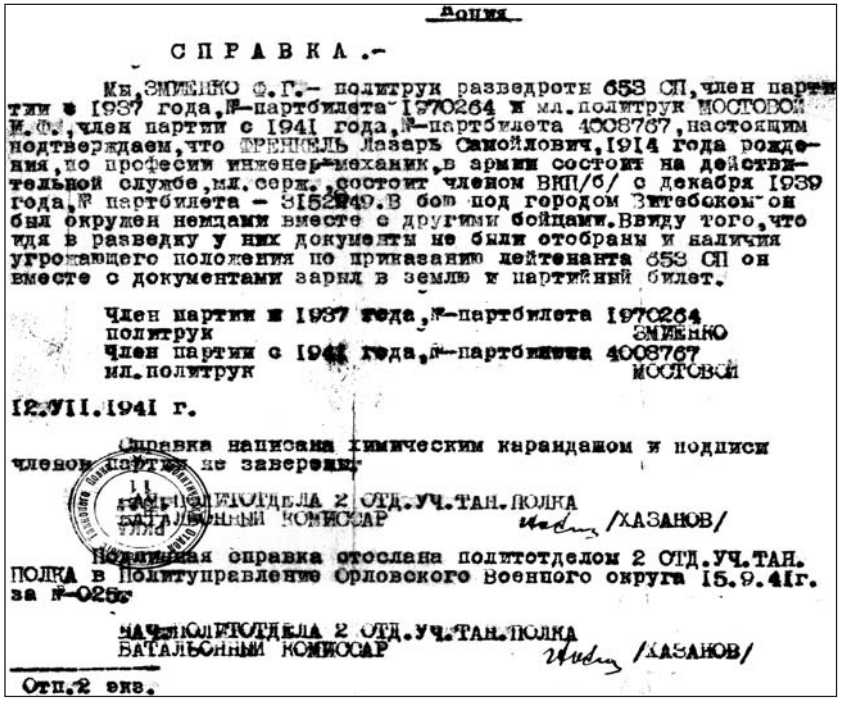
Станция Рудня. Дважды ходили в бой. Один раз продвинулись метров на 500. Второй раз отступили. Командиров мало было видно. Я выводил с боя человек 16 под сильным автоматным огнем. Дубраву ранило 20.VII вечером.

21.VII меня контузило от снаряда.

7 ноября 1941 г.

Тянемся до невозможности медленно. Через каждые 50 м. остановки по 2–3 часа.

Запоминающихся событий никаких. Читаю и покрикиваю на нерадивых как старший вагона. Удивительно незавидная роль. Каждый вечер приходится укладывать всех, как злая мама, ибо не



Дополн.

СПРАВКА.-

Мы, ЗМИЕНКО Ф.Г.- политрук разведроты 653 СП, член партии с 1937 года, №-партбилета 1970264 и мл.политрук МОСТОВОЙ И.Ф., член партии с 1941 года, №-партбилета 4008767, настоящим подтверждаем, что ФРЕНКЕЛЬ Лазарь Самойлович, 1914 года рождения, по профессии инженер-механик, в армии состоит на действительной службе, мл.серж., состоит членом ВКП/б/ с декабря 1939 года, № партбилета - 3152949. В бою под городом Витебском он был окружен немцами вместе с другими бойцами. Ввиду того, что идя в разведку у них документы не были отобраны и наличия угрожающего положения по приказанию лейтенанта 653 СП он вместе с документами зарыл в землю и партийный билет.

Член партии с 1937 года, №-партбилета 1970264
политрук ЗМИЕНКО
Член партии с 1941 года, №-партбилета 4008767
мл.политрук МОСТОВОЙ

12.VII.1941 г.

Справка написана химическим карандашом и подписи членов партии не заверены.

НАЧ.ПОЛИТОТДЕЛА 2 ОТД.УЧ.ТАН.ПОЛКА
БАТАЛЬОННЫЙ КОМИССАР /ХАЗАНОВ/

Подлинная справка отослана политотделом 2 ОТД.УЧ.ТАН. ПОЛКА в Политуправление Орловского Военного округа 15.9.41г. за №-025с

НАЧ.ПОЛИТОТДЕЛА 2 ОТД.УЧ.ТАН.ПОЛКА
БАТАЛЬОННЫЙ КОМИССАР /ХАЗАНОВ/

Отп.2 экз.

Справка, подтверждающая, что Френкель вынужден был спрятать свой партбилет перед выходом из окружения.

хватает мест, и их приходится находить путем уплотнения. Ребят жалко, так тесно, но что делать? Перетащил к себе музыканта музвзвода Виктора. Воспитанник Красной Армии. Ему 14 лет, до 12 лет был в детском доме в Москве. Очень обаятельный парнишка с красивой внешностью. Учился в 6-м классе, но видно условия военной жизни ему во многом мешают.

Сварил сладкую кашу и сытно поели с Виктором.

Иногда пристают мысли о личных делах. Отгоняю их как можно быстрее. К чему думать и о чем думать? Ведь каждая минута и каждый день готовят события, способные сломать все до корня, а может, и вырвать с корнем.

Сегодня XXIV годовщина Великой Октябрьской соц[иалистической] революции. Первый раз в такой обстановке встречаю этот великий праздник. Прошло 24 года, а мне 27 лет. Все мое воспитание прошло в эти годы. Очень смутно я помню некоторые эпизоды гражданской войны. В годы сталинских пятилеток принимал

активное участие в строительстве. Я уже работал на электрозаводе, принимал участие в различных субботниках, ездил в деревню на посевные компании и т.п. …

Теперь, когда страна в такой опасности, я ощущаю всю боль потерь. По-моему, история знает много ужасов и различных испытаний. История несомненно работает на нас, и наша победа неизбежна. Но эта война нас многому научит. Во многом мы расплачиваемся за наше благодушие в мирное время. Мы во многом теряем из-за того, что были мало требовательны. Надо было больше деловитости и меньше ложной демократии и «звона».

Был короткий доклад в вагоне о годовщине революции. Делал его мл. политрук Петровский. Подъезжаем к Боброву.

21–22 ноября 1941 г.

Уехали из Пензы. За это время я не записал несколько неприятных событий. Сам начальник эшелона был «под мухой», его тащили, и это видели бойцы…

Сегодня 5 месяцев [с] начала войны. Много потеряно. Но немцы явно застряли. Почти ежедневно имеются речи Черчилля, Рузвельта и др. История работает на нас. Вчера англичане начали наступление в Ливии. Хотя это далеко, но все-таки для нас лучше. Из речи Черчилля видно, что Гитлер ищет сепаратных переговоров с Англией.

27 ноября 1941 г.

В Куйбышев прибыли вечером. Чувствуется правительственный город. На станции чистота и порядок, на вокзале пиво, печенье, ресторан работает. Светомаскировка отсутствует. По-настоящему здесь войну еще не нюхали. Немецкие самолеты сюда не добирались. В поле в некоторых местах еще только скирдуют копны ржи. Как видно, не хватает рабочих рук.

Передавали итоги войны за 5 месяцев. Немцы явно застряли у Ростова, Ленинграда, Москвы. Американский военный наблюдатель пишет, что под Москвой начался серьезный кризис немецкой армии. Итоги за 5 месяцев: потери людьми немцев ~6 млн.; наши — 2,122 тыс., из них 194 тыс. убитыми.

1–2 декабря 1941 г.

Положение на фронте улучшается в нашу сторону. Немцев преследуют за Ростов. Сегодня 7-я годов[щина] убийства т. Кирова. Наши политруки даже словом не обмолвились. Как видно, они «шибко» заняты.

Часто приходят мысли о маме. Она, наверное, волнуется, не зная, где я. Я также о ней ничего не знаю. Ничего не поделаешь, время такое.

23–27 декабря 1941 г.

Очередное приятное столкновение с Поповым. Мы с ним на одной машине!

В Белгороде мы разошлись по разным частям, казалось, навсегда…

Чистили машину вдвоем. После большого перерыва все делалось с удовольствием.

Просились с Поповым нас послать на завод в Сталинград для изучения сложной пушки, но нам ответили, что пошлют только средний комсостав. Посмотрим, как они сумеют ее передать. Все-таки приходится констатировать плохую подготовку многих командиров. Чертовски обидно, почему так безответственно используют в армии инженеров.

Меня перевели во взвод мехводителей. Новая машина мне нравится.

На фронте дела идут хорошо. Много городов заняли: Калинин, Клин, Нарофоминск.

Успехи поднимают дух бойцов, кругом идут оживленные разговоры.

Обескураженный неудачами, Гитлер сместил главнокомандующего [сухопутными войсками — *Сост.*] Браухича и назначил… себя. Время покажет, но до сих пор высказывания Сталина подтверждались жизнью.

Погода неплохая. Много снега. Деревня имеет приятный вид. Но на душе невесело.

Причин много. Неудовлетворенность от того, как меня используют. Разбор партийного дела затягивается. Где мама, не знаю. Наверное, волнуется.

5–10 февраля 1942 г.

Партийное дело затягивается. Таких, как я, много.

Эти дни занимался оборудованием техкласса. Преподаю технику в своей роте ежедневно по 3–4 часа.

Гитлер выступил в Берлине, и сказал, что «за зимой наступит весна». Как видно, немцы весной готовят удар. Мы тоже усиленно готовимся. 15.II будет экзамен для бойцов, а там, наверное, отправят на фронт.

В последние дни наслушался обывательских разговоров. Большинство взрослого трудоспособного населения переносят трудности и лишения бодро, сознательно. Но в семье не без урода. Были разговоры, мол, кончится война, всех опять в колхозы будут сгонять, и «к чему такие жертвы нести, немцы придут, работать ведь все одно будем»

2–8 марта [1942 г.]

Принимали экзамены у бойцов. Откровенно говоря, плохо подготовили. Нет уверенности, что этим людям можно доверить такие дорогие машины.

Но среди бойцов некоторые считают, что если не сдать экзамен, то оставят доучиваться и на фронт не пошлют.

16–19 марта [1942 г.]

В третью роту пришло пополнение. Прекрасная молодежь, все с фронта. Сейчас сам вспоминаю эти рассказы о наших некоторых сволочах и предателях 22 июня. Мы, как видно, готовились к удару, ибо за 2–3 недели стянули войска к западным границам. Прибыли войска из ДВК. В Бресте 22 июня войска пошли… на маневры без боезапаса! Танки КВ стояли не заправленные горючим и боезапасом. Предатели сделали свое дело. Пройдут годы, и люди 50-х узнают об этом более подробно…

24 апреля 1942 г.

24 апреля был для меня счастливым днем. Пришло из ГЛ АВ ПУРККА подтверждение, что я являюсь членом ВКП(б), моя учет-

ная карточка в Свердловске. Вечером заседало партбюро батальона. Решение вынесли для меня положительное. Тяжелые минуты пережил на партсобрании 28/IV. Разбирали мое дело. Против меня выступил политрук Куликов и начал доказывать, что я не должен был зарывать партбилет, и что можно ли верить, что все было, как в справке. Мало ли к нам засылают шпионов и диверсантов и т. п. Тяжело слушать человека, который все это время сидит в тылу и пороха еще не нюхал, а дает умные советы. Однако все выступавшие говорили за меня, особенно те, кто с самого начала был на фронте и понимал обстановку. Указали мне, что я должен больше работать по агитработе. Лейтенант Чистяков дал мне хорошую характеристику. 18 человек голосовали за выдачу мне партбилета, а 4 против. Итак, партсобрание постановило билет мне выдать.

Какое это счастье! Впереди еще парткомиссия полка и округа. Много еще переживаний предстоит.

4–12 мая [1942 г.]

Писать стало очень трудно, просто негде. Выполняю слесарные работы на ремонте. Дал несколько предложений по применению приспособлений. Отнеслись хорошо и ничего не делают. А качество ремонта крайне низкое. Причина — безграмотность и деляческий подход к делу.<…>

Кормят два раза в день. Обед из двух блюд. Среди бойцов началась цинга. Неудивительно, 6 месяцев нет никаких овощей. Лук и чеснок достать невозможно.

Получил от Миши Подгорного письмо и фотографию. Выглядит неважно. Пишет, что в Москве бешеные цены на продукты.

Фашисты в Крыму пустили отравляющие вещества[1]. Черчилль выступил по радио и сказал, что если фашисты применят химию протии СССР, то Англия засыплет Германию с воздуха отравляющими веществами.

28 мая — 14 июня 1942 г.

Долго не писал. Не было ни обстановки ни настроения. Наша рота переехала в отдельное здание. Поставили часовых на воро-

[1] Об этом сообщило Совинформбюро. В действительности ядовитые газы применялись против защитников Аджимушкайских каменоломен под Керчью.

тах. Нет былой свободы. Выход только по разрешению. За это время выпустил несколько машин. «Набираю темпы».

Многие ребята болеют цингой. Кушаем сидя на земле, в пыли, рядом с уборной. Говорим, но воз и ныне там. Жалко смотреть на способных ребят, есть с высшим образованием, коммунистов. Но никто ничем не интересуется и сами о себе не заботятся.

Ужасно болят суставы на больной [раненой — *Сост.*] ноге. Лечения получить негде. Но духом не падаю, пересиливаю себя.

За это время произошли изменения на фронтах и в международных делах.

Бои на харьковском направлении закончились. Совинформбюро говорит, что задачи там выполнены. До нас дошли сведения о подготовке наступления немцами на Ростов, и, чтобы сорвать это, мы ударили на Харьков. Немцы потеряли 90 тыс. убитыми и ранеными, а наши потери 50 тыс. убитыми и 70 тыс. пропали без вести. Все это непонятно, особенно про «пропавших без вести». Думаю, разобраться можно будет лишь спустя некоторое время после войны… Керчь наши оставили. Говорят, у немцев там было очень много авиации.

Англия увеличивает масштабы воздушных налетов на Германию. По 1000 самолетов бомбили Кельн, Эссен и другие рейнские города. Разрушения огромные. Черчилль обещает еще больше усилить бомбардировки. Англичане делали разведывательные высадки на французском побережье. Американские войска прибывают в Англию.

26 мая Молотов был в Лондоне, а 29-го в Вашингтоне. Подписали договор о совместных действиях против Германии. Без обоюдного согласия никакого перемирия. Сказано об экономической помощи после войны. Договор на 20 лет.

Неясно, за что Черчилль благодарит тов. Сталина, говоря о преодолении возникавших при подписании договора преград. Вероятно, мы пошли на какие-то политические уступки.

Сейчас сижу на высоком берегу Волги. 14/VI был выходной. До чего прекрасна Волга! Думаю о близких и друзьях.

13 июля 1942 г.

Нет скучнее дела, чем опоздать в Сталинграде на трамвай. Сел на тротуар, достал блокнот, пишу.

Утром вернулись с сенокоса, так как немцы форсировали Дон. В городе сильная нервозность. Около вокзала эвакуированные с вещами. Какая-то умная голова додумалась прямо на улицах ловить и мобилизовать грузовики. Легко себе представить, как это отразилось на настроении населения.

29 июля [1942 г.]

Информации никакой. Газет не видим. Говорят, что сдали Ростов и Новочеркасск. Сведения, наверное, правильные. Немец еще очень силен в технике. Похоже, он обходит все наши укрепления. Странно, как нас ориентировали в отношении сил немцев. Все прогнозы в отношении его истощения прошли, а он прет и прет. Для меня совершенно ясно, что организационно и по умению организовывать операции немцы очень сильны, и это пока имеет решающее значение.

А мы все «куем победу». Строим уже 8 дней, то, что можно сделать за 2 дня. Курсанта Хейфеца послали <…> в командировку за водкой, так как у него отец директор винзавода. Неразберихи много, что непростительно для училища.

Кормят прекрасно, три раза в день. Видно, что будущим лейтенантам уделяют большое внимание. Это отрадно.

В связи с последними событиями настроение у многих подавленное. Элькинд — это вообще обыватель с партбилетом.

* * *

«БОЛЬШОЕ ЖЕЛАНИЕ БЫТЬ В ДЕЛЕ»

Барон Лев Моисеевич *(1922–1941) — родился в г. Борисове Минской губ. (ныне — Белоруссия), затем переехал в г. Нижний Новгород (с 1932 по 1990 г. — Горький). В 1939 году призван в армию, рядовой — связист. Действительную военную службу проходил в г. Сухой Лог (Свердловская область). На фронте с первых дней войны. Сражался под Витебском и Смоленском. В июле 1941 г. был тяжело ранен, умер от ран. Похоронен в Смоленской обл. (по другим данным — под Минском). Упомянут в «Книге Памяти. Нижегородская область» (т. 1) и «Книге Памяти воинов-евреев, павших в боях с нацизмом», (т. 7). Сохранилось единственное письмо Льва по дороге на фронт, а также письма отцу — М. И Барону от его подруги и боевого товарища. Его довоенные письма отцу о знакомстве с Соломоном Михоэлсом см. в Приложении.*

Письма и фотографии передала племянница Л. М. Барона, М. С. Попова (г. Балашиха Московской обл.).

Лев Барон, 1939 г.

Раиса Иванова, 1941 г.

29 июня 1941 г.

Дорогой папочка!

Жив, здоров я, чувствую себя очень хорошо. Писать буду очень редко, не волнуйся. <…> Главное, у меня настроение бодрое, большое желание быть в деле. Да-да. Ну, пока все.

Целую тебя, твой сын.

17 августа 1941 г.

Уважаемый Моисей Иосифович!

Не удивляйтесь тому, что я осмелилась Вам написать, совершенно не зная Вас, но я очень хорошо знаю Вашего сына Левочку, который служил в Сухом Логу в полку на действительной военной службе. Левочка был моим хорошим другом. Свободное от работы время он уделял мне. Знакомство наше продолжалось с ним с момента приезда в Сухой Лог и до отъезда на фронт. Не буду скрывать о нашем обоюдном увлечении друг другом и, может быть, что-то большее, чем первое. Все это не то, что я хочу Вам написать; но я хочу Вас познакомить с собой, чтобы

Вы могли иметь обо мне хотя бы маленькое представление. Я была лучшим другом славного милого Левочки, но дружбу нашу навсегда разорвал неумолимый рок судьбы. Левочка тяжело ранен, навряд ли он жив вообще. Трудно мне, не хотелось Вас огорчать, но сознание преследует меня, что Вы не скоро сможете убедиться в той кошмарной действительности в то время, когда Левочка, в лучшем случае, если он жив, не сможет скоро сообщить о себе.

Уважаемый Моисей Иосифович, очень Вас прошу, мужайтесь, не падайте духом, что же сделаешь, когда судьба отказывается быть к нам снисходительной. Да! Я не могу спокойно Вам сообщить о случившемся… Боль сжимает грудь, и хочется плакать бесконечно…

Но и слез нет. Я просто задыхаюсь от горя. Если я сделала глупость тем, что написала Вам, прошу заранее прощения. Старшина роты, в которой служил Левочка, прислал письмо своей знакомой с фронта, в котором пишет, что во время войны с германским фашизмом он потерял много своих лучших бойцов, в том числе Барона. Осколком снаряда его ранило в голову, левую руку и выбило глаз, но самое ужасное, пишет он, что в то время, когда его везли в санитарной повозке, сильно очень бомбили. И навряд ли, пишет этот старшина, довезли его живым, так как к тому же в это время Левочка был без сознания.

Левочка! Милый славный Левочка! Не верится в то, что его больше нет. Но, увы, ужасная действительность. Какой кошмар!! Разве можно высказать горечь о товарище, разве можно это просто описать. Отшумела молодость, отцвела безвременно…

У меня к Вам, уважаемый Моисей Иосифович, большая единственная просьба. Может быть, Левочка еще жив и лежит где-нибудь в госпитале. О, как бы я этого безумно хотела! Если же мои слова сбудутся, и он Вам напишет, напишите мне его адрес. Если же от него ничего нет, то, вероятно, слова написанные совершенно оправдались. Все равно напишите мне, а самое главное, о чем я Вас умоляю, пришлите мне его фотографию, ту, на которой он снят с волосами. В последний день отъезда на фронт я его не видела, так как не была в лагерях. Но мою подругу Левочка просил передать мне о том, что, если будет жив, обязательно напишет и пришлет карточку (у меня есть его фотография в красноармейской форме, которую я ношу в медальоне). Очень он жалел, что нам

пришлось с ним так расстаться, я тоже не могу с этим смириться. Очень и очень Вас прошу: если Левочка не смог послать мне карточку и письмо, сделайте за него это Вы. <…> Левочке также хотелось иметь мою карточку. Левочке послать мне ее не удалось, поэтому посылаю ее Вам, и, если Левочка окажется жив, о чем я молю судьбу, сохраните ее для него. <…>

Дорогой Моисей Иосифович! Прошу Вас, возьмите себя в руки, может быть, мы будем счастливыми и увидим когда-нибудь нашего дорогого незабвенного Лесика, может быть он хоть и тяжело ранен, но жив. Я работаю в госпитале, на днях принесли много раненых. Среди них я все время ищу Лесика — какое было бы для меня счастье, если бы я могла бы ухаживать за ним. Считаю себя перед Вами виноватой за то, что так сильно расстроила Вас, но молчать не могла, потому что мне тяжело до безумия. <…>

Жду с большим нетерпением письма от Вас и фотографию Лесика. Надеюсь, Вы мне в этом не откажете, умоляю Вас.

С искренним уважением и приветом к Вам,

Раиса Иванова.

25 мая 1945 г.

г. Вайноды [Латвия].

Пишет вам И. А. Машакин. Сегодня получил ваше письмо и спешу ответить.

Товарищ Барон, вы спрашиваете о судьбе вашего сына Левы, что я знаю. Но знаю я мало и точно сообщаю вам.

С первых дней войны мы с Левочкой были вместе в одном батальоне и роте в Смоленской области [и] г. Витебск. В июле месяце 1941 г. наша часть приняла бои за Витебск и с боями отходила. В июле месяце 1941 г. наша часть попала в первое окружение, но наш батальон и несколько других батальонов прорвали кольцо, и вышли из окружения. В этом окружении Левочка был радистом, а я — электромехаником, но в последних числах июля 1941 г. наша часть была в боях за г. Смоленск, который переходил из рук в руки два раза; во второе окружение [попали] между Смоленском и Ярцевом Кардымовского района. В этом окружении Левочка был серьезно ранен в голову. Я лично Леву не видал, но слышал

официально от командира батальона и моих товарищей, уже многие очень жалели. Лева находился хотя и в тяжелом состоянии, но в госпиталь его не сдавали и не хотели сдавать. В это время наша часть [была] притеснена к реке Днепр и с четырех сторон обстреливали. Вскоре и я был ранен, легко контужен и некоторое время лежал на поле, приваленный землей и без медицинской помощи, пролежал несколько часов, но на мое счастье меня отрыл один местный старик, колхозник, и дал нужную мне помощь. Вот, что я мог написать; дальнейшую судьбу Левочки я не знаю. Прошу вас, т. Барон, передать мой привет вашему сыну Нене[1] и другим по школе. С приветом, И. А. [Подпись].

***

«КАРТИНА БЫЛА ПОТРЯСАЮЩАЯ!»

Фридлянд Анатолий Абрамович *(1920–1941) — родился в г. Сумы (Украина). Служил на Балтийском флоте. Краснофлотец-пулеметчик, погиб 21 сентября 1941 г. во время боя корабля с береговыми фашистскими батареями под Ленинградом. Похоронен на кладбище Военно-медицинской академии. Письмо адресовано матери, Фридлянд Марии Федоровне.*

Копию письма передал В. Г. Глозштейн (г. Москва).

30 июня 1941 г.

гор. Кронштадт

Здравствуй, дорогая мама. Пишу тебе из Кронштадта, куда мы пришли 27/VI — 41 г. Письмо мое из Риги ты, наверное, уже получила. Сколько простоим в Кронштадте, точно сказать не могу, но, наверное, не меньше месяца.

Итак, снова началась война, на этот раз уже с Германией.

Во время перехода из Риги в Таллин мы были торпедированы германской подводной лодкой. К счастью, нам удалось отвернуть.

[1] Наум Барон, родной брат Льва Барона. См. его письма на с. 241.

Немного спустя заметили перископ, по которому немедленно был открыт артиллерийский огонь. Затем мы подошли к месту появления перископа и начали сбрасывать глубинные бомбы. Минут через пять лодка показалась на поверхности, по которой снова был открыт огонь. Из пробоин в лодке показались огромные столбы огня и дыма, и через минуту лодка затонула. Картина была потрясающая!

Бронекатера в походе. Балтийский флот. Октябрь 1941 г. Фото М. А. Трахмана. ЦАЭ и АДМ.

Я пока жив и здоров, так что особенно не беспокойся, буду стараться писать почаще, хотя времени сейчас очень мало. Будем надеяться, что война скоро закончится разгромом Германии.

Возможно, что когда я приеду в отпуск, то привезу тебе отрез на платье откуда-нибудь из Кенигсберга или Мемеля. Пиши мне, что творится у вас, ведь, кажется, ваш край тоже объявлен на военном положении.

На этом кончаю.

Целую крепко, твой Толя.

Привет Тане и Ляле.

* * *

«ОКОННЫЕ СТЕКЛА ОКЛЕИТЬ БУМАГОЙ КРЕСТ-НАКРЕСТ»

Ривкин Лев Исаакович *(1908–1942) — родился г. Витебске (ныне Белоруссия). Окончил Московский институт стали им. Сталина (впоследствии МИСиС). Ушел ополченцем на фронт в июне 1941 г. Старший лейтенант, командир минометного взво-*

Л. И. Ривкин, 1931 г.

да 1285 с. п. Умер после ранения в голову в январе 1942 г. (по другим данным 25 декабря 1941 г.) под Москвой. Похоронен в Серпухове в братской могиле на Соборной площади. Упомянут в «Книге Памяти погибших и пропавших без вести в Великой Отечественной войне», (т. 11), «Книге Памяти воинов-евреев, павших в боях с нацизмом», (т. 3).

Письма и фотографию, адресованные семье, передала Н. Л. Белицкая (г. Москва).

5 июля 1941 г.

6 ч. Утра.
Письмо 3-е.

Мои дорогуши!

Сегодня я дежурю и, как водится, не спал всю ночь. Очень хотелось спать около четырех часов ночи. Теперь как будто все прошло. Скоро начнется кипучий, полный забот и хлопот день.

Живу я в деревне неподалеку от г. Вязьмы. Полагаю, что здесь пробуду около недели, а может быть, и больше. Назначен я командиром минометного взвода. Пока есть возможность, готовлюсь сам.

Как, мои золотые, живете там без меня? Не очень ли часто беспокоят Вас по ночам тревогами.

Я считаю так, Катюша: если тревоги в Москве будут частыми, то тебе следует перебраться за город — там значительно спокойнее будет. Знаю о том, что письма теперь идут около 10 дней. Тем не менее, жду от тебя писем по адресу: г. Вязьма. Почта. До востребования.

Мусинька! Дома надо оконные стекла оклеить бумагой крестнакрест.

Пиши мне о твоем житье-бытье, о Нинушке (зубки, ходит ли и пр.), о родных и знакомых. Одним словом, о всех новостях. Крепко-крепко обнимаю и осыпаю поцелуями моих родимых и дорогих женулю и дорогулю.

Любящий Вас папуся.

24 августа 1941 г.

Письмо четырнадцатое.

Дорогие женуля, дорогуля Риточка, дедушка с бабушкой, Вера Филипповна со чадо!

После полученных от тебя двух телеграмм на сердце стало спокойною. Но почему нет ни одного письма? Жду не дождусь!

Может оттого, что номер полевой станции недавно изменился и поэтому задерживается пересылка. Да из Москвы мои письма тебе вероятно не все переслали.

Я уже тебе писал в Кисловодск о том, чтобы ты написала в Москву на имя начальника 9-го почтового отделения, чтобы он переслал тебе в Кисловодск почтой деньги в сумме 700 р., которые я тебе отправил из Вязьмы 16/VII квитанция № 2011. Сообщи мне и о том, как ты с аттестатом устроила: будут ли выдавать тебе в Кисловодске деньги из Москвы? За июль и август месяцы ты уж должна была получить деньги. Получила ли?

Напиши мне подробно: как вам всем там живется? Как здоровье каждого в отдельности? Самочувствие? Какие жизненные успехи делает Нинушка: ходит ли, появились ли еще зубки? После твоего сообщения о зубике я себе начал представлять Нинушку с одиноко торчащим большим зубом. Картина смешная!

Риточка в Москву, конечно, не поедет.

Седьмой класс, очевидно, будет проходить в Кисловодске. Что тебе пишут из Москвы? Кто там остался в квартире?

Как хотелось бы на вас посмотреть, обнять и поцеловать вас. Но с этим немного придется обождать. Полагаю, что недолго. Здесь уже лето на исходе. Начинаются прохладные и даже холодные ночи.

Пришли мне небольшую посылку: 2 куска туалетного мыла, мыльный порошок для бритья, флакончик тройного одеколона небольшой, плоский, пару теплого белья, если достанешь, и, пожалуй, все. Да, еще конвертов побольше без марок, сине-красный карандаш и пару черных карандашей. И, если достанешь, теплые носки.

Вот и все. Здесь мы оторваны от городов, железной дороги, почты и всех тех мелочей, которые можно получить или купить в городе.

Часы мои, например, починить негде. Ответить на телеграмму, хотя ответ оплачен, тоже не могу: нет поблизости почты.

* * *

«ЖАЛЕЮ, ЧТО БЫЛ АККУРАТЕН В ЯВКЕ И НЕ ПРОСТИЛСЯ»

Ф. Н. Слайковский
и С. Б. Левина, 1929 г., Москва.

Слайковский Федор Николаевич *(1900–1942) родился в дер. Ухолоды под г. Борисовом Минской губернии (ныне Минская обл., Белоруссия). Перед войной жил в Москве, инженер Дербеневского химического завода. Ушел на фронт 4 июля 1941 г. в составе 9-й Кировской дивизии народного ополчения Москвы. Официально — пропал без вести в сентябре 1941 г. В 2001 г. благодаря усилиям фонда «Народная память», выяснилось, что Ф. Н. Слайковский попал в плен под г. Дорогобуж 7 октября 1941 г. Содержался в лагере военнопленных Цайтхайн в Германии. Отправленный на принудительные работы на химический завод в г. Усти-над-Лабой (ныне — Чехия), «умер от истощения» 21 октября 1942 г. Похоронен там же на городском кладбище в братской могиле советских военнопленных.*

Письма адресованы жене, Софье Борисовне Левиной и дочерям Нине, Ольге и Вере. Копии писем передала дочь, Н. Ф. Слайковская (г. Москва).

9 июля 1941 г.

Сонечка! Домой приду на днях, но точно не могу сказать, когда. Отпускают с трудом и по очереди. Хотел взять матрас, спать жестко. Обедаю в столовой № 155, что на углу к Павелецкому вокзалу около трамвайной остановки «Б» в нашу сторону.

Не унывай. Все будет хорошо. Я в этом уверен.

Если будешь свободна, заезжай, и я постараюсь выйти во двор (но лучше этого не делай, т. к. зря теряется время твое).

Целую всех вас. Федя.

12 июля 1941 г.

Сонечка и детки! Поздравляю Верочку с днем рождения, а вас с именинником. Желаю быть здоровыми, веселыми, послушными. Обо мне не беспокойтесь, все идет хорошо. Приходи, Сонечка, если будешь свободна. Лучше всего ехать на «А» или «19» и, не доезжая одну остановку до Зацепы, сойти и по Новокузнецкой улице между домами 31–33 — скверик, а за ним школа. Вызывай меня с 7 роты 2 взв.

Сонечка! Заготовь конвертов без марок и бумагу для писем.

18 июля 1941 г.

Сонечка! Жалею, что не увиделись с тобой в школе. Все случилось неожиданно. Теперь я ушел далеко от Москвы, думаю побывать в Нарофоминске, а затем прибыть домой. Насколько удастся это — увидим. Прошу вас очень довести до конца огород, упорядочить дрова на чердак (это мелочи) и вещи на террасы и чердак сарая. Держись за дачу до последней возможности, обо мне не беспокойтесь, все идет хорошо, не удивляйся скоропалительности — надо было переменить место для отдыха. Я уже поправился здорово, загорел, руки гладкие, только беда в том, что нет кому показать их. Буду писать после. Все. Целую вас, мои дорогие.

27 июля 1941 г.

Сонечка, детки, Оля[1] Я удалился от вас еще дольше — еду. Жалею, что был аккуратен в явке и не простился с вами, а можно было и задержаться до утра. Ни в чем, кроме конвертов и бритвы, не

[1] Племянница Ф. Слайковского, жила с его семьей перед его уходом на фронт.

нуждаюсь, обут, одет хорошо. С питанием тоже недостатка не ощущаю. Не беспокойтесь, «еду не на фронт». О вас мои заботы — как вы живете там, в чем нуждаетесь, как детки, хозяйство. Хотя нам адреса и не дали, но думаю, что можно написать так: 9-я стрелковая дивизия Кировского района, 3-й полк, 7-я рота. Целую вас, мои милые. Пишите мне.

Ф. Слайковский.

2 сентября 1941 г.

Дорогой Макс[1]! Пишу тебе это письмо в тревоге. Чем же объяснить, что Соня ничего мне не пишет? Живы ли они? На днях к тому же я узнал, что Малаховка была подвергнута бомбардировке. Правда ли? Все ли у меня там благополучно? Будь добр — напиши мне открыткой и без марок, так как закрытое будет идти гораздо дольше. Пиши все, что знаешь. Интересует все, что делается в родне и у знакомых.

Пусть Соня напишет — жду. Все еще надеюсь, что письма задержаны цензурой, — опыт показывает, что это главная задержка. Поэтому писать надо открытки. О себе могу написать следующее: искренне говорю, что службой доволен, готовимся встретиться с врагом подготовленными, чтобы бить его и пулей, и штыком, и пулеметом и пр.

Успеваю неплохо. Теперь к тому же стал сам [далее зачеркнуто цензурой]. Занятий не особенно много, имею возможность распорядиться собой — написать письмо, прочитать кое-что — беда только, нет книг. Если можешь, то вышли что-нибудь основательное по противохимической обороне — отравляющим веществам. Очень нужны книги, а их еще не дали. До свидания. Желаю всех благ. Федя.

К тому же очень прошу тебя выслать мне конвертов (без марок, открыток, тоже спецзаказ).

Вообще, если увидишь Соню, то передай ей, что очень прошу писать, а чтобы знать, что вы там живы, здоровы, то поскорее соберите маленькую посылочку: бритву, ножик складной — у меня был плохонький в Малаховке, бумагу, открытки, галеты, драже.

[1] Родственник жены Ф. Слайковского.

Последние два предмета не обязательно, просто заодно побаловать себя. Вообще же «одет, обут, всегда сыт», чего и вам желаю. Целую.

29 сентября 1941 г.

Милая Сонечка, детки, Оля! Хотя я на днях и оправил вам письмо по указанному Розой адресу, но на всякий случай сегодня решил написать опять: использовать свободное время вперед до сбора своих слушателей на учебу. Поверь, Сонечка, что чувствую себя очень хорошо (хотелось бы, чтобы вся служба продолжалась бы в этом духе, как теперь). Работой увлекаюсь. Изучил и руковожу такими делами, о которых три месяца назад не слышал не только я, но и многие командиры. Вообще «смелость города берет» — нет такой отрасли знания, с которой не справился бы твой Федя. Писать больше не следует. Хочу, чтобы писала ты обо всем: как учится дочь, что делаешь ты, Оля. Как вообще живете. Что оставили на даче и что в Москве, где ключи (была возможность поехать в командировку в Москву, он, так как тебя не было там, то не стал добиваться, а отправил другого москвича). Очень жалею, что тебя нет в Москве — не знаю, что ждет меня впереди. Может быть, и не увидимся после (ведь знаешь, где нахожусь). Прошу пока об одном — напиши мне хотя бы открытки (есть они без марок — спец. для армии). На фронте большая радость получить от родных письмо. Пиши обо всем, что знаешь. В отношении теплой одежды вопрос еще не определен — обещают на днях выдать — поехали в Москву. Стало уже холодновато — ведь знаешь, что живем в шалашах в лесу. В посылках нужды пока не ощущаю, сыт, обут.

Пленный командир Красной Армии. Фото немецкого солдата. Из коллекции Г. А. Шепелева

* * *

«МАЛЕНЬКИЙ ОСКОЛОК ПРОБИЛ МНЕ ШИНЕЛЬ»

В. Г. Кагарлицкий. На обороте: любимым родителям и братику Валечке от Владимира Кагарлицкого. 12 декабря 1943 г.

Кагарлицкий Владимир Григорьевич *(1923–1972) — родился в г. Днепропетровске (Украина). Окончил школу в г. Москве в 1941 г. В июле-сентябре 1941 г. находился на оборонительных работах в Смоленской обл. С апреля 1942 г. — курсант зенитно-пулеметного училища в селе Сорочинское Чкаловской обл. (ныне — г. Сорочинск Оренбургской обл.). На фронте — с 1943 г. Младший лейтенант, командир взвода батареи ПВО. После тяжелого ранения в апреле 1944 г. признан инвалидом и уволен в запас. В декабре 1944 г. поступил во ВГИК. Был членом четырех творческих союзов — Союза кинематографистов, Союза журналистов, Союза писателей и ВТО (Всесоюзного театрального общества). Выпустил более 200 документальных фильмов. Один из основателей Московского кинофестиваля.*

Еще в школе начал вести дневник, который с перерывами продолжал на фронте и в госпитале.

Дневник и фотографии передала дочь, Е. В. Кагарлицкая (г. Москва).

18 июля 1941 г.

2-го числа в Вязьме мы стояли до 12 часов ночи. В 12 часов нас погрузили на автомашины и подбросили по магистрали Москва—Минск, но 50 км. к западу, в деревню Арефьино. Так начались наши скитания по деревням Смоленской области. В Арефьино мы прибыли в 3 часа утра 3 июля. Нашли себе сарай, в котором прожили до 10 числа. День 3 июля мы отдыхали, а ночью вышли на

работу. Работа оказалась самая прозаическая — без капли романтики — землекопами. Мы копали противотанковые рвы. Работали каждую ночь с 9 часов вечера до 5 часов утра. Кормить нас там совсем не кормили, только 5-го числа нам начали давать по 200 г. хлеба на человека. Все ребята истощали, и если бы не та пища, которую мы покупали за свои наличные, многие тогда свалились бы. Мы покупали в деревне молоко, ходили на железнодорожную станцию Издешково, которая в одном км. от Арефьино. Там мы покупали сыр, хлеб, ходили обедать. Ребята за это время огрубели, мат на каждом шагу. Некоторые за это время сошлись, некоторые стали друг другу зверями.

10 июля вечером нам приказали собрать вещи и 11-го утром мы без вещей вышли на новое местожительство, на новое место работы. В 3 часа дня мы пришли в деревню Сопотово, пройдя 17 километров. К вечеру нам привезли вещи. В этой деревне мы расположились в пустой избе, в которой поместились 80 человек. Но жили мы в этой деревне неплохо, наш колхоз — я, Юзик и Борька Сестрорецкий регулярно получали у одной хозяйки молоко. Хлебали похлебку. Руководство кормило нас тоже неплохо, ели горячее, два раза дали суп, четыре раза кашу. А работа в Сопотове была та же самая — рыли противотанковые рвы. У ребят, когда мы жили в Сопотове, уже сложилась определенная психология — все разговоры были только о еде и о Москве. В Сопотове очень чувствительна близость фронта — полно военных, все время летали немецкие самолеты. Там все время была стрельба из орудий и пулеметов. В Сопотове мы работали по 12 часов. Полной неожиданностью для нас было, когда вечером 25 июля после рабочего дня нам приказали быстро собраться, и в ночь мы выступили. Прошли мы от Сопотова 40 км., не ели, не спали, пришли 16-го числа в 2 часа дня и сразу завалились спать. Пришли мы в Бухоново. Вчера утром мы перебрались в эту деревню, в Годуново, и здесь мы расположились в дырявой риге на краю деревни, всю ригу продувает, ребята все мерзнут, вещей здесь у нас нет, и неизвестно, прибудут ли они, потому что нас-то вовремя убрали из Сопотова, там немцы спустили десант, наши вещи все сложили в сарай, и если будет возможность подвезти вещи, их подвезут. Настроение у всех сейчас паршивое, злое. Всем, даже командирам, хочется поскорее в Москву. Нехорошее настроение.

12 августа 1943 г.

Вот снова собрался писать. Итак, начну с выезда из Ногинска. 2-го числа я проводил Машеньку[1] к ее казарме и очень много с ней поговорил. Мне кажется, что у ней ко мне чувство серьезное, и поэтому разговор у нас был без всяких шуток. Пообещалась ждать. Ну что ж, это будет очень хорошо.

Из Москвы я выехал четвертого. Папа, мама и Валечка[2] проводили меня на вокзал, когда поезд тронулся, Валечка заплакал. Я выехал из Москвы на Тулу. Началось обратное путешествие. До Тулы мы с Мишкой ехали, как короли. Захватили верхние полки, взяли постели, в общем, ехали культурно. В Туле переночевали, даже посмотрели картину «Свинарка и пастух». Утром 5-го мы подались на тульский КПП. Сидели там часов пять, и нам очень повезло, мы встретили машины из дивизии, с которыми я должен был ехать в Москву еще 23-го числа, и с этими машинами ехали до самого полка. Проехали Ефремов, Ливны, Курск и Обоянь. Боже мой, что сделалось с Ливнами! Мертвый город, одни коробки без крыш и стекол, редко-редко где встретишь целый дом. Такая же картина в Курске. По дороге мы узнали, что наши уже пошли в наступление на нашем направлении. Ну, мы пустились догонять.

Догнали своих мы 8-го числа и 9-го я уже был в полку. По дороге видели массу побитых танков, фрицевские трупы и пленных фрицев. Эх, но как обрадовался Владимир Александрович, когда увидел, что я приехал. Ну конечно, сразу же начались расспросы, разговоры. В первый же день разговаривал с Гришкой, он мне рассказывал о том, как себя ведет Лысенко во время бомбежек. Он, оказывается, страшный трус. Наша полурота уже имеет потери. У Веньки во взводе потери: две машины, два пулемета, 1 убит (Овчинников, старик, он <…> был в моем взводе, такой безответный старичок), 4 ранены. Кроме того, ранена Тараторкина.

Тот день, когда я приехал — 9-го числа был для нас большим днем. Наш полк в этот день сбил 11 самолетов. Всего полк имеет 21 самолет. Но в этот день у нас были также и потери. В 3-й батарее 6 убитых и 8 раненых. Повреждены были две пушки, одну из них

[1] Подруга В. Г. Кагарлицкого.

[2] Младший брат В. Г. Кагарлицкого.

отремонтировали в этот же день. У них полтонная бомба попала прямо во дворик, где стояла пушка, пушку выбросило и перевернуло. Она воткнулась в землю стволом и вращалась на нем. Ну, ствол, конечно, согнулся. Остались живы из этого расчета только 1-й и 2-й номера, остальные убиты. И то, 1-й и 2-й номера ранены.

Вчера ранили Володьку Абалмасова. Ранение, правда, очень странное. Ночью пошел в лес, где стоял наш штаб и там, он говорит, ходили какие-то двое, он вступил с ними в перестрелку и его ранили.

Вчера мы приехали в г. Богодухов, где и находимся сейчас. Этот город был очень долго у немцев. Население напугано, когда мы пришли, они у нас спрашивают, а правда, что мы берем в армию 14- и 15-летних ребят?! Тут у них все уверены, что Москва взята немцами!

*

Рідна Украина! Вот снова я здесь! Родные села и поля, такие милые сердцу человека, родившегося на Украине. Хлеб уже скошен и лежит в поле копнами. Высокие подсолнухи радуют взгляд своими веселыми шляпками. Мы идем освобождать родную землю, это хорошо.

Сейчас очень интересно получается. Танки идут вперед, занимают деревни, станции, а пехоты нет. По лесам бродят оставшиеся власовцы, они организуются в группки и банды. Вот будет работы заградотрядам.

Самостийная Украина! При любом потрясении здесь начинается настоящий кавардак. Порой брат воюет против брата, и это считается уже обыкновенным. Я удивляюсь, почему еще не гремит банда какого-нибудь «Зеленого».

2 октября 1943 г.

<…>

Костя сейчас за собой возит ординарца-Аньку, девушку, которую я знал еще в Ногинске, когда она была в гражданке. История ее падения следующая. Сначала она работала в ППС, потом ее перевели писарем в оперативный отдел штаба дивизии, потом писарем в наш штаб. Сейчас она ППЖ Кости. ППЖ — это полевая походная жена, как называют у нас на фронте девушек типа Аньки.

Многие из них гордятся этим! В Рудовке я спросил у двух военных девушек — вы, говорю, из какой части? А, говорят, ППЖ. Ничего себе?

5 октября 1943 г.

<…> Три дня назад убило Лешку Шеко. Он только поговорил с майором и шел на батарею, как разорвавшимся снарядом его убило наповал. Как все-таки жалко Лешку! Его наградили орденом, выдвинули комбатом и вдруг такая смерть! Глупая и ненужная смерть, с которой никак нельзя примириться. Майор после этого ходит как прибитый, мы с ним вчера сидели, разговаривали, и он говорил, что после этой смерти им овладела какая-то апатия. Еще бы!.. Ведь это первый погибший офицер нашего полка.

*

И ведь что обидно! В то время как здесь ребята сидят в блиндажах и не могут голову высунуть наружу, тыловики дают гастроли. Я за эти дни, что был болен, насмотрелся на порядочки в тылах.

Пьянствуют все беспредельно. А когда пьют командиры, то подчиненные им, конечно, подражают. В тылах дело доходило до диких сцен. Абалмасов побил стекла в хате, пригрозил старушке спалить дом, если она не даст ему сметаны. Его поймали какие-то военные, здорово избили, отобрали автомат, и он еле приполз к своим. Два здоровых парня со взвода управления забрались в дом, выгнали хозяйку, забрали все из гардероба и ушли. Конечно, вещи все вернули, ту братву посадили, но какое мнение создастся у мирного населения! Правильно сделал майор, что этих тыловиков Абалмасова, Коваленко направил к нам, в действующие подразделения.

13 октября 1943 г.

<…>

Снаряд (этюд)

Солнце склоняется к закату. Великая река Днепр медленно катит свои волны. На них покачиваются паромы и лодки, на которых переправляются войска и техника. Тихо. У пристани толпится народ — это представители частей, соединений, посыльные и просто интересующиеся своей очередью из нетерпеливых. У подъезда к переправе — машины, «катюши», снаряды, повозки.

Первый разрыв не произвел никакого впечатления. Он был далеко, на другом берегу, и люди просто повернули головы в ту сторону. Второй снаряд упал в воду. Третий разорвался на нашем берегу. Боже мой! Что он наделал, этот третий снаряд! Смешались в кучу лошади, люди — и всех как ветром сдуло. Вся эта толпа, которая смеялась и разговаривала, курила и ругалась, бросилась бежать. Через полминуты у пристани никого уже не было — кроме лежащих на земле снарядов. Казалось, имей они ноги, и они неслись бы в этой толпе. Вот что может наделать снаряд в беспорядочной толпе — навести порядок!

14 ноября 1943 г.

Сейчас вечер. Только что прибежал посланный от комбата, который объявил отбой-поход. Не хочется вылезать из теплой натопленной землянки на морозный воздух (погода сейчас очень морозная, особенно ночи), но надо. Надо ехать вперед, на запад.

Три дня мы очень неплохо отдохнули на этой огневой позиции. Фронт далеко, можно ходить во весь рост, самолетов нет — словом, рай.

Вчера у нас был праздничный день — личному составу вручали правительственные награды. Вручили и мне орден Красной Звезды. Запомним, в ноябре 1943 г., возле деревни Капиевка, вручил начальник штаба полка капитан Беляков.

А сейчас вперед, на запад!

17 ноября 1943 г.

В ту ночь мы двинули на Житомку. По дороге нас остановило дивизионное начальство и сказало, что задача изменена. Вчера утром мы приехали на огневую позицию возле деревни Хомутец. Задача была поставлена очень серьезная — прикрытие с воздуха и оборона против танков. Мы заняли огневую. Сегодня утром 30 «тигров» пошли в атаку. И хотя наша пукалка ничего не может сделать с этой машиной, мы приготовились к бою. Гранаты, минное оружие, бронебойные снаряды. Но штаб дал приказ отходить.

Мы стали делать отбой-поход, и тут началось. «Тигры» нас заметили и начали обстреливать. Я был на третьем орудии — оно находилось как раз напротив танков, и ему больше всего доставалось. Снаряды ложились вокруг дворика, но люди работали очень хорошо. Один Мостовой струсил. Он забился под платформу и там лежал, пока я его не выгнал. Когда я отправил машину с пушкой и людей, я собрался идти сам. Тут рядом со мной разорвался снаряд. Меня бросило на землю. Сразу заболела грудь. Я себя ощупал — кровь как будто нигде не течет, и собрался идти, как услышал, что старший сержант Бороздкин кричит, что он ранен. Спустился в ровик, перевязал его, отправил его с хлопцами и выбрался сам на дорогу. Потом, когда мы уже приехали на место, я осмотрел себя. Оказалось, что маленький осколок пробил мне шинель, карман, записную книжку, ударился о футляр для очков и остался в кармане. Ну прямо в рубашке родился!

Больше всех струсили сегодня отдаленные управления и старшина. Управленцы даже вещи и печки все побросали там, бросили пять катушек связи. Старшина тоже был сам не свой.

Бороздкина отправили в санчасть. Третьим орудием командует сейчас Лужвик.

16 января 1944 г.

Утро. На улице еще темно, но я уже встал, потому что я сегодня оперативный дежурный. Вышел на улицу и объявил подъем. Сегодня с утра действительно тихо. Где-то далеко видны вспышки орудийных выстрелов и какие-то ракеты.

Стоим мы сейчас в местечке Липовец. Немец предпринимает здесь отчаянные попытки задержать наше продвижение вперед, и про наше направление в сводках пишут — восточнее Винницы отбивались контратаки крупных сил, танков и пехоты противника. Действительно, здесь против нас брошено очень много танков, и противнику удалось немного потеснить нас. Но это, конечно, временно.

Больше всего мне жалко мирное население. Уж очень ему достается. От бомбардировок страдают мирные хаты, от артобстрела тоже, а мы, военные, уже научились укрываться от них, и они нам не приносят почти никакого вреда.

Мужчины, женщины и малые дети — все сидят по подвалам, в холоде, а подчас и голодные. Скот тоже голодный, и никто за ним не смотрит, хаты рушатся.

Поистине счастливы те села и деревни, через которые фронт прошел ходом.

<…>

11 часов 15 минут.

Только что мы пережили такую бомбежку, какой я не видел еще ни разу. Сначала послышался шум моторов, мы изготовились к бою, потом из облаков посыпались бомбы. Мы стали стрелять уже после того, как они отбомбились. Бомб десять упали в районе батареи, у нас пробило бочку с бензином и немного поцарапало Сергея и Мочалова. В штабе убило шофера Ваську Харитонова, веселого жизнерадостного парня. Мне его очень жалко.

Интересно самочувствие во время бомбежки. Нервы напряжены до крайности, в мыслях, когда рвутся бомбы, только одно — когда же это кончится. Особенно хреново, когда не стреляешь. Когда стреляю, мне ничего не страшно, а когда пушки молчат, то немного жуть берет.

24 апреля 1944 г.

Итак, я ранен. Это произошло ровно неделю тому назад, 17-го числа. Ранен в обе ноги, но, как уверяют врачи, не очень опасно, и говорят, что я буду снова ходить и даже плясать. Как же это произошло?

16-го числа все было, как видно, в порядке. Правда, наши наблюдатели отмечали усиленный драп-марш, и мы во избежание всяких недоразумений легли спать на огневой позиции. Была чудесная звездная ночь, спать долго не хотелось, и мы долго с Сергеем лежали и болтали. Потом к нам пришел Перов — они с батареей ездили вперед — он рассказал, что дела наши не очень хороши и что, возможно, придется обойти. Мы с Сергеем прекрасно понимали это сами. Я еще подумал — завтра, наверное, будет авиация.

А назавтра с утра началось. Утром прилетели 35 музыкантов — веселых ребят — Ю-87. Они бомбили город. Мы открыли огонь, и на нас тоже попытались бросить, но ни одна бомба не упала на огневой позиции. Потом эти «музыканты» полетели штурмовать

нашу передовую и с полчала давали там веселую гастроль. Мы по этим 35 расстреляли почти весь свой боезапас.

<…>

Мы продолжали окапываться и наблюдали за обстановкой. На противоположный вышли и стали три «тигра». Дальность 700 м. Мы доложили командиру полка, и он разрешил сняться. Мы стали выкатывать пушки на дорогу, и «тигры» начали нас обстреливать. Первый снаряд недолет, второй перелет, третий точно сзади пушки. Двоих — Бурика и Репалюко — убило сразу, пятерых — меня, Соловьева, Кошлена, Ткаченко и Денисова — ранило. Денисов по дороге в госпиталь умер.

<…>

28 июля 1944 г.

Как говорится, совершенно разленился. Этого со мной кажется еще ни разу не было — чтобы больше месяца я ничего не писал. Не знаю, почему — но абсолютно не было никакого настроения. А дел было до черта.

Во-первых, я начал пикировать домой. Во-вторых, я побывал у Машеньки. Она решила последовать моему примеру и заболела. Я к ней ездил в Ногинск в госпиталь. Встреча была хорошая, обо многом поговорили. На днях она должна выписаться и приехать ко мне. Жду с нетерпением.

У меня дела идут так. Хожу уже неплохо, даже немного могу ходить без палки. Куда направят после госпиталя, я не знаю, но хочется пойти учиться. Как говорится, отплатил кровью за свое радостное детство. Батя нажимает на разные кнопки, чтобы это мое желание исполнилось <…>.

*

Я все-таки паршивый парень. Вот сейчас стал здоровее и нет-нет, да заглядываюсь на девочек. Знаю, что ни одна не сравнится с Машенькой, а все-таки волочусь, головы только девчонкам забиваю. Что это? Играет кровь или дурная натура? Надо над этим поразмыслить. Ха-ха!

*

А в общем, хватит дурить и пора немного заняться делом. Возобновить связи, сделать необходимые записи. А то я в своей лени черт знает до чего дойду.

23 августа 1944 г.

Вот до чего доходит эта проклятая госпитальная обстановка — не только ничего не хочется делать, но ничего и не хочется писать. Разленился я просто страшно — единственное, что я могу сейчас делать, это читать, и, к счастью, читаю я много.

За эти дни я несколько раз был у Машеньки, о многом с ней поговорили, завтра у нее будет день рождения, я поеду, и она должна дать мне ответ на один мой вопрос — выйдет ли она за меня замуж после войны или нет. Она обещалась завтра ответить.

Чем я занимался все это время? Кушал, пил, лечился и читал. Прочел множество книг, а чтобы написать что-нибудь, привести в порядок свои мысли (не говоря уже о записях), что-то настроения не было. В эти ближайшие дни это настроение я должен перебороть.

Через недельку я, вероятно, пойду на комиссию. Что со мной будут делать — я не знаю, но во всяком случае ноги у меня уже не те, хотя я сейчас уже хожу без палки. Сейчас уже вечер, а мне взбрело в голову писать. Хлопцы стучат в домино, мысли разбегаются — надо кончать.

В госпитале, на обходе. Слева — старший лейтенант медслужбы С. З. Гохберг. г. Ченстохов. Польша. Март 1945 г. Из личного фонда И. А. Альтмана

9 сентября 1944 г.

<…>

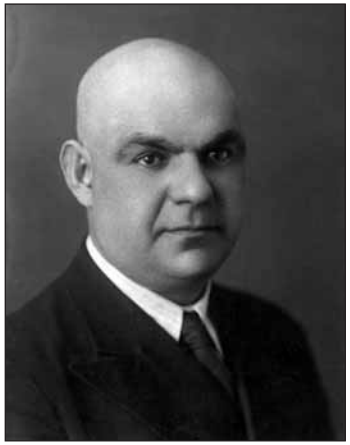
Наркоз (этюд)

Было страшно больно. Я лежал на высоком узком белом столе, и мне было все равно, что со мной будут делать. Неожиданно сестра наложила маску. Острый, какой-то удивительно приятный запах и в то же время страшный. Мен приказали считать — и я считал. Потом вдруг я почувствовал, что язык отказывается мне подчиняться. «Заснул» — сказала сестра. «Нет, я не заснул» — крикнул я и провалился куда-то…

…Когда я очнулся, все было кончено. Я лежал на том же столе, и острая режущая боль в ноге заставила меня крепко выругаться. Я рванулся, и первая мысль была: отрезали или нет?! Нет, нога цела, мне ее просто забинтовывают…

* * *

«МОСКВУ ФАШИСТАМ НЕ ВИДАТЬ НИКОГДА»



М. А. Цемехман, 1940 г.

Цемехман Михаил Абрамович *(1903–1941) — родился в г. Мстиславле Могилевской губ. (ныне Могилевской обл., Белоруссия). Перед войной жил в Москве, работал в Моссовете до апреля 1941 г., затем — начальником производственно-технического отдела «Электротрансстроя». Батальонный инженер III ранга. Ушел на фронт 4 июля 1941 г. в составе 3-го полка 9-й Кировской дивизии народного ополчения Москвы. Пропал без вести в октябре-ноябре 1941 г. (официально считается пропавшим в ноябре 1943 г.). Упомянут в «Книге Памяти воинов-евреев, павших в боях с нацизмом» (т. 4.)*

Письма адресованы жене — Софии Константиновне Цемехман и детям (дочь Людмила и сын Владимир) в Москву. С. К. Цемехман с дочерью Людмилой 19 июня 1941 г. приехали в Западную Белоруссию навестить родственников. 23 июня им удалось уехать. На товарных поездах, а частично пешком через Барановичи — Минск — Борисов — Сухиничи они вернулись в г. Москву 5 июля 1941 г.

Копии писем и фотографию передала дочь, Л. М. Дубасова (г. Москва).

4 августа 1941 г.

Здравствуйте дорогая и любимая женушка и любимые мои детки Люсенька и Вовочка. Спешу уведомить вас, что я жив и здоров, чего и вам желаю. Не дождавшись ваших писем, я вновь пишу вам письмо. Первого августа я деткам послал открытку в честь открытия учебного сезона в средних школах.

Я живу по-прежнему неплохо. Часто меняю место ночлега. Квартир я сменил очень много. Все они были комфортабельными; я могу назвать вам несколько адресов таких квартир: в крупном лесу под большой сосной — там много света и свежего воздуха; в мелком кустарнике среди кочек на мягкой пушистой траве, на мшистой поверхности высохшего болота среди редких кустов и, наконец, в стогах сена на зеленых лугах. Везде наша советская земля встречала нас гостеприимно. Несмотря на то, что много хожу и работаю, на частую перемену ночлега, на переменчивость погоды, я себя чувствую здоровым. Пропали у меня все московские болезни. Я уже больше не страдаю от насморка, и поясница перестала болеть — чего я больше всего опасался, а что будет дальше — увидим.

Сообщаю вам некоторые новости. На днях фашистов сдвинули. Сперва они отступали, а затем они стали бежать. Фашистов крепко турнули. Надеюсь, что скоро наступит крепкий перелом, и тогда они побегут так, что своих не узнают. Вера в нашей победе у нас огромная. Вы можете жить спокойно в Москве. Москву фашистам не видать никогда.

Будьте здоровы, крепко вас целую. Ваш муж и папа Миша.

Пишите чаще, адрес старый. Действующая Армия. Полевая почта 931, 3-й стрелковый полк, 1-й батальон. Батальонному инженеру 3-го ранга Цемехману М. А.

25 августа 1941 г.

Здравствуй, любимая моя женушка! Трудно выразить мою радость, когда я узнал, что ты жива и здорова. Посылку твою я получил, за что тебе весьма благодарен. Носки, табак, папиросы, носовой платок, сахар, печенье, конфеты и сухари были очень кстати. Любимая Сонечка, я очень беспокоюсь, что от тебя нет писем, и не знаю, что и как себя чувствуют мои детки Люсенька и Вовочка? Мне крайне хочется знать о них что-нибудь. Также хочется подробно знать, как ты пережила бомбежки Москвы. Что делаешь, что нового в нашей квартире? Ты должна знать, что твои письма меня всегда подбадривают и работоспособность у меня увеличивается. Чтобы я был спокоен, ты должна мне чаще писать. Человек, когда спокоен в военной обстановке, может себя лучше уберечь от вражеских пуль. А мне хочется себя уберечь для тебя и для моих любимых деток, которых мы должны воспитать для самостоятельной жизни. Я по-прежнему живу среди полей и лесов, встаю рано и ложусь поздно, работаю столько, сколько требует от меня обстановка. Теперь такое время, что надо отдать все силы для уничтожения подлого фашизма. Проклятому врагу Москвы теперь не видать, и ты можешь жить спокойно.

Дорогая Сонечка, ты спрашиваешь, что мне еще нужно. Если ты получаешь за меня зарплату, то просил бы тебя прислать мне немного денег — у меня не уплачены членские партийные взносы за три месяца по 36 руб. в месяц — 108 руб., и я подписался на 170 руб. в фонд обороны — также надо внести, всего 278 руб. Если имеешь деньги, то очень просил бы рублей 300 мне прислать. Зарплату мне не платят здесь, так как предполагается, что за меня получает семья по месту работы. Если будешь посылать посылочку, то прошу прислать кусок туалетного мыла, флакон тройного одеколона. У меня большой расход бумаги на разные сведения и рисунки, поэтому прошу тебя также прислать и бумаги, и, разумеется, табак. Очень благодарен тебе за трубку, она мне сейчас весьма кстати, потому что папиросной бумаги не всегда можно достать, и вообще трубка в полевой обстановке удобнее.

* * *

«Я ЗНАЮ, ЧТО МЫ УВИДИМСЯ И БУДЕМ РАДЫ ДРУГ ДРУГУ»

Бершадский Марк Леонтьевич *(1919–1942) — родился в г. Харькове (Украина), закончил училище при Московской консерватории по классу скрипки, затем учился в ИФЛИ. С сентября 1941 г. — курсант Московского пехотного училища им. Верховного Совета РСФСР (ныне — МВВКУ), эвакуированного в Новосибирск 2 ноября 1941 г. С конца января 1942 г. в звании лейтенанта воевал в 1326 с. п. 415 с. д. Западного фронта. По официальным данным погиб в конце марта 1942 г. у дер. Косая Гора Смоленской обл. Упомянут в «Книге Памяти воинов-евреев, павших в боях с нацизмом» (т. 1) и «Книге Памяти. Москва» (т. 2).*

Гольдина Анна (Ася) Лазаревна *(1921–2004) — жена Марка Бершадского. Родилась в пос. Белохолуницкий завод (ныне Белая Холуница) Кировской обл. Училась на юридическом факультете МГУ. В 1941 г. эвакуировалась из Москвы с матерью, Елизаветой Ильиничной и др. родственниками (семья Ю. С. Лурье, см. «Сохрани мои письма», 2007 г.) в пос. Бондюга Татарской АССР (ныне — Бондюг Пермской обл.). Работала на заводе химической промышленности, затем переехала в Казань, окончила Казанский юридический инс-*

Л. Л. Гольдин, А. Л. Гольдина, М. Л. Бершадский, 1940 г.

А. Л. Гольдина, 1944 г.

титут (на базе МГУ в эвакуации). По распределению работала стажером в прокуратуре г. Ярославля.

После известия о гибели мужа обратилась в военкомат с просьбой об отправке на фронт. В. П. Кобиков, замполит полка, где служил Марк, прислал ходатайство о направлении Анны в их часть в качестве медсестры. После ранения В. П. Кобикова транспортировала его в Москву, работала на военной пересылке по специальности, затем — в госпитале.

Ниже приводится переписка М. Л. Бершадского с отцом, Леонтием Марковичем Бершадским, Анной Гольдиной, ее дядей Вениамином Ильичем Лурье, а также письма однополчан М. Л. Бершадского и А. Л. Гольдиной и ее брата Л. Л. Гольдина.

***Гольдин Лев Лазаревич** (1919–2003) — брат А. Л. Гольдиной. Родился в пос. Белая Холуница Вятской губернии (ныне Кировской обл.). Окончил физфак МГУ. В 1941 г. мобилизован и направлен в Военно-воздушную академию им. Жуковского на факультет авиавооружения. Вместе с академией был эвакуирован в Свердловск.*

В действующей армии — с лета 1944 г. Лейтенант, инженер 32-й спец. авиаремонтной базы 3-го воздушной армии 3-го Прибалтийского фронта. Войну закончил под Кенигсбергом (ныне Калининград). После войны работал в ИТЭФ, доктор физико-математических наук, лауреат Государственной премии СССР.

Письма и фотографии передал двоюродный брат Анны Гольдиной Ю. С. Лурье (г. Москва).

Переписка Марка Бершадского и Аси Гольдиной

6 августа 1941 г.

Ася, родная моя!

Я пишу и не знаю, дойдет ли письмо до Москвы, и даже не знаю, когда я его отправлю — буду носить его в подсумке и ждать первой возможности. Числа 21–26 я отправил Бене открытку с указанием своего адреса, но на следующий день адрес этот изменился, и с тех пор мы все время в движении — вряд ли нас догонят письма, посланные по этому адресу (мы написали еще домой и ребятам).

Если бы я имел возможность получать вести от тебя и из дому — можно было бы сказать, что жизнь прекрасна. Резкая перемена обстановки, образа жизни — все это довольно интересно и занимательно. Но писать нам вряд ли можно будет, мне кажется, что адреса больше мы не получим. Я вижу тебя во сне и люблю тебя, и скучаю по тебе. А увидимся мы, вероятно, не очень скоро. Помнишь, что я тебе говорил относительно уверенности в себе и за себя? То же относится и к тебе. Я знаю, что мы увидимся и будем рады друг другу и будем жить вместе и жить очень хорошо. Я люблю тебя и крепко целую, а ты меня. До следующего письма, любимая.

Марк.

Привет от Женьки[1].

Письмо Марка Бершадского семье

6 августа 1941 г.

Дорогие мама, папа и Лидуська[2]!

Долго не писал вам, так как не было возможности — мы находимся в постоянном передвижении, что естественно усложняет отправку и тем более получение почты. Насчет того, чтобы писать мне — я думаю, что адрес мы, если и получим, то, во всяком случае, очень не скоро. А вам я буду писать при первой же возможности. Вот я пишу эту открытку и не знаю, когда можно будет ее отправить — положу и буду носить ее в кармане в полной, так сказать, готовности. Живем мы с Женей хорошо, в интересной обстановке, среди интересных людей. Живы, здоровы, питаемся хорошо, весь день на вольном лесном воздухе. Оба загорели, и у обоих лупятся носы. Очень скучаем по родным, друзьям, Москве — хочется знать, как вы там живете, все ли обстоит хорошо. Газет мы

[1] Однокурсник Марка Бершадского по ИФЛИ Евгений Остерман.

[2] Лидии Юльевне Лурье (мать Ю. С. Лурье).

не имеем с 31-го, не знаем, что в Москве за последнюю неделю. Горячо надеюсь, что все вы здоровы, и что все в порядке. Очень хочется знать, чем вы сейчас занимаетесь, где ты, папа, работаешь, как ты, Лидуська — учишься ли в школе сестер, или уже ваш институт начал заниматься. Интересно, начал ли заниматься ИФЛИ. Всем ребятам, которые справляются о нас, — горячий привет. Если бы я наверняка знал, что Д[неразборчиво — *Сост.*] в Москве, я бы ему написал, а так боюсь — конвертов очень мало, а достать их здесь невозможно (3/4 конвертов пришли в негодность в дороге). Когда будете писать в Харьков, всем привет; надеюсь, что у них все в порядке. Ну, целую вас всех крепко. Еще раз повторю, что живем хорошо, довольны, так что ты, дорогая мамуся, можешь быть совершенно спокойна. Крепко вас целую. Марк. Позвоните Ефросинье Иосифовне.

Переписка Марка Бершадского и Аси Гольдиной

5 сентября 1941 г., 12 ч. 45 м.

Здравствуй, хорошая моя!

Поезд только что подъехал к Подольску. Из Белева выехали вчера утром — тащимся невероятно медленно — полутоварный состав. Куда едет, естественно, не знаем. Есть два варианта, вернее, слуха. Едем до Люблино, где и будем жить. Это было б здорово. Дачный пригород, кажется 15–20 км от Москвы, где пересаживаемся на ж.-д. и доезжаем до станции Подсолнечная (Октябрьская, что ли, ж.-д., километров [далее цифра, вычеркнутая автором — *Сост.*] от Москвы). Это, вообще говоря, вероятнее и хуже. Но тоже, между нами, лучше, чем благословенный и пропахший конским навозом, город Белев. Об этом городе я тебе много расскажу при встрече. И о жизни нашей там, которая не текла молоком и медом.

В общем, так или иначе, до Москвы мы не доезжаем. И это очень жаль, ужасно жаль, — я так хочу видеть тебя. А может случиться, что на первое время, где бы мы ни жили, — нам запретят видеть родных и друзей. Буду надеяться, что этого не случится. Накануне отъезда я получил открытку от мамы, она пишет, что ты была, что вы всей семьей собираетесь ехать куда-то на край земли в какой-то

Бондюг (село в Чердынском районе Пермской обл. — *Сост.*), где и железной дороги-то нет, и даже шоссе нет, а есть грунтовая дорога, обозначенная в карманном атласе СССР коричневой линией. Неужели мы не увидим друг друга?

Я люблю тебя по-прежнему; нет, сильнее, очень сильно и нежно. Очень скучаю без тебя (поезд тронулся — замечаешь?), я думаю об одном, только об одном — увидеть тебя. Хоть час, хоть полчаса побыть с тобой. И жду этого, и боюсь загадывать. И ты жди. Целую и обнимаю тебя крепко. Марк.

22 октября 1941 г.

Милый!

Мне все кажется, что тебя уже давно нет в училище, или вас перевели куда-нибудь, или закончили учить. Сейчас еще твоим напишу, но тоже боюсь, что они ушли из Москвы. Может, это мне только кажется оттого, что я так далеко от тебя. Проехали Васильсурск — ты ведь был там; теперь — Чебоксары. Оттуда попробую дать телеграмму. Из Москвы до Горького мы ехали с большим комфортом — на десять душ две двухместные каюты и на остальных по половине полки в 3-м классе. В Горьком — пересадка. Просидели там два дня и ночь. Невозможно сесть, да и были только один пароход и баржа, и то, только до Казани. Наши были уверены, что из Горького нам уже никогда не выбраться, тем более что из Москвы все прибывал на машинах народ. К всеобщему удивлению нам удалось сесть на пароход. Конечно, только потому, что за деньги многое возможно. Сесть — это неточно. Вернее — стать. Народа очень много. Потом сказали, что пароход никуда не пойдет. И нам повезло еще раз — с парохода, на который мы сели, законных пассажиров пересаживали на другой. Мы попали в их число. Повезло нам очень: сесть на пароход в Горьком — да еще со всеми вещами — редкая удача. Посадка там страшная. Почему-то всегда ночью. Обыкновенно удается погрузить вещи, а хозяева остаются. Или посадят детей, пойдут за вещами, а пока прекращают посадку. Народа на пароходе больше чем достаточно. Часть наших людей обитает в трюме, остальные сидят в коридорчике. Во всех коридорах, на всех площадках, лестницах — люди. Иногда кормят. Для этого часов с 2 занимают очередь в столовую, а в 7 при уда-

че получают что-нибудь теплое. В столовую не впускают, так что вся публика толпится в узком коридорчике, а в 5 рвется к столикам. К 6 подходит официантка, а в 7–8 подают. Часов в 9 объявляют, что обеды кончились. К этому времени надо уже снова быть в столовой, опять занимать место. Ночью здесь сидят те, кто рискует уйти от вещей. В 6 утра — как в Москве, будит радио. Приходит директор ресторана и выставляет заспавшихся. Первый день было трудно (кроме всего, страшно жарко), а сейчас ничего, устроились немного и привыкли. Ночью легче (нам пока удавалось попасть в ресторан), а днем некуда сунуться. Сейчас 12 часов, почему-то нас пустили в столовую, и мы блаженствуем. Подавать нам, конечно, ничего не собираются. Скоро выставят, по всей вероятности. Главное — что едем, пересадок больше не должно быть, хотя пароход у Тихих гор (наша пристань) не останавливается, но, возможно, нам дадут высадиться. В общем, пока сидели в Горьком, было очень тошно, Беня замучился, не раздеваясь и не спавши, отец простудился и потерял голос, а самое страшное — не надеялись уехать. Сейчас все налаживается.

Очень за тебя беспокоюсь. Как тебе там живется, а самое главное, не знаю, что ты делаешь, где ты, как тебе, кто к тебе приходит в гости. Я не знаю, в Москве ли твои, или ушли куда-нибудь. Тогда ты совсем один остался. Еду все дальше от тебя. Ходила в Горьком на телеграф, ничего не получила, только замерзла и пароход проворонил (это к лучшему, оказалось, он был до Казани только). Я так ждала от тебя чего-нибудь. Теперь до Бондюги, может, хоть там что-нибудь узнаю о тебе.

Очень люблю и очень тоскую, думаю все время и беспокоюсь. За меня не беспокойся, все наладится у меня. Крепко целую. Ася.

26 октября 1941 г.

Асенька, родная!

Пишу тебе с дороги, — да и ты ведь, наверное, еще находишься в дороге. Училище наше находится сейчас на ст. Нечаевская, Казанской ж.-д., 200 км от Москвы. Эти 200 км. мы прошли пешком, томили всякие такие воспоминания. Здесь для нас формируется эшелон и мы едем дальше. Ходят неопределенные слухи, что конечный пункт наш — город Татарск Омской обл., Северный Ка-

захстан (так в тексте — *Сост.*). Выехать должен сегодня-завтра, ехать будем недели две (в лучшем случае). Идти было очень трудно. Увидимся — расскажу все. Перед отъездом послал тебе письмо в Бондюг, получила ли? Теперь Бондюг — единственное место, куда я могу писать, потому что мои старики, по всей вероятности, уехали с дядей Изей и его госпиталем в Свердловск. Между прочим, Левкин адрес я потерял и очень об этом жалею. Вещевой мешок мой застрял в дороге на одной из машин, а там все конверты. Эту открытку я с трудом достал, сама понимаешь, в открытке ничего не напишешь, что хочется. Меня убивает то, что ты не можешь мне написать — некуда. Вот что, напиши на Лидкин адрес, а я напишу ей, чтобы она переслала мне, когда будет у меня точный адрес. Ее адрес: Пензенская обл. Поимский р-н, село Ширяево, Иванцовой Анне Филипповне, для Лиды. Напиши ей и сообщи Левкин адрес. Кончаю. Желаю тебе, моя хорошая, всего хорошего, что может быть в этой дурацкой Бондюге.

Я всегда с тобой, помню и думаю все время. Скоро увидимся. Привет сердечный всем. Марк.

20 ноября 1941 г.

Мой милый!

Уже несколько дней собираюсь написать тебе, все никак. Прихожу с работы около семи, пока поем — и гаснет свет. У нас есть еще свечка, но писать при свечке темно, а кроме того я еще засыпаю, когда становится темно. Я не виновата перед тобой, я тебе писала открытки. Я получила от тебя две открытки. Так рада была. Я очень за тебя беспокоилась, не знала, где ты и что с тобой. Очень беспокоилась, что нет от тебя ни телеграммы, ни письма. Жилось нелегко, да еще и писем от тебя не было. Мы не получали писем сначала ни от кого. Прежде всего получили письмо от Левки. Он живет и учится по-прежнему. Сдает зачеты, ходит на занятия в ангар и вообще как будто доволен. От тебя первую открытку получила дней пять назад — нет, четыре, а вторую через день. Теперь жду от тебя письма. То письмо, которое ты послал из Москвы пропало, наверное. Я так жду письма от тебя: твои письма — все мои радости.

Мы приехали в Бондюг 24-го поздно вечером. В дороге были 8 дней, а два дня сидели на пристани в Горьком. Там было очень

много народа и совсем мало проходов. Намучились как следует. Сидели на улице, было очень холодно, метель. Удалось нам уехать только потому, что были деньги и их совали разным людям. Да и на пароходе было ехать нелегко. Негде было сесть. С нашей публикой это серьезное затруднение. Приехали в Тихие горы и не могли вылезти не берег. Тут решили, что уж навигация скоро кончится и сняли пристань. Высадили нас на баржу. Наутро удалось выбраться на берег. Затем надо было еще добираться до Жени — грязь была совершенно непроходимая, и горы совершенно, недоступные для Бени и стариков. Жили у Жени целую неделю — не могли достать комнату. Теперь устроились, живем наверху горки. У нас две комнаты в разных квартирах одного дома. Комнатки маленькие, на две койки. Мама хозяйничает, Лера работает в заводоуправлении. Юлик учится в школе. Бабка ругается. Беня не работает, работы нет. Скучает, да из-за отца очень огорчается. Папа плохо себя чувствует все время. В дороге он ничего, держался, а сейчас совсем никуда. Все ему видится в таком черном свете, что дальше ехать некуда. Что ни случится — обязательно должно плохо кончиться; каждая ерунда — неразрешимая проблема. Он из-за всего так огорчается, что тяжело смотреть, а не только слушать все, что он говорит. Да и раны его беспокоят, кроме того. Он сейчас думает снова ложиться на операцию. А мать молодец у меня. <…>.

Про всех написала, теперь про себя. Я работаю на заводе. Моя должность — аппаратчица на углекислом барии. Работаю по 12 часов, но через 2 дня бывает перемена смен, так что я имею полдня свободных. В свободное время сплю. Работать довольно трудно, технику здесь не уважают, так что таскаем все сами. А это тяжело, тем более, что день длинный. Хорошо, что в последние дни мало работы — легче намного, полдня ничего не делаем. А самое плохое, что холодно и сыро. В общем, все это не так страшно, во всяком случае много легче, чем копать землю. Если бы только письма от тебя получать! Я тебя каждый день теперь во сне вижу. Мне все снится, что ты приезжаешь.

Жду тебя, думаю тебе все время. Милый, может, ты правда приедешь? Я думаю об этом все время, и мне уже начало казаться, что это возможно. Ведь когда вы кончите учиться, вас же не оставят в этом Татарске (если ты только там сейчас). А ты, прежде чем ехать куда-нибудь, приезжай ко мне хоть на день. Приедешь?

Знаешь, ты должен был проехать нашу станцию. Ведь вы ехали через Казань, насколько я могу судить. Станция называется Сюгинская. От нее до нас остается 70 км. Каждый день ходят машины на завод. Если бы я только знала, что ты проедешь мимо нас — я бы тебя встретила. Так истосковалась по тебе, так хочу тебя видеть. Я тебе очень прилежно писала в Москву все время, пока не начала в Татарск писать. Я тебе про все писала. Ехали мы с большими мучениями, мало надеялись, что доберемся, теперь живем довольно хорошо. Купить все можно, было бы на что. Жалования, конечно, хватить не может, мало платят; людей много, а работают двое только. Если придут деньги за Левика, тогда все в порядке. Пока проживаем то, что было у матери. Наехало сюда очень много народа, так что получить работу нелегко, во всяком случае, выбора не остается.

У меня вышло очень бестолковое письмо (я иду с завода, пишу на почте; сейчас совсем темно уже, а когда я шла на работу, тоже темно было). Ты на меня не сердись, если получишь его, то будь уж доволен тем, что есть.

Ты за меня не беспокойся. Я хорошо живу, мать ко мне хорошо относится, мне легче. Вообще оказалось, что все наши родственники, имеющиеся в Бондюге, одновременно в нашу комнату не влезают. Меня здесь никто не обижает. Если бы только сюда тебя, Любочку и чтобы не было войны (мы бы все-таки уехали из этого прелестного местечка) — было бы все прекрасно.

Очень тоскую, очень хочу тебя видеть, хоть немножко побыть с тобой, хоть увидеть тебя. Люблю тебя очень, верю, что скоро увижу тебя. Помню, что ты велел мне делать все, что нужно. Целую тебя. Жду тебя. Верю, что скоро увижу. Приезжай ко мне. Жду тебя все время. Ася.

Письмо Марка Бершадского Вениамину Ильичу Лурье

21 декабря 1941 г. Новосибирск.

Дорогой Вениамин Ильич!

Недавно получил Ваше и Асины письма. Пришли он как раз вовремя — еще немного, и я бы совсем захандрил в этой чертовой Сибири. Ведь это первая весть, которую я получил за полтора ме-

сяца нашего пребывания в Новосибирске (в то время как все прочие получали письма пачками). Вашему письму очень обрадовался, очень Вам за него благодарен. Оно сразу вернуло мне, так сказать, душевное равновесие, а то я уж было начал думать, что вы до Бондюга не добрались и погибли где-нибудь на пристани. Если оставить в стороне эти мерзкие картины, которые я себе время от времени рисовал, то в остальном жизнь моя течет очень спокойно и до отвращения однообразно. Живем мы в военном городке, на окраине города. Это огороженный участок, площадью примерно 5–6 км^2, на котором понастроены каменные одноэтажные и двухэтажные казармы. Имеются также почта, амбулатория, клуб и 2–3 магазина, в которых можно купить чугунную пепельницу или дорожные шашки. Кроме всего перечисленного в городке есть два больших плаца, где призывники занимаются строевой подготовкой и штыковым боем. Городок занимают Новосибирское пехотное училище, наше, какое-то техническое и несколько запасных полков. У Южных и Северных ворот стоят часовые с ружьями и никого не пропускают (главным образом не выпускают). Вот и вся, так сказать, обстановка. Да, еще есть гауптвахта. Там имеется телефон, который вечно занят (справляются о наличии свободных мест — чтобы попасть туда, надо занять очередь, несмотря на то, что это довольно обширное здание; сидят там, главным образом, повара, посаженные за пьянство).

Что касается самого Новосибирска, то это довольно паршивый городок. Честное слово, в Москве я был о нем лучшего мнения. Выстроен он, как видно, по принципу: «Два мира — две системы». Центр — с театрами, магазинами, новыми домами (тоже не бог весть какими красивыми) и две громадные низины, почти овраги, сплошь утыканные крохотными домиками, курными [так в тексте — *Сост.*] избушками на курьих ножках, глиняными хатами с окошками размером в школьную форматку. Причем все эти карминовые домики налеплены друг на друга в несколько этажей, по склонам оврагов. Вниз ведут головокружительные деревянные лестницы, естественно, без перил (голова кружится не от количества ступенек имеющихся, а от количества отсутствующих). Это и есть Новосибирск. Морозы тут до конца ноября были умеренные, градусов 25°–30°. Зато в декабре тут ударили такие холода, что у доброй половины курсантов носы и щеки уже отморожены; другая

половина приготовилась. Вчера был рекордный день — 48°. Сегодня — 44°, но гораздо хуже, чем вчера, потому что резкий ветер. Это, надо сказать, штука довольно страшная, особенно в открытом поле (каждый день, независимо от погоды, мы выходим в поле километра за четыре от города на тактические и лыжные занятия). Одеты мы тепло — рукавицы, валенки, ушанки, но лиц ничем не защитить — это скверно.

Занимаемся по 12 часов. По субботам и воскресеньям можно (если ничем не проштрафился) получить отпуск в город. Ходит мало кто — во-первых, денег нет (жалование у нас не ахти какое — на душу 40 р.); во-вторых, если бы даже и были, то купить нельзя ничего — нет, или дикие очереди. Остаются театры и кино. Но большинство предпочитает сидеть в теплом помещении, чем тащиться по морозу до центра города. Я был как-то раз в театре (тут, между прочим, окопались ленинградские театры). Я был в Академическом театре драмы им. Пушкина, видел «Лгуна» и раз на концерте Ленинградской филармонии, с Мравинским. Легкий жанр здесь представлен Утесовым и Людмилой Геоли. Относительно срока нашего выпуска ходят самые разнообразные слухи. Вчера нам командир роты официально заявил, что выпуск будет между 5–10 февраля. Это очень скверно. Здорово надоело здесь. Но я не думаю все же, чтобы нас держали здесь до февраля.

Я сильно по всем вам соскучился, очень хочу всех вас видеть. Не знаю, когда это возможно будет. Очень прошу вас и Асеньку писать мне чаще. Единственное, что скрашивает нашу жизнь — письма от близких и любимых людей. И если никаких вестей нет, иногда бывает очень тоскливо.

Письмо это вы получите уже в сорок втором году. Поздравить вас с наступление Нового года я уже не успею. Да и, откровенно говоря, поздравлять как будто не с чем. Остается только пожелать вам счастья. Надеюсь, что через год мы будем праздновать иначе, вместе со всеми дорогими нам людьми. И не в Бондюге. Сердечный привет Елизавете Ильиничне и Лазарю Борисовичу. Передайте, что желаю им счастья, много хорошего в жизни. Льву Аркадьевичу, Лидии Юльевне, Юльку — всем передайте привет. Асю крепко за меня поцелуйте. Не давайте ее никому обижать. Пусть пишет мне обо всем.

Жму вам крепко руку.

Марк.

21 января 1942 г.

Здравствуй, родная!

Пишу тебе с дороги. Надеялся, что поедем по старому пути — через Казань, но поехали через Челябинск — Уфу — Пензу. Сейчас как раз подъезжаем к Пензе. Училище переезжает в Москву. Половина из нас была выпущена лейтенантами в Новосибирске в начале января. Они остались в распоряжении СибВО; разослали по формирующимся частям Новосибирской обл., через месяц-полтора поедут на фронт. Мы будем выпущены в Москве. Срок — 10 февраля. А может быть, и раньше. Надеемся попасть куда-нибудь потеплее. Вот все новости. Из Москвы напишу подробно. Пиши мне в Москву на Женькин адрес: ул. Грановского 1/8, кв. 5а. Привет всем твоим. Тебя люблю очень сильно, верно, все тоскую по тебе. Целую тебя крепко. Марк.

20 марта 1942 г.

Здравствуй, любимый, родной!

Как давно не писала тебе, как соскучилась. Когда часто пишу тебе — меньше скучаю. Я писала пару раз для тебя на Женькин адрес, не знаю, получил ты эти письма, или нет.

Живу в Казани, ты, наверное, уже знаешь. Я как-то написала в Казанский институт, что хотела бы учиться. Когда писала, то не собиралась ехать, просто любопытно было, что ответят. А в ответ получила вызов. Учиться мне очень хотелось еще давно. И одновременно принесли письма от Марины. Она звала меня во Фрунзе — туда их послали на практику. Уехать так далеко от своих я побоялась. Ехать ли в Казань — целых десять дней думала. И сейчас не знаю, правильно ли, что уехала. Маме очень тоскливо и так, а без меня совсем нехорошо. Отцу не становится лучше, жить с ним очень тяжело. Беня не работает. От Левика пришли обратно письма со штампом «адресат выбыл, не указав адреса», а от Мони «за расформированием полевой почты». Так что веселого у нее немного. Бабка ворчит и хворает. Маму мне жалко очень. Ведь после тебя я ее больше всех люблю. Из Казани разговариваю с ней по телефону.

Уехала из Бондюга я 11 марта. До железой дороги 70 км. лошадьми. К нам в отпуск на несколько дней приезжал Левка, ты знаешь? Мы обратно ехали вместе. Он помог мне сесть на поезд. Поезд был на следующий день. Билетов не было, посадки тоже. Начальник вокзала предложил «устроиться, кто как может». Я доехала хорошо, всю дорогу почти спала. Ко мне хорошо отнеслись, предложили место со всеми удобствами. Ехали сутки (240 км).

Я теперь уже привыкла к Казани. Только через несколько дней снова ввели затемнение. Сначала было очень неприятно, а теперь и к этому привыкла — ведь привыкли к темной Москве. Вот у нас дома третий день «затемнение» — это уже хуже. Нет электричества. Через месяц обещают включить. Остается ждать и надеяться. Я сейчас дома, догорает свечка.

Общежитие института занято под госпиталь, так что студентов расселяют по квартирам. Мне повезло — у меня очень хорошие хозяева, вернее, хозяйки, сестры, а мужья в армии. Татарки. У них чисто, что для Казани редкое счастье. А самое главное — они ко мне очень хорошо относятся. Это самое главное, потому что бывает очень тоскливо, так хорошо услышать ласковое слово. Дома тепло, это тоже не часто встречается. Здесь температура до 5° ниже нуля не считается еще очень плохим, потому [что] бывает хуже.

У нас тепло все время, по-настоящему тепло (уже конец марта, а вчера было 25° холода). Только днем трудно заниматься — четверо маленьких ребят, пятая девочка 10 лет. Занимаюсь повсюду — дома, в столовой, в очереди за хлебом. Я когда приехала, жила у Коганов. Ты их никого не знаешь, только слышал. Они очень хорошие люди, много мне помогают. Я и теперь иногда ночую у них. А старшая сестра — Эйда — вообще прекрасный человек, я сама никогда не догадывалась. Она и тебе понравится. Жить в Казани нелегко. Сейчас, правда, можно купить все, но для этого надо много денег. Мне пока хорошо. Эйда работает в Академии наук, а я там обедаю. Это рядом с моим институтом, это совсем удобно. Мне надо до 10 апреля сдать 5 предметов, а потом до мая еще 7 или 8. Потом два месяца практика в Казани, госэкзамены, и к 1 августа мы кончаем. Если не сдам, будет очень стыдно, что уехала. Мне страшновато, и подумать за меня некому — тебе не до этого, и Москва далеко. Еще я боюсь, что плохо знать буду, как буду работать.

Через два дня буду сдавать первый предмет — уголовное [право].

Милый, я так по тебе соскучилась, чего б я только не сделала, чтобы быть с тобой. Ведь знаешь, уже шестой месяц, как я тебя не видела. Ты ведь знаешь, как я тебя люблю, как жду тебя. Родной мой, желанный, я знаю, кончится война, вернешься домой, и снова будем жить прекрасно, еще лучше, чем жили. Ведь я люблю тебя, очень верно, еще сильнее, чем прежде. Я думаю о тебе все время. Я спокойна за тебя, жду тебя, верю, что все хорошо будет. Только иногда очень тревожно бывает. Теперь лучше — знаю твой адрес и могу писать.

Буду писать тебе каждый день, а ты пиши мне, как сможешь чаще. Напиши только, что жив и здоров, мне ничего больше не надо. Я очень рада, что ты вместе с Женькой (это мне мама сказала). Хочу, чтобы вы и дальше не расставались. Так мне спокойно за вас обоих. Ведь если с тобой что случится, нет, я про это ни писать, ни думать не хочу. Ты знаешь, я писала тебе, что бы ни случилось, что бы ни было — я жду тебя, всегда жду. Больше про это никогда писать не буду, ты сам должен знать, как я жду тебя, что мне без тебя ничего не надо.

Как хочу получить письмо от тебя. Перед отъездом я все письма обратно получала из Новосибирска. Знаешь, как тоскливо это. А я все-таки верю, что увижу тебя еще до конца войны. Если будут посылать на работу, попрошусь к тебе поближе, может, еще вместе окажемся. Если я с тобой буду, у меня все хорошо будет, все получится. У нас сейчас многих отправили в Смоленскую область — места мне знакомые.

Я получила письмо от Лиды. Она пишет, что видела тебя. Как я завидую ей. Если бы я тебя увидеть смогла, я бы с тобой поехала. В Бондюге я хотела поступить в сестринскую школу, а потом в Казань уехала, теперь уже буду оканчивать институт. Я хочу тебя разыскать. Сейчас совсем рано — 10 часов, но от свечки осталось чуть-чуть. И я хочу спать. Сейчас лягу. Буду о тебе думать. Где ты сейчас, что делаешь, здоров ли, что тебя тревожит, какие у тебя товарищи. Верю, что все хорошо будет, иначе представить себе не могу и не хочу, а все-таки беспокоюсь за тебя сильно. Да, пришли мне справку, я писала, она мне нужна, мне бы тогда, может, помогли. Напиши Женин адрес. Ему привет. Люблю очень и целую крепко. Писать буду часто. Анна.

Письмо комиссара полка В. П. Кобикова А. Гольдиной и ее матери

12 сентября 1942 г.

Здравствуйте, тов. Аня, если можно так. По фамилии это получится очень формально, что не хочется так писать в данную минуту, а просто по имени.

Да, такие письма нелегко писать. Но что же делать. Пишу Вам подробно о Марке, нашем товарище, а вашем муже. Он погиб. Но погиб не просто, а смертью храбрых, достойных сынов своей Родины. Вначале, когда он прибыл ко мне, я его взял секретарем комсомольского бюро, и он работал около 2 недель и в начале марта он просил меня направить его в стрелковое подразделение, так как он лейтенант. Я вначале не давал ему согласия, но потом уступил и назначил его командиром 1-го стрелкового батальона. Это было в первых числах апреля месяца. Взята деревня Косая гора, и надо было взять реку Угра. После 4-часового боя река была взята, и мы с ним перешли на другой берег. На другой день необходимо было взять небольшую высотку, и в 10 часов утра начался бой, упорный бой, враг сопротивлялся сильно. И Марк решил пойти сам с одной ротой. Продвинулись метров 35; он вскочил с криком «ура» и побежал вперед, бойцы за ним и от пули снайпера в лоб упал Марк. Высота была взята; все, что были, уж все за Марка поплатились. Так погиб Марк Бершадский, молодой растущий командир. Вечная память ему. Его похоронили в д. Косая гора Смоленской области со всеми воинскими почестями, с салютом роты и одной артбатареи били под Красный Октябрь, где засел враг. Вам должны были выслать [похоронку] давно, я узнаю, почему не выслали.

Да, мстите так, как мстили мы за поруганную нашу Родину, за погибших наших товарищей. Ждите. Помогайте нам своим трудом, а мы его физически уничтожим, таков наш долг. До свидания, желаю Вам успеха в Вашей жизни и труде. Не падайте духом. Геройски павшие слез не требуют, а требуют быстрейшего разгрома общего врага.

До свидания. Вы простите, что так плохо и неразборчиво написано. Но писать очень неудобно — прямо на коленках при мерца-

нии маленького кусочка свечки, и хочется закончить до ее полного сгорания. Владимир Кобиков.

9 января 1943 г.

Здравствуйте, Елизавета Ильинична!

Верно, мы с Вами не знакомы, так это не мешает мне написать несколько слов. Это касается Вашей дочери Аси. Я прекрасно понимаю ваше материнское положение. Но видите в чем дело, Елизавета Ильинична, Ася поступила, как поступают сотни и тысячи девушек-патриоток, считающими [так в тексте — *Сост.*] интересы Родины превыше всего. Поэтому Ася, как дочь Родины, поступила так, как и все, а Вы можете гордиться своей дочерью, что вырастили ее смелой, когда что-то летит над головой. Это она доказала на деле, когда 4 и 5 декабря 1942 года наш полк вел тяжелые жаркие бои с противником. Ася все время находилась в боевых порядках полка, не боясь артиллерийского и минометного огня. Это большое испытание для девушки и закалка в жизни. А на Асю сердиться нельзя и не надо.

До свидания. Желаю Вам успехов в Вашей жизни. За Асю не беспокойтесь, она Вас так любит. Привет Лазарю Борисовичу.

Пишу левой рукой, правая вся перевязана. Мой адрес: Ленинская ж.д., ст. Отдых, п/о Стаханово, п/я II, 3-е отделение. Кобикову Владимиру Петровичу.

[Приписка рукой Анны Гольдиной]:

Мама, я рассказала комиссару о тебе. Он сказал, что сам напишет тебе что-то — не знаю, читать не велел. Приказал только адрес написать. Целую, Ася.

Письмо лейтенанта К. Черепанова Анне Гольдиной

17 ноября 1944 г.

Здравствуйте, товарищ Анна!

Письмо Ваше и фотоснимок Марка Леонтьевича Бершадского я получил очень и очень давно, а вот ответить собрался только сейчас. И вот почему. В июле я был переведен в другую часть, которая все это время находилась в жарких боях и в больших переходах. Леса и низины Полесья, плоскогорья Украины, увалы и гребни Прибалтики — многие сотни километров исколесили мы за это время, побывав в огне жестоких боев. И право же я не мог быть аккуратным корреспондентом. Сейчас я снова в той части, где служил и Марк Бершадский. Пользуясь свободной минутой, я решил все-таки ответить на ваше письмо

Во-первых. Фото Марка Леонтьевича использовано в фотоальбоме, и это будет светлой памятью о нем, как Герое Отечественной войны. Спасибо вам за фото.

Второе, о чем вы просили написать, — это о подвиге, который совершил Марк Леонтьевич. На мою долю выпала честь писать историю нашего воинского соединения. Прерванная мною работа сейчас возобновляется. Но я еще не довел историю до того момента, когда проявил героизм Марк Бершадский. Но несомненно в историю будет включен материал о героизме Марка Леонтьевича.

Вот что я знаю о нем: Марк был отсекром [ответственным секретарем — *Сост.*] бюро комсомола части. Живой, энергичный, веселый, жизнерадостный. Он был прекрасным товарищем и отличным воином. В марте 1942 года подразделения вели бой за деревню Красная Горка Износкинского района Смоленской области. Это был крупный опорный пункт врага. Немцы по нескольку раз на день контратаковали наши боевые порядки, и только стойкость наших воинов сделала оборону неприступной. Именно тогда Марк Бершадский проявил героизм и беззаветную преданность Родине.

Находясь в боевых порядках, он личным примером воодушевлял бойцов, увлекая их на самоотверженные подвиги.

Был критический момент. На одном из флангов вышел из строя пулеметный расчет, пулемет замолчал; немцы воспользовались этим и устремились на этот фланг. Марк Бершадский принял немедленное решение: он залег за пулемет и начал строчить по врагу. Огонь был так силен, что немцы откатились назад.

Пуля врага оборвала замечательную жизнь молодого большевика; Марка Бершадского не стало. Погиб он 28 марта 1942 года под дер. Красная Горка Износкинского района Смоленской области. Вечная слава герою!

Вот все, что я знаю о Марке Бершадском и это будет занесено в историю нашего соединения.

Ваше письмо очень тепло и сердечно; оно согревает фронтовика, и я с удовольствием на него отвечаю. Вы пишите: «хотелось бы сделать что-нибудь для вас. Если вам что-нибудь нужно в Москве — я сделаю с радостью».

В Москве я никого не знаю и друзей у меня там нет. Но если какая-нибудь будет нужда — обращусь к вам. Если хотите сделать для меня приятное — пишите мне, и это доставит мне утешение, тем более писем я почти ни от кого не получаю. Была жена, но сейчас ее уже нет. Как ни странно, вышла замуж. Очень раскаивалась, да что толку — факта не вернешь. Впрочем, о такой жене сожалеть не стоит.

Простите за такую откровенность.

Думаю, что Вам будет интересно знать: наша часть Краснознаменная; личному составу ее была 4 раза объявлена благодарность товарищем Сталиным. Этим мы очень гордимся. Четыре областных центра и одну столицу республики мы освободили от немецких захватчиков. Это ли не гордость?!

Все наше стремление к тому, чтобы поскорее добиться окончательной победы. И уже тогда отдохнуть. А как хочется отдохнуть от войны! Вы не поверите, вся психика у нас сейчас подчинена войне, даже и во сне — фронт, разрывы снарядов, посвист пуль. Я, например, совсем отучился жить в доме, спать на кровати, пользоваться столовым ножом, каждый раз разуваться на ночь; чайного блюдечка я не видел уже три года; три года не знаю, что такое простынь.

И мне кажется, после войны, когда я попаду в город, я буду совершеннейшим дикарем или, по меньшей мере, чудачком.

Но ничего… только бы добиться победы, а там привыкнем.

Сейчас идут большие бои. Но не привыкать. Я твердо уверен, что буду жить. Не может быть, чтобы фортуна от меня отвернулась в конце войны. Это было бы обидно!

Кажется, расписался я очень. 2 часа ночи. Мои товарищи спят. В землянке тепло, печка разговорилась на славу. Не хочется и бросать пера, а все-таки нужно.

Пишите мне, буду отвечать с большой охотой.

Если интересно: по специальности я журналист, до войны работал в Рыбинске, а вообще-то жил во многих городах, главным образом на Волге. Но родина моя — Сибирь, горы Алтая.

Пока!

Крепко жму ваши руки — обе.

Ваш К. Черепанов

17.11.44. фронт.

Письмо Льва Гольдина Анне Гольдиной

18 сентября 1944 г.

Лазаревна, милая!

Сейчас 9 часов утра. По небу бегают хмурые тучи и темно, как вечером. Сижу в столовой. Напротив старшина пишет какие-то ведомости, сбоку товарищи обсуждают последствия вчерашнего празднества. Вчера было воскресенье и годовщина организации [одно слово неразборчиво — *Сост.*]. Оделся в зимнее, встал поздно. С позавчера на вчера дулись вчетвером с начальником до 3 часов ночи в преферанс, так что спать хотелось. Завтрак. В 12.30 пошел в костел слушать молебен. Старик ксендз торжественно и спокойно отправлял службу. Прекрасно спевшийся девичий хор оглашал воздух тонким серебристым пением. Я стоял в сторонке и становился на колени вместе со всеми. Потом ксендз взошел по наклонной лестнице на кафедру, подвешенную на стене, как большая птичья клетка, и стал читать проповедь. Я ничего не понял из нее, так как говорил он не по-русски, но слова «русская армия» употреблялись достаточно часто и разговор шел, видимо, о даровании победы. Потом был торжественный обед. С самогоном. С пивом. Со всякими яствами. Вот уже и половина пятого. А в четыре назначено «свидание» с одним здешним «американцем», который прожил 20 лет в Чикаго и несколько лет как вернулся на Родину. Пошел туда. Это дом общих «знакомых», насколько можно быть знакомым с людьми другого языка. Пошли вдвоем с Морозовым, моим товарищем, гвардии старшим лейтенантом. Шла игра в «карася». Мы сели учиться. Это не так просто. Начали объяснять по-русски, но разговор останавливался за нехваткой слов. Тогда шел в ход местный язык, который почти не понимаем мы. Тогда дочь хозяина, гимназистка, начинала вспоминать скудные

познания в немецком — увы, они настолько скудны, что говорить с ней вообще не представляется возможным. Наконец, американец объяснял по-английски, путаясь, потому что за все 20 лет, прожитых в Америке, он изучил только словарь обыденный, немножко политический и хорошо своей профессиональный. Он — художник речи. Словом, плохо ли, хорошо ли, а через 2 кона (минут 10 времени) мы вникли уже во все немудрые тонкости, и я теперь по части «карася» рыбак хоть куда. Хозяин не уставал наливать пива. Разговор шел на 4 языках и, что ты думаешь, как-то налаживался. Потом к хозяйской дочке Ксавере пришла подруга — Генюта, говорящая, хоть и плохо, по-русски и мы вчетвером уселись играть в триктрак. В «карася» мы проиграли. Две партии в триктрак, и стемнело. Генюта собралась домой. С ней вышли Ксавере и Морозов. Я остался поговорить с американцем. Говорили с часок. Пили пиво. Становилось поздно. Я пошел в столовую. Поужинал и лег спать. Товарищей еще не было. Они вернулись в час, проиграв 30 рублей в преферанс ксендзу. Морозов, оказывается, провожать не стал, его сморило от самогонки с пивом, пошел в сарай и заснул в сене. Сейчас он сидит против меня зеленый и квелый. Кругом хмурые с похмелья люди, хмурые, как сегодняшнее утро. Один я бодро строчу письмо, и начальник штаба, симпатичнейший старший лейтенант Золотарев собирается в отъезд. Вот и праздник. Мне недолго быть здесь. Завтра, видимо, уеду стажироваться в соседнюю часть в город недельки на две, пока подберется матчасть и подчиненные. Как нелепо себя чувствуешь без языка! Кругом люди, которым умеешь только пожелать доброго утра и спокойной ночи. Разговор на пальцах не клеится <...>, посмеемся и расходимся, не поняв друг друга. Становится скучно без писем. Это письмо придет, когда ты будешь уже в Москве, наверное. Пиши чаще. Обо всем. Где была, что делала, какие мысли плохие и хорошие были в голове. Делать пока нечего, и я вместо условленных трех часов в день думаю куда больше.

Лазаревна, милая! Все на свете перетерпится и придет в норму. Нет-нет, может быть и удастся выбраться в Москву, пока, правда, путей туда не видно. Здесь хорошо, что кругом симпатичные люди и полное отсутствие высшего начальства. Ну, всего. Будь здорова и бодра духом. И не забывай писать письма.

Лева

* * *

«МОЛИМСЯ И ЖДЕМ»

Г. М. Ганзбург, конец 30-х гг.

Ганзбург Григорий Михайлович *(1903–1941) — родился в Пензенской губ. (ныне Пензенской обл.). До войны служил в Военно-ветеринарной академии РККА. Военврач II ранга, начальник санчасти 282 с. д. Брянского фронта. 27 августа 1941 г. выехал на грузовой машине в расположение полка для организации помощи раненым, попал в засаду и был смертельно ранен. Похоронен в дер. Баклань Трубчевского района Орловской (ныне Брянской) обл. Награжден орденом Красного Знамени посмертно.*

Здесь публикуется его переписка с семьей: женой, Ганзбург (Розенблюм) Марией Наумовной и детьми, Инной и Михаилом, которые находились в эвакуации в г. Кузнецке Пензенской обл.

Копии писем и фотографий передала дочь, И. Г. Вардания (г. Москва).

7 августа 1941 г.

Здравствуйте, дорогие!

После получения от вас писем ни слова не имею. Писал несколько раз. Сегодня дам телеграмму. У меня, родные, все по-старому. По-видимому скоро уйдем отсюда. Когда получишь это письмо, мы, врачи из Юрьев-Польского уже уедем, о новом адресе я тебе, родненькая, сообщу дополнительно. Чувствую я себя хорошо, хорошие аппетит и сон. Работаю много, с утра до поздней ночи, иногда приходится работать и ночью. Засыпаю быстро. Кругом хорошие товарищи. Обстановка очень сближает друг с другом. Помощники у меня хорошие, инициативные. Таким образом, условия создались неплохие. Начальник тоже симпатичный, и отношение ко мне хорошее. Хотел перед отъез-

дом побывать в Москве, но не смог. Пишите, мои родные, часто и подробно обо всем. Времени у вас, наверное, много свободного. Микочка, пиши о себе, о мамушке, об Инночке. Скоро моей родненькой дочке будет 5 лет. Поцелуйте за меня ее крепко-крепко.

Миночка, напишите о мамочке, как она себя чувствует. Люби ее крепко, будь послушным и ласковым. Мулик мой родненький, крепко-крепко люблю тебя. Будь благоразумной, думай о себе, о детях. Сохраняй свое здоровье: ешь и спи вовремя. Будем надеяться, что в недалеком будущем мы снова встретимся здоровыми, родными, честными, крепко любящими друг друга. Целую моих самых родных и любящих. Ваш Гриша.

30 августа 1941 г.

Милый Шуничка, сегодня отправили тебе открытку, пишу письмо. Посылка твоя пришла, но только сегодня обещал почтальон ее принести. Мы с 15 августа не получали. Письмо получила после 15 августа, и когда я читала (я всегда читаю вслух) «скоро моей доченьке будет 5 лет», Иннулька сказала: «А папулик и не знает, что мне уже 5 лет». Вспоминает она тебя ежедневно и все говорит: «напиши пулику, чтоб скорее война кончилась, я хочу к папочке в Москву и к игрушкам своим». Дочка хорошо выглядит, поправилась, выросла. Мика очень вытянулся, стал длинноногий, длиннорукий, худой. Я похудела, но не от плохих условий, а от тоски по тебе. Мы устраиваемся все лучше и лучше. Все живем одной мыслью, твердо веря в скорый благополучный конец. В 18-м году не то еще было, все равно победа за нами. Почему нельзя написать, в каком ты направлении, на каком фронте?

Пиши, милый, часто-часто, как минутка свободная, весь день сводится к ожиданию вечера, когда приходит почта, и вся ночь беспокойная, если писем нет — шли телеграммами по возможности. Целую, обнимаю, благословляю на борьбу своего любимого пулика, молимся за него своими молитвами и ждем-ждем-ждем. Твои Мина и детки.

* * *

«ФАШИСТСКИХ ГАДОВ БЬЕМ С ТРЕСКОМ»

С. Б. Давидсон, 1929 г.

Давидсон Соломон Борисович *(1906–1941) — родился в г. Нежине Черниговской губ. (ныне — Черниговской обл., Украина). Старший лейтенант, помощник начальника разведывательного отдела штаба 24-й армии. Погиб в бою в дер. Нежода под г. Ельня Смоленской обл., где похоронен. Посмертно награжден орденом Красного Знамени.*

Упомянут в следующих книгах Памяти: «Книга Памяти. Смоленская область. Ельнинский район», «Книга Памяти воинов-евреев, павших в боях с нацизмом» (т. 1), «Книга Памяти погибших и пропавших без вести в Великой Отечественной войне» (т. 4), «Книга Памяти. Тамбовская область» (т. 2).

Копию письма, адресованного семье тети, передала дочь, Т. С. Роева (Давидсон) (г. Барнаул).

24 августа 1941 г.

Дорогая тетя Райна и все!

Сегодня у меня сплошной праздник — фашистских гадов бьем с треском, а треск от них идет предсмертный, недалеко время, когда покатятся фашистские банды из СССР, но и германский народ не примет уцелевших из них, письма получил и от Танюши, и от Вас. Танюша, оказывается, после всех мытарств эвакуации, добравшись до Ершово, решила не ждать аттестата и сумела добраться к маме. Отсутствие аттестата она ощущает, но за детьми есть кому смотреть, пишет, что много яблок, овощей, замечательный урожай, и даже она сумела активничать на колхозных полях, уже имеет несколько десятков трудодней. Ну, я немедленно написал начальнику Ершовского НКВД, чтоб он аттестат выслал в Жердевку; значит, с получением аттестата Танюша разбогатеет, получит деньги за

пару месяцев. Пишу и Эсе, чтоб она закончила миссию посредника и выслала деньги Танюше. В общем, основное это то, что я знаю, что семья на месте, и в условиях, где жить можно в обилии жизненно необходимых продуктов питания, тем более что Танек сделалась ударницей в колхозе, а Тамара ей поддержка — вызвал ее на соревнование — я буду отлично бить фашистских гадов, а она должна учиться как и в прошлом году отлично и даже лучше.

Из Вашего и Эсиного письма для меня все же не ясно, где дядя Борис, дядя Самуил и тетя Бела, как их благополучие и здоровье. Пишите мне от всех, прощаю, что у Бори времени не очень-то много. Ваш [Подпись].

* * *

«МНЕ ДОВЕРЕНА ЗАЩИТА МОСКВЫ»

Я. С. Уринсон, сер. 30-х гг.

Уринсон Яков Соломонович *(1906–1942) — родился в г. Чернигове (ныне — Украина). До войны работал помощником наркома путей сообщения в Москве. В начале войны эвакуирован в г. Асбест, откуда был призван в армию. Рядовой, пропал без вести в феврале 1942 г. (по другим данным — в декабре 1941 г.). Упомянут в «Книге Памяти воинов-евреев, павших в боях с нацизмом» (т. 6) и книге «Память. Свердловская область» (т. 4).*

Письма адресованы жене, Клавдии Ивановне Новиковой и брату Михаилу в эвакуацию в г. Саратов.

Копии писем и фотографии передал брат, Г. С. Уринсон (г. Москва).

25 августа 1941 г.

Кла моя, получил твое письмо (открытку) от 10/VIII (она дошла 22/VIII). Теперь я окончательно спокоен насчет того, что вы действительно доехали и, кажется, ничего не растеряли. Правда, очень жаль, что мало жилья, но это в нашем понятии уже вопрос второй.

Из Москвы от Мишки я кроме телеграммы не получил ничего. Если у вас есть оттуда какие-либо сведения, сообщите. Вообще связь с Москвой у нас довольно тесная: почти ежедневно наше руководство говорит по телефону с наркоматом, общее представление о том, что там делается, я имею, но не имею возможности поручить посмотреть, что слышно на нашей территории.

О своем житье ничего нового сказать не могу. Санаторный режим прогрессирует т. е. теперь я уже ложусь спать в 9 1/2 час. веч., а еще через некоторое время буду ложиться в 8, 7 и т. д. Пока не дойду до того, что буду укладываться сразу после службы. Питаюсь я достаточно, даже вполне, из потребительских неудобств больше всего раздражает отсутствие папирос и спичек. Но если табак («самосад» — какое-то растение вонючее, как территория под хвостом уличного кота) на рынке найти можно, то спичек нельзя добыть никакими судьбами, зажигалки, конечно, тоже, и, кажется, придется конструировать себе кресало, какими пользовались на Руси люди 100 лет назад.

Среди нашей колонии царит большое уныние. Все клянут себя за то, что приехали; а люди из Москвы пишут (в большинстве), что хотят сюда. Получается неразбериха, в которой никак не найдешь истины. Приступ ностальгии оказался настолько сильным, что сегодня двое из наших сотрудников подали заявления об увольнении и вечером уезжают в Москву. Я им даю поручение — побывать на Басманной, но результата я не знаю дождусь ли. Вообще я думаю, даже уверен, что через несколько дней меня призовут в армию. Позавчера я уже прописался, встал на воен. учет. Теперь уж ждать осталось немного. Я этому буду искренне рад, т. к. продолжать это нудное прозябание здесь очень тошно и невыносимо тоскливо.

Хочу в Москву, мог бы согласиться, как максимум, быть с вами в Саратове, но торчать тут хуже чем в 1937 г. в Вязьме.

Хотел бы написать тебе хорошее письмо, с лирикой, но не делаю это, т. к. слишком много рук и много времени пройдет это письмо прежде чем дойдет до тебя, да и дойдет ли? Скорее нет, чем да.

Очень хотел бы повидаться (как это глупо и незначительно сказано).

Из оставленных в Москве вещей я больше всего жалею о следующих: 1)твой подарок — мундштук, 2) Сонькино фото (я его так и не нашел) 3) наш семейный альбом. Жаль, конечно, и вело, и пианино, и институт — увидим ли мы все это? Проверну ли я когда-нибудь свои пластинки?..

И все таки до сих пор я совершенно уверен в том, что все утрясется. Только когда? На этом месте я закончил 25/VIII вечером. А в ночь на 26/VIII (совершенно так же, как 2 года назад в Вязьме) я получил посылку — вызов в Военкомат.

Это письмо я отправлю до явки, а если действительно призовут, то извещу вас телеграммой, пришлю справку и сообщу, что сделал с вещами (хорошо, что я взял их мало).

Целую тебя, Кла, очень скучаю по вас, — но это вообще. А по поводу возможного призыва — искренне рад, т. к. не чувствую смысла в своей теперешней работе и существовании.

Пока всего.

Яша.

10 октября 1941 г.

Михаил, получил твое письмо и очень, очень рад этому, что у вас все благополучно (хотя пока дошло письмо, возможно, уже что-либо уже и произошло, но так можно выдумывать без конца). Но будущее все-таки меня очень тревожит. Мы каждый день ждем перелома, мы нисколько не сомневаемся, что в конце концов, как говорят, победа будет за нами, но очень жаль уничтожаемых богатств, жаль потерять то, что мы имеем в Москве.

У меня все в порядке. Несмотря на то, что я прохожу суровую школу военной учебы, и что часто приходится трудновато, — я все это переношу вполне благополучно и до сих пор (не сглазить бы) даже не имел насморка.

Ты пишешь о посылке. Я об этом не писал, т. к. помню, в свое время из Москвы посылок не принимали. Вообще же я очень нуждался в куреве, просто мучился от его полного отсутствия. Теперь острота прошла, так как мы ходим в колхоз на с/х работы и я там купил немного «самосада» т. е. табака местного посева, вонючего до невозможности, но курить можно. Конечно, его у меня не так много. Поэтому, если из Москвы посылки принимают и если тебе вообще нетрудно как в смысле отправки, так и приобретения, то прошу послать следующие: самого дешевого табака граммов 200 или самых дешевых папирос 2–3 сотни, спичек 10 коробок, сухарей любых (подешевле) 2–3 кг. И носков 1 пару. Общая стоимость посылки не должна превышать 12–15 рублей, т. к. она может не дойти и в связи с моим отъездом и просто по причине утери, так, чтобы убыток был невелик. Скорее всего, однако, я ее получу. Адресуй так: Камышлов Свердловской обл., Порошенское п/о, почтовый ящик 42/3, мне. Привет Анне Дмитриевне.

Всего хорошего. Яша.

7 ноября 1941 г.

Пишу с дороги, в поезде. Едем к родным местам, настроение хорошее. После получения теплого белья и твоей посылки на мне оказалось 4 штанов, из них 2 теплых, 5 рубах, из них 3 теплых, 2 пары портянок из них 1 теплые, шинель, так что мерзнуть не собираюсь, писать пока больше нечего. Целую семейство и поздравляю с праздником 24-й годовщины октября. Яша.

1 декабря 1941 г.

Кланечка! Шлю тебе привет из-под Москвы, из Савелова. Вероятно сегодня, 1/XII буду нюхать порох. Спокоен. Рад, что мне доверена защита города, где прошла большая часть моей сознательной жизни, где я встретился с тобой, где у меня было много счастливых дней, где мы слушали Лоэнгрина.

Много воспоминаний, много хорошего. Где ты? В Саратове ли? Дойдет ли до тебя эта записка?

Целую. Люблю. Помню и думаю ежеминутно. Яша.

* * *

«ПРИХОДИТСЯ ВЕЗТИ БОЕПИТАНИЕ НА ЛИНИЮ ОГНЯ»

М. З. Леверт. 16 декабря 1940 г.

Леверт Михаил Зиновьевич *(1905–1941) — родился в г. Балте Одесской губ. (ныне — Одесской обл., Украина). До войны работал слесарем на Донецком металлургическом заводе. В июне 1941 г. был призван в армию, в 394 корпусной арт. полк. Рядовой, стрелок. По официальным данным числится пропавшим без вести в ноябре 1943 г. По воспоминаниям очевидцев расстрелян и сброшен в шурф шахты 4–4-бис в 1941 году в Сталино (ныне — Донецк, Украина), где скрывался, попав в окружение. Упомянут в «Книге Памяти воинов-евреев, павших в боях с нацизмом» (т. 6).*

Письма адресованы сестре — Розе Леверт, жене — Роне Владимировне Леверт и детям в г. Сталино, где они проживали до эвакуации в г. Самарканд. Копии писем и фотографию передала дочь, М. М. Дробязко (Израиль).

5 сентября 1941 г.

Здравствуйте, дорогие и любимые Киця, и дорогие детки, и все остальные. Спешу вас уведомить, что я жив и здоров, чего и вам желаю. Теперь, Роня, я почти ежедневно посылаю тебе письмо или открытку, чтобы ты была спокойна. Возможно, и я знаю, что почта работает с перебоями, поэтому будешь получать с перебоями, но это неважно, лишь бы чтоб ты получала.

Теперь, Киця, я уже писал, что мы находимся в городе Новомосковск Днепропетровской области, мы и сейчас находимся здесь, помещаемся в хорошем помещении, кушаем и пьем, как будто находимся не на фронте, а дома. Что касается нашей работы, то я уже писал, что нам приходится везти боепитание на линию огня, и то только нашим пушкам, а пушки находятся от передовой, тоже километров 10–12, так что нам не фронт, а масленица. Я могу тебе писать, что я счастлив, что попал в эту часть, а не в пехоту, ибо я сейчас вижу, что собой представляет пехота.

Что касается военного положения, то могу тебе писать, впервые наши войска с 17-го числа прошлого месяца удерживают врага за Днепром, немец не одну уже тысячу солдат положил на Днепре, но перейти он его не перейдет, это однозначно. Еще один факт: немецкие войска отошли от Днепра и остались только итальянские и румыны, но и здесь так кормят свинцом, что и они отсюда скоро уйдут. Я лично, как писал уже один раз, был под обстрелом и больше пока не был, но я себя чувствую так спокойно, как будто нахожусь в мирной обстановке. В общем, чувствую себя очень хорошо, только одно плохо, что у нас еще нет своего адреса, и не знаю, что дома делается. Это меня очень волнует, ибо я вчера говорил с одним бойцом, который приехал из Сталино. И он говорит, что 1-го числа будто бомбили Сталино. Это меня страшно взволновало, но я думаю, что это неверно, а только провокация, но волнует.

Теперь Киця, я решил, чтоб ты мне написала сюда письмо до востребования, возможно, что если будем здесь, то я его получу, а если нет, то получишь его обратно. Я сделал ошибку, что сразу так не сделал, но это уже пропало. Мой адрес: город Новомосковск, Днепропетровская область, почта, до востребования. Пиши, как дома положение, работаешь ли ты, и как вообще у нас положение, как ваше общее здоровье, и т. д. На этом кончаю. Прошу тебя быть стойкой, как я здесь.

На этом кончаю, целую вас всех, Миша.

Привет всем-всем. Жду ответа.

18 сентября 1941 г.

Здравствуйте, дорогие Роза и детки, спешу вас уведомить, что я жив и здоров, чего и вам желаю от всей души. Затем, Роза, ты когда выехала, то даже не нашла нужным подойти и попрощаться, не то что со мной, но даже с Роней и детьми, но ничего, если буду жив, то надеюсь, что встретимся и тогда поговорим. Затем Роза, скоро после твоего уезда мы выехали на фронт, а это письмо я пишу с фронта. Сегодня уже 18-е число, а со дня моего выезда по сей день я от Рони ничего не имею. Я давал телеграм-

мы домой, но ответа нет. Дело вот в чем: 1-го или 2-го числа этого месяца Сталино подвергли бомбежке, причем были и жертвы, возможно, что Роня выехала к тебе, ибо я с ней договорился, что в случае чего, чтоб она поехала к тебе, поэтому, возможно, что она не получает мои письма и не знает моего адреса. Из-за этого я от нее ничего не имею, поэтому прошу тебя, как только получишь письмо, напиши или Роня с детьми у тебя, как ты проехала и где живешь, в общем напиши, подробное письмо и пошли подробно твой адрес, больше не пишу, ибо некогда, целую всех-всех. Миша.

Как получишь мое письмо, дай мне телеграмму. Привет всем знакомым.

Мой адрес. Действующая Красная Армия, полевая почта № 43, почтовый ящик 114, Леверту М. З.

* * *

«ЗДЕСЬ МЕНЯ УБИЛИ»

Это одно из первых свидетельств о казни евреев, документально зафиксированных на камне. Обычно жертв нацистов вели на расстрел утром, и они не могли оставить прощальных строк. Кроме того, перед казнью евреев содержали в тюрьмах (фортах), где более ранние тексты на стенах камер не сохранились. После оккупации 19 сентября 1941 г. гор. Золотоноши Полтавской (ныне — Черкасской) обл. на ж/д станции сосредоточились эшелоны с ранеными солдатами и беженцами. Эсэсовцы отобрали среди них евреев и собрали их возле ж/вокзала в овощехранилище (т. н. «бурякопункт»). 22.9.41 ок. 300 евреев были расстреляны партиями по 10 чел. Трупами казненных закидали наполненные водой воронки от авиабомб и колодец недалеко от овощехранилища. Убийство организовали гауптман СС Грейлинг и обер-лейтенант Йольгер.

Среди казненных были беженцы из Белоруссии и Житомирской обл.; солдаты — евреи из Каменец-Подольской (ныне — Хмельницкой) обл. и Харькова.

Осенью 1943 г. комиссия ЧГК нашла и зафиксировала последние слова обреченных. Впервые их опубликовал ветеран войны из Израиля Ефим Сегал (В одном украинском местечке // Новости недели, 10.05.2001).

Вот эти прощальные слова из 41-го:

Я умер, прижав жену и ребенка к груди. Село Михалки Наровлянского района Полесской области. Сентябрь 1941.

Здесь убиты 300 человек 22 сентября 1941. Из Коростеня Житомирской области: Шерман Элик, Глозман Мойше, Герцбейн Фишель, Пильч Михель, Герман Давид.

Харьков, Клочковская, 39/5, Амстиславской (или А. Мстиславской — *Сост.*)**.** Сообщите, что я расстрелян, Петя.

Здесь меня убили. Прошу сообщить по адресу: Славута Каменец-Подольской обл., Артиллерийская, 44. Галиной от Мити.

* * *

У могил расстрелянных. Фото М. С. Редькина. ЦАЭ и АДМ

«Я ДОЛЖЕН ЖИТЬ!»

Аникст Александр Абрамович *(1910–1988) — родился в Цюрихе в семье анархо-коммуниста, участника революционного движения, Александра Моисеевича Аникста. В 1918 г. семья вернулась в РСФСР, А. М. Аникст вступил в РКП(б), в 30-е годы. — зам. председателя Госплана СССР. Репрессирован и расстрелян в 1938 г. Мать — Ольга Григорьевна Аникст — основатель и первый ректор МГПИИЯ (ныне — МГЛУ, бывш. МГПИ им. Мориса Тореза), была осуждена на 8 лет как жена «врага народа». Срок отбывала в исправительно-трудовом лагере в Мордовии (1938–1946).*

А. А. Аникст окончил МГПИ им. Ленина. Защитил диссертацию по творчеству Мильтона. Преподавал литературу в МГПИИЯ. В 1941 г. рядовым вступил в Московское народное ополчение, в действующей армии — до весны 1944 г. Вел дневник.

После войны — шекспировед, доктор искусствоведения (1963), почетный доктор литературы Бирмингемского университета (1974), президент Шекспировского комитета АН СССР.

Копию дневника передал брат Д. А. Аникст (г. Королев).

А. А. Аникст, 1942 г.

19 октября 1941 г.

Дата не замечательная ничем и ни для кого. Знаменательная лишь для меня. Наша рота отступала.

Растянувшись длинной вереницей, мы шли лесом. Нас было восемьдесят человек. Выполнив свою боевую задачу — прикрыв отход батальона, мы оторвались от своих и находились теперь под угрозой окружения.

Справа от нас где-то недалеко по дороге тарахтели танки противника, обгонявшие нас. Слева, также обгоняя, строчили автоматчики.

Приближался вечер а мы все никак не могли вырваться из этого коридора смерти. Казалось, конца не будет этому пути.

Но конец пришел, и пришел неожиданно: пули стали бить спереди навстречу нам, «коридор» оказался тупиком.

Мы остановились.

Командир роты (он стал им вчера в бою, а до этого командовал взводом) приказал занять круговую оборону.

Все восемьдесят человек залегли под деревьями, готовясь встретить пока еще невидимого врага. Сам командир, с политруком и тремя командирами взводов выдвинулись вперед. Мы видели их головы, склоненные над картой, движения рук, показывающих то в одну, то в другую сторону, и понимали, что идет совещание о том, каким путем выбраться из тупика, в котором мы оказались.

Я лежал на опавших осенних листьях, держа перед собой наготове самозарядную винтовку. Сжимая ее в руках и напряженно смотря вперед, я думал: неужели конец?..

И не мог верить этому. Даже свист пуль, проносившийся над головой, не мог убедить меня в том, что пришел конец.

Прямо передо мной был ствол дерева, за которым я предполагал укрыть голову в случае опасности. По неровной его коре полз коричневый муравей.

Неужели для меня прекратится то вечное движение, которое мы называем жизнью? Неужели перестану чувствовать, мыслить?

Рука моя ощутила всю плотность дерева и металла винтовки. Мне казалось, что всем телом я чувствую — сквозь одежду, сквозь влажные листья, на которых я лежал — землю.

Закинув голову, я посмотрел вверх. Там, над верхушками деревьев было серое, быстро темнеющее предвечернее небо.

Я посмотрел вокруг. Шагах в семи от меня лежал товарищ, так же, как я, напряженно прижавший к плечу приклад винтовки. За ним другой, третий... Рассудок мой не мог примириться с мыслью, что я, что они — должны погибнуть.

Я буду жить. Я должен жить!

И в тот самый момент, когда я подумал так, я услышал свист пули. Был короткий миг, тысячная доля секунды, когда я чувствовал, что пуля летит прямо на меня с невероятной быстротой, неотвратимая, и не было времени для самого незначительного движения. Я успел только молча крикнуть:

— Я должен жить!

И в этот момент пуля врезалась в землю, совсем близко, сантиметрах в пяти от меня.

Долго и внимательно смотрел я на маленькое отверстие в земле, куда она ушла. Потом оглядел все.

Все также серело небо над головой. На фоне его я отчетливо различил каждую веточку на вершине деревьев. Каждый лежавший на земле лист был особого цвета. Вот этот — желтый, а тот — коричневый, один — кремовый, другой и желтый, и красный.

Я оглядел своих товарищей ивдруг увидел их всех вместе и каждого в отдельности — так я как будто побывал в душе каждого из них. Мне страстно захотелось выразить это озарившее меня понимание всего окружающего, жизни, запечатлеть его.

— Надо выжить. Пережить все, все перенести и потом рассказать об этом.

И с этой мыслью я машинально перевел взгляд на дерево передо мной. На неровной его серовато-белой коре мой взор различил коричневого муравья, который по-прежнему полз вверх.

* * *

«РАССТРЕЛЯНЫ 150 ТЫСЯЧ ЕВРЕЕВ В КИЕВЕ»

Биневич Михаил Львович *(1904–1944) — родился в г. Тихвине Новгородской губ. (ныне — Ленинградской обл.). Учился в механоконструкторском техникуме, затем работал инженером в проектном институте «Механобр» в г. Ленинграде. Отказался от брони, ушел на фронт добровольцем 5 июля 1941 г. Старший техник-*

лейтенант, начальник арт. вооружения 213 с. п. 56 Ленинградско-Пушкинской с. д. 42 армии Ленинградского фронта Погиб в бою 21 января 1944 года. Похоронен в братской могиле у дер. Мыкалово под Ленинградом. Упомянут в «Книге Памяти воинов-евреев, павших в боях с нацизмом» (т. 5).

Письма адресованы жене, Лие Семеновне Альтшулер и сыну Евгению в эвакуацию в д. Ангасяки (Башкирия) и в г. Свердловск (ныне Екатеринбург).

Копии писем передал сын, Е. М. Биневич (С.-Петербург).

30 октября 1941 г.

Дорогая деточка!

Сегодня опять переезжали на новое место. Передвинулись, правда на 3 километра, но эти ночные сборы одна мука. Я уже тебе писал в прошлом письме, что у меня была большая неприятность, которая чуть мне не стоила головы. Из-за этих переездов еще последствий не знаю, но вообще уже гроза прошла. Мы переезжали с места на место ночью. Приехали, стали разгружаться, и как всегда — займешь место, кто-либо из высших увидит, что у тебя лучше, чем у него, давай меняться. Да все в темноте, в лесу, так и здесь было. И во время перетаскиваний вдруг пропал чемодан со всеми секретными документами за целую армию. Мы потеряли голову, все землянки обыскали, но найти не смогли.

На другой день я ходил пешком в старое месторасположение. Думал, что там забыли, хотя и знал, что не забыли, поскольку сам грузил в машину, но для очистки совести сходил, и ничего, конечно, не нашел. Заявили в Особый отдел. Они взяли всех в оборот — почему небрежно относимся к документам, почему не сразу заявили, и в особенности ко мне как к завделу армейского масштаба, который отвечает за секретные дела при любых обстоятельствах. И это верно, но моя вина была здесь весьма маленькая. Я сам чемодан погрузил и больше с машинами не увозил. После приезда на машине остался дежурить один капитан, и когда пришли за вещами второй раз, оказалось, что он машину бросил и куда-то ушел. Разве я могу отвечать при таких обстоятельствах?

Особый отдел на другой день нашли чемодан с выпиленной крышкой в лесу в полукилометре от нас, и все цело. Они думали,

На одной из прифронтовых улиц Ленинграда. 1941–1942 гг. Фото М. А. Трахмана. ЦАЭ и АДМ

что там съестное или вещи, а увидели, что пусто, одни бумаги, и выбросили. А случилось так. Когда мы заняли указанную нам землянку, то там были шоферы, мы их в темноте стали выживать, а в это время и нас стали выживать. Народа набралось много, они в потемках воспользовались этим делом и сперли этот чемодан. По этому делу арестованы 12 шоферов, и будет дело. Особый отдел сказал, что нужно было бы и меня арестовать, но поскольку они меня хорошо знают, хорошо меня проверили и имеют характеристики со службы обо мне и т. д., то им не нужен и нахожусь вне подозрений с точки зрения умышленности.

В общем, обошлось хорошо, не знаю, в какой мере мне попадет и начальнику будет ли выговор в приказе по армии или что-либо другое, во всяком случае, голова будет цела, и это главное при данных обстоятельствах в военное время. Шоферы в воровстве признались.

Сегодня получил твою открытку от 30/ IX-41 г., т. е. шла ровно месяц, как видишь, не скоро.

Сегодня в газете сообщение о том, что Харьков сдали, куда-то перебрались все ваши.

Я очень рад тому, что сынулька маленький уже сознательно подает руку здороваться и уже похож на человека. Хотел бы я взглянуть на эту картинку, да уж придется после войны.

Я эти дни ходил, как убитый, и оно понятно, почему, и только теперь я помаленьку отхожу. Я уже даже хотел просить, чтобы не расстреляли, а отправили на фронт, но все обошлось. <…>

Как чувствует себя старший сынуленька, почему он ничего не напишет?

Масюточка, пиши письма, а не открытки. А то карандаш стирается и в результате после месячного путешествия от письма ничего не остается. Ну вот и все. Будьте здоровы. Поцелуй ребятишек, привет всем-всем.

Целую вас крепко-крепко…

11 ноября 1941 г.

Дорогая деточка!

Ты очень удивишься, когда узнаешь, что это письмо я пишу с собственной квартиры на проспекте Маклина, 45, при температуре в 5 градусов тепла из комнаты твоих стариков. Приехал я вчера, переночевал, и сейчас собираюсь ночевать вторую ночь. Наша группа в 10 человек прибыла сюда по вызову Ленфронта. Возможно, что мы останемся здесь, но может быть и так, что уедем опять на фронт.

Сегодня узнал много интересного и печального.

Интересное и приятное, что квартира и наш дом целы и даже стекла в порядке. Неприятное и печальное, что, оказывается, Фирочка умерла где-то в Ярославской губернии, куда была отправлена со школой. Оно и понятно: ребенок слабый, требующий специального наблюдения при ее болезни, но благодаря Гитлеру ничего похожего, конечно, ей дать невозможно было, вот и не выдержала и умерла. Узнал я об этом сегодня от Брантик, куда я зашел справиться о Бине и о всех наших.

Оказывается также, что Лена в Тамбов эвакуироваться не успела и живет одна с ребенком. Возможно, завтра зайду к ней и узнаю подробности о Фире.

У Брантик я узнал Софьин адрес и Мани, которые на всякий случай тебе сообщаю, чтобы ты смогла с ними списаться. Ведь приятно иметь сношение с близкими людьми, а то вы все разъехались, растерялись, и я хочу вас связать. <…>

Где сейчас мамаша моя, я не представляю, говорят, что куда-то эвакуировалась, а куда, никто не знает. Вообще никак всех не собрать.

Бинюшка стоит где-то здесь близко, но связи у меня с ним никакой. Напишу сегодня письмишко, но не знаю, что с этого получится.

Одним словом, я решил стать связующим звеном между всеми вашими беженцами…

Как видишь, масюточка, сколько разных новостей за один день, что я здесь. Да, еще одна, я сходил в баню, это уже кое-что.

Я, масюточка, до сих пор не имею от тебя никаких писем, а сам продолжаю писать и думать, что если я не получаю ничего, то, очевидно, ты тоже, а ведь это ужас, ты уже, наверное, думаешь, что я убит, хотя и здравствую по-прежнему вовсю. <…>

21 ноября 1941 г.

Дорогая деточка!

Я еще живу в Ленинграде у себя дома, и как бы мне не хватало вас видеть здесь около себя, все же я не жалею, что вас здесь нет.

Эти 2–3 дня, что прошли с моего первого письма из дома, я разыскивал родных и знакомых, и у всех спрашивал о вас, т. к. уже давно не имею писем из-за частых моих переездов с места на место. Зашел к Кларе. Только сел, как началась тревога, и они с Саулом убежали в убежище. Просидел я у них 2 с половиной часа, не дождался и ушел. Но за те две минуты, что я их видел, я узнал несколько новостей о том, что твоя мамаша умерла. Я вместе с тобою скорблю о кончине такой славной женщины, тем более что тебе, очевидно, стало вдвойне тяжелее с ребятами, но что же делать, нужно смириться с этим. Сейчас видишь столько кругом смертей, так часто подвергаешься опасности быть убитым или раненным снарядом, миной, осколками от снарядных разрывов в самом городе, что просто теряешь какой-либо вкус к этой опасности, не укрываешься, ибо и в убежище можешь быть похоронен под обломками разрушенного здания, так же, как разорванным в клочья под воротами, и т. д.

Смертей кругом много: умерла Фира, умерла твоя мамаша, убит Борис, муж петроградской Жени, убит Корнилов, неизвестно, куда пропала моя мамаша, расстреляны 150 тысяч евреев в Киеве и 300 тысяч евреев в Одессе и т. д. и т. п. Смерть в настоящее время явление обычное, и мы все же ее не чувствуем, пока не заденет нас лично. Человек всегда человек.

На другой день я зашел к Юрию на завод, чтобы подробнее узнать, в чем дело (тетя Клара и дядя Юра — родные брат и сестра, мамины троюродные брат и сестра, поэтому, не узнав про нас ничего у тети Клары, отец и пошел к дяде Юре. — Е.Б.) и читал у него

твою открытку. Он так и живет на заводе, а квартиру закрыл. Сейчас к нему в квартиру переезжает Клара, т. к. у них не топят.

Читал я у него письмо Милы. Она вблизи Свердловска. Письмо жуткое. Пишет, что жить негде, живет в каком-то бараке, и то выселяют. Служит завхозом в яслях, работает по 12–14 часов за 150 р. в месяц, очень голодает, т. к. нет ни мяса, ни овощей, ни масла, ни сахара, только и есть, что хлеб и картошка. Как она все-таки глупа. Если бы она жила здесь, то имела бы 125 граммов хлеба в день и никакой картошки. И это она называет голодом. Люди заелись. Она собирается переезжать куда-то в др. место.

Сейчас идет уже 3-я тревога, или, вернее говоря, третий воздушный налет на Ленинград с перерывом в 2–3 минуты, причем налет не игрушечный, не учебный, как в мирные времена, а настоящий, с бросанием зажигательных, фугасных и осколочных снарядов. Говорят, на нашем доме тоже было несколько зажигательных бомб, но все обошлось благополучно. На нашей улице за скверником есть разрушенные 3–4 дома до основания. Но больше всего страдают другие районы. И не смотря на такие вещи, на сильную нехватку продовольствия и т. д., настроение у большинства не нытиковское, у всех горит желание побить фашистов любой ценой жертв со стороны населения, да это и понятно, разве кому хочется попасть в руки этому зверью.

Все наши, с кем я служу, имеют здесь семьи, и прямо кусок им не лезет в горло, когда они видят, как их дети прямо тают на глазах. Когда были за городом, так все это было не на глазах и было легче, а теперь попали сюда и прямо замотались. Как я счастлив, что этой заботы нет у меня. Ты знаешь, масюточка, вы выехали последним эшелоном, все последующие или были разбомблены, или вернулись обратно из-за невозможности пробиться. Вам просто повезло.

Я узнал также, что ты выехала даже с родственницей, с сестрой мужа Рахилью Рубиной. С тобой ли она в этом селе или нет, напиши обязательно. Так же опиши подробно финансовые и продовольственные твои дела и пиши обязательно на домашний адрес, т. к. где бы я ни был, все равно кручусь вокруг Ленинграда, бываю часто в нем или кто-либо из наших, и всегда могут зайти и взять у Анны Антоновны — а то иначе я могу вас совсем потерять из виду и не знать, что у вас творится. С моим новым местом службы пока

не выяснилось. Очевидно, завтра — послезавтра будет уже окончательно все ясно, и вероятнее всего, что я останусь в Ленинграде, но об этом напишу в следующем письме. Сейчас пишу, а за окном идет канонада так, что дрожат стены и стекла, а ты бессилен что-либо изменить. Даже не верится, что живешь в Ленинграде. <…>.

Как у вас погода, есть ли дрова и все необходимое, как отношение к вам населения и т. д. Пиши обо всем подробно.

Поцелуй детишек и скажи старшему сынульке, что Вадик пишет отцу, пусть и он мне напишет…

26 января 1942 г.

Дорогая деточка!

Наконец-то сегодня добился разрешения послать тебе посылку, получил справку, что отправляю личные вещи. Вот сейчас собираюсь заняться упаковкой, что дело тоже трудное, т. к. не во что зашить, придется использовать портянку, и пошлю ее.

Посылать сегодня, к сожалению, нечего. Главное, что мне хочется послать, это пару кусков простого мыла, несколько туалетных кусков, немного собрал сахара специально для Женюрки, т. к. ты ему не даешь, а даешь только Толику, а тебе — бумаги, конвертов, ручку и несколько таблеток чернил. Они хорошо разводятся, и больше у меня для вас интересного ничего нет. Конфет не достал, что-то наш военторг все сидит пустой. Ну да если впредь что-либо достану, то сооружу еще одну посылку, а сейчас главное мне доставить тебе мыло.

Это письмо я хочу отправить внутри посылки, и поэтому буду немного откровеннее, в особенности по части состояния Ленинграда.

Я писал тебе, что письма, которые получают сослуживцы, меня крайне расстроили, т. к. их содержимое сплошной стон.

Во-первых, обстрел из дальнобойных орудий всем страшно надоел, уже никто почти не оберегается, т. к. считают даже, что лучше умереть сразу от снаряда, чем медленно гибнуть от голода.

Голод там жуткий — 200 г. хлеба в сутки, и все. Ни круп, ни сахара, ни муки, ничего не было, а об масле и говорить нечего. Но голод и бомбежки это не все. Не лучше дело с водой, ее нет — все трубы замерзли. Редко кто имеет силы носить воду, платят по 5 р. за ведро мальчишкам, и то с поклоном.

А раз нет воды, значит не работают уборные, каждый ходит, куда может, кто и под себя, кто в горшки, а ночью выливают около домов или прямо на середину улицы.

Ленинградцы так же давно забыли про свет. Сейчас темнеет рано, и сидят в темноте.

Так же забыли и про трамвай. Ходить нет сил, поэтому родичи редко общаются друг с другом, а то и совсем не знают друг про друга ничего, хотя в одном городе.

И также скверно дело с мытьем. Ведь бани не работают, люди сидят месяцами немытые, да если учесть, что также никто не раздевается, то можешь себе представить, как плохо населению.

Ко всему этому донимают сильные морозы, доходящие до 38°, а топить нечем. Да если принять во внимание, что в большинстве домов все окна разбиты, то представляешь, что за рай сейчас в Ленинграде.

Смертность населения достигла колоссальных размеров. Люди простужаются, заболевают, может быть, и легко, но умирают, потому что организмы истощены голодом, и сопротивляемости организма нет никакой.

Сейчас там покойника увидишь почти на любой улице, на лестнице, в квартире. Штабеля трупов лежат в Канонерском переулке и, очевидно, в других местах. Находятся еще такие сволочи мародеры, которые раздевают трупы.

Сейчас трупы в замороженном состоянии, так с точки зрения эпидемий, ничего, но что будет к весне? Трупы расползутся, пойдут холера, чума и т. п. эпидемии. Что будет, просто страшно подумать. <…>

Много можно было бы написать по поводу положения Ленинграда, но достаточно и этого, чтобы понять, как плохо ленинградцам, поэтому каждый житель Ленинграда герой, я бы их всех поголовно наградил орденами, кроме, конечно, мародеров и спекулянтов, которые дерут за пачку махорки 80 руб., за 200 г. хлеба — 50 рублей, за коробок спичек 5 р. и т. д. и т. п.

Я пишу это, масюточка, тебе потому, чтобы ты не очень торопилась с приездом. Город сейчас умирает, но он должен воскреснуть, в него нужно влить бодрящую живую струю, но осторожно, небольшими дозами, т. к. большие дозы могут быть смертельными, а для этого нужно много времени.

Ты теперь видишь, что на этом фоне твои жалобы на тишь и гладь, какие у вас сейчас, выглядят смешно. Ты не представляешь, как я ценю, что ты вовремя уехала с ребятами.

Ну, пока все. Поцелуй ребятишек. Целую вас крепко, крепко…

23 марта 1942 г.

Дорогая деточка!

Вот уже 3 дня, как я сижу в Ленинграде в командировке, и кроме как дома один раз, в день приезда, нигде не был.

Приехал я в командировку по вызову самого главного нашего хозяина, и вот работаю 3 дня с 8 утра до 2–3 часов ночи. Первую ночь ночевал в гостинице комендантского управления, а эти 2 ночи прямо здесь, в штабе на диване.

Дома получил много новостей. Во-первых, комнату деда заняла одна гражданка в положении, муж ее на фронте. Но я ее не застал, она еще только переезжала и пока оборудовала печурку, жила в др. месте.

О нашей комнате теперь никто не беспокоится. Во-первых, она на трех замках, а во-вторых, моя справка очень помогла, и думаю, что теперь никто ее не возьмет, если вообще дом устоит, т. к. немец иногда обстреливает наш район с дальнобойных орудий.

Узнал, что умерла Колина тетка Фрося, и сам Коля Левин болен уже 4 месяца. Сейчас у него отнялись ноги, не знаю выживет ли, поддержаться-то нечем.

Анна Антоновна пока еще держится, бродит, но стала неузнаваема. Как и многие другие знакомые.

Рухмин все еще болеет и очевидно тоже не встанет, я к ним в этот раз не заходил из-за отсутствия времени, но если немного времени останется, то забегу к ним на минутку.

Вчера, идя с обеда в штаб, я встретил сослуживца из «Механобра». И что я давно предвидел, то и случилось. «Механобр» закрыли, остатки эвакуируются, но интересное дело, что отказались эвакуироваться больше половины. Дивлюсь на здешний народ. Ведь уж кто больше наголодался, кто больше выстрадал от бомбежек, от обстрелов, от отсутствия транспорта и каких-либо хотя бы приблизительных бытовых условий и т. д. И вот, несмотря на все это, Ленинград покидают очень неохотно или совсем отказываются.

Вот и этот знакомый, которого я встретил, выглядит трупом, высох, еле волочит ноги, а все же выехать отказывается, а, напротив, шел куда-то покупать по дешевке антикварные вещи у отъезжающих. На вопрос, куда ему сейчас это, он ответил, что если останется жив, то будет этими вещами пользоваться, а если умрет, то в них у него не будет нужды, так же как и в деньгах. Может, он и прав.

Дела у нас на Ленинградском фронте идут сейчас неплохо. Есть надежда, что к распутице немца отожмем, если не совсем от Ленинграда, то во всяком случае кольцо разорвем. Сейчас наши части жмут его возле Любани. Там две наши армии идут на соединение. Т. к. немец свежих резервов не имеет, то ему придется свои войска бросать с одного участка на другой, а мы тут его и выковыриваем. Войска его потеряли всякий лоск. Раньше, бывало, едва найдешь пленного немца, а теперь сдаются целыми партиями по 15–20 человек. Кормежка у них 300 г. хлеба на солдата, не густо, зато и слоняются, как мухи перед зимой. Одеты жутко, как отступавшие французы, все обовшивели. Одним словом — сброд, но вот техника сильна, может малыми войсками давать большой огонь и крепка дисциплина, вернее — крепок страх перед возможностью быть расстрелянным за отказ повиноваться, но, несмотря на это, сдаются пачками. Будем надеяться, что если и дальше пойдет так, то мы его скоро сковырнем отсюда.

Погода стоят у нас сейчас теплая, днем целые лужи воды заливают неубранный снег и тротуары. Хорошо, что я приехал в сапогах, а то бы хорошо выглядел. Как у вас там погода, скоро ли будете кушать уху?

Завтра или послезавтра думаю убраться восвояси, не люблю я сейчас ездить в Ленинград, у нас лучше.

Ты не представляешь, с каким огромным наслаждением эти 3 дня я слушаю по радио музыку, ведь его у нас нет, и я просто забыл время, когда я хоть один музыкальный звук слышал. А тут целый день слушал, и все звуки кажутся чудесными, проникающими в глубину души, которая впитывает все звуки, как губка. Наслаждение огромное. Среди звуков рождается и бывшая наша, пусть и простая, но приятная жизнь, и так хочется скорее повернуть историю, повернуть так, чтобы все осталось по-прежнему, кроме фашизма, которому теперь не может быть места на земле.

Видно, пора кончать писать, а то чересчур размечтался на гражданские темы, сидя в военном штабе.

Поцелуй ребятишек, этих грешников и плодов нашей любви, пусть растут и доживут за нас хорошую жизнь, которую мы им уготовили и за которую сейчас боремся. Целую вас крепко-крепко.

25 марта 1942 г.

Дорогая деточка!

Вчера отправил тебе письмо из Ленинграда, оно очевидно придет не скоро, но все же придет. Сейчас я дежурю по своему отделу, ночь велика, и вот пишу вам письмо.

Вчера получил 2 твоих письма и открытку, в которых ты жалуешься, что по две недели не имеешь писем, но уверяю тебя, что я пишу в среднем через 3, максимум через 5 дней, т. к. работа не позволяет писать чаще, но чтобы не писать по 2 недели, этого еще не бывало, значит все дело в почте.

Я очень рад, что хохмы младшего, малознакомого мне сына доставляют вам много радости и развлечения. Может быть, и я бы радовался им, будучи с вами вместе, но поскольку я далеко, и вообще даже забыл детский голос, то эти радости как-то до меня не доходят, не проникают внутрь. Будем надеяться, что после войны эта черствость пройдет своим чередом.

Твою и Женюркину просьбу я постараюсь удовлетворить, и если вскоре попаду в город (куда особенно не тянет), и застану новую жилицу дедовой комнаты дома, то вышлю вам бандеролью карточки и Женюркины марки. А пока с этим придется обождать. Ведь я только что приехал, а дома почти не был.

Добирался я до своего места прямо классно. Машины не было, и я решил пройтись пешком, испытать свои ноги, а пройти нужно километров 35 при скверной растаявшей дороге, при хлопьях сыпавшегося с неба мокрого снега.

Перед походом я поел в один прием завтрак, обед и ужин, и, и будучи так перегружен, тронулся в путь. Пройдя километров 15, я стал похож на ленинградца, еле волочащего бесчувственные ноги. Меня догнала чья-то машина, и я с нею проехал километров 10. К моему удовольствию догнала другая машина, которая шла в наши края, и с нею я проехал еще 9 километров. И затем километр прошел пешком. Как видишь, я себя вполне испытал, к ходьбе я не гож, значит отступать не буду, значит

только вперед, значит Гитлеру крышка. Как видишь, выводы самые блестящие.

Сегодня получил наконец-то Венюшкину открытку. Шла всего два дня, значит, если считать, что от нас до Ленинграда письмо идет 8–10 дней, то получается, что он где-то совсем рядом. А где, сам не знаю, попробую путем опросов все же найти, это было бы интересно.

Новый начальник оказался не таким плохим, как его описывали и как он выглядит по своему внешнему виду. С таким вполне можно жить и работать — пока. Что будет дальше, не знаю, а пока все хорошо. Я вначале даже думал, что мне придется покинуть здешние места, т. к. положено 3 помощника, а нас четверо, но на это непохоже. Работаю по-прежнему на старом месте, и нет никаких намеков на другое. <…>

Посылаю Леруку бандеролью еще несколько книжек. Некоторые из них ему самому будет трудно читать, так почитай ему ты на свободе, в солнечный день, на открытом воздухе, во время прогулки. Ну, будьте здоровы…

18 января 1943 г.

Дорогая женушка!

Пишу тебе под парами спирта, который выпил для поддержания духа.

Получая твои редкие письма, я все время в них читаю, что писем от меня нет и нет. Может быть, я действительно пишу сейчас реже и прошу не судить.

Сейчас идут и у нас боевые операции. С берега Невы мы отогнали немца. Сейчас идут бои на улицах Шлиссельбурга. Сегодня или завтра этот город будет нашим, сегодня или завтра мы соединимся с армией, идущей нам навстречу.

Как видишь, мы бьем гадов не шутя, освободили Ленинград.

Мой вес здесь немалый. Честь освобождения Ленинграда пала на нашу армию, а эту армию снабжаю боеприпасами я. От меня, стало быть, зависит успех боев, успех операций. И можешь поверить, что я не жалею сил, чтобы во время добыть все, что нужно, и в количествах максимально возможных в условиях больше годовой блокады.

Поэтому и пишу реже, что даже на сон имею 2–3 часа, и то не каждый день. И плюю на сон, лишь бы снять блокаду. Как-нибудь после войны я расскажу тебе о всех наших условиях, и ты поймешь мои возможности.

Ты только не волнуйся за мое здоровье. Меня пуля не берет. Я в этом убедился, не раз проверял, и с этой стороны я застрахован. Значит, волноваться нечего.

Бинюшка у меня бывает чуть не каждый день с отчетами, за боеприпасами для своей дивизии, и я даю, лишь бы хорошо воевали.

Часы он мне починил. Но я от них отвык, и у всех спрашиваю, сколько времени.

Т. к. дело мое ответственное, много жизней зависит от моего снабжения, то я делаю все возможное не подкачать, мало пишу, почти не сплю и жалоб нет, так что не терроризируй и ты меня упреками в редком писании. Я и бодрость духа поддерживаю спиртным (изредка), чтобы не вовремя сдать.

Я послал тебе 1000 р. и 2 раза по 600 р., но ни разу ты не написала, что что-либо пришло. Это меня беспокоит. Пиши чаще, и за меня не волнуйся, я буду жив.

Поцелуй ребятишек. Целую крепко-крепко…

* * *

«ЗДЕСЬ ТИШИНА РЕДКОЕ ЯВЛЕНИЕ»

Хаевский Евгений Исаакович *(1918–1942) — учился на историческом факультете Московского педагогического института им. Потемкина (впоследствии МГПИ им. Ленина). В августе 1941 г. добровольцем ушел на фронт. Последнее письмо от него было отправлено из эшелона, направлявшегося к линии фронта (датировано февралем 1942 года). Пропал без вести.*

Письмо, адресованное Севе Прядильникову, предназначалось для всех членов большой компании под названием «Момус» (бог насмешки из греческой мифологии) — студентов Института стали им. Сталина, Станкина, ИФЛИ, Московского института инженеров железнодорожного транспорта (ныне МИИТ), Военно-химической академии РККА.

Письмо передала Р. С. Лишанская (г. Москва).

Е. И. Хаевский — второй слева. 1940 г.

3 февраля 1942 г.

Дорогие друзья!

Луна вышла желтым кругом на вечерню прогулку, снег потрескивает под валенком. Изгородь, деревья, кусты покрыты узором инея. Тихо, тихо. Вижу под обрывом, заваленным глубоким сыпучим снегом, застыла в безмолвии река.

Ничего напоминающего о войне — мирный январский пейзаж русского лесного местечка. Кажется, что слово «война» — совсем абстрактное понятие в этом месте и условиях. Но эта абстракция сразу станет реальным явлением, как только тебя поезд перенесет за 150–200 км., да, к тому же, если еще проделаешь марш в 70–140 км. от железной дороги, лесной пейзаж изменит свое лицо.

Здесь тишина редкое явление — взрывы и вспышки, и взлеты земли; рев моторов тягачей, самолетов, характерное стрекотание пулемета и свист мины, глухие раскаты артиллерийской канонады, сухие хлопки выстрелов — вот действительность современной войны.

Здесь тепло хаты боец познает лежа в глубоком морозном снегу, тишину лунной ночи — во взрывах канонады. Жизнь — в борьбе за существование, в борьбе с кровавым врагом своим, немцем.

Здесь душа человека открывается перед товарищами вся, до последних тайников своих. Все то, что в обстановке мирной жизни можно скрыть за пустой фразой, наигранным спокойствием, равнодушием, беспечностью, веселым каламбуром, падает на землю, как осенний лист от дуновения ветерка. Этим «ветерком» здесь являются ветер от взрыва и беглый огонь противника в твою сторону, несущийся, извергающий огонь танк, и свист фугасной бомбы, летящей с воздуха.

Да, я говорю об этих «прелестях» лесной природы несколько в мрачных, не свойственных для члена momuse словах, но как сказал поэт: «и новизна сменяет новизну», и эта новизна меня заставила разлиться по дереву не особенно веселыми «струями» чернил.

Но другой писака или какой-нибудь краснобай сказал: «И зайца, если бить, можно научить спички зажигать». Так и я, вероятно, скоро научусь «зажигать» спички своей [одно слово неразборчиво — *Сост.*] в условиях боя.

Мои друзья из momuse далеко от меня, и в настоящее время они навряд ли меня понимают, т. к. ни одно написанное произведение писателя и рассказ очевидца не может передать «всей прелести» наших боевых буден и знакомства с костлявой старухой — смертью.

Но где же веселье! Весело, так весело! Должно быть весело! Есть весело! Есть бить гада весело, есть и умирать весело. Но прежде чем умирать, а я не хочу умирать, надо так же весело отправить к нашим предкам побольше немецких гадов, а тогда видно будет. И я думаю, что не исключена такая возможность, как летняя встреча друзей из momuse за большим столом с чаркой в руке. Первая рюмка должна быть и будет выпита за победу, а вторая… за тех, кого не будет за столом. Неважно, если и я не [попаду на это — *Сост.*] великое, радостное веселье. Но помните, пусть на моем месте сидит моя мать. Она достойна всяческих почестей! Это настоящая советская мать. Ведь всем известно, как мама дрожала о своем «чаде», когда он шел на каток, когда он уезжал летом на прогулку. И вот эта «наседка», как ее в насмешку величал мой брат, пишет своему сыну на фронт: «Бей гадов без жалости, истребляй всеми средствами!». Здесь нет никаких охов и вздохов, лишь «пусть тебе сопутствует и хранит тебя любовь матери!». И пока меня любовь эта хранит!

Дорогие мои, пусть (я продолжаю свою прежнюю мысль) в этот вечер патефон играет так, как он играл в 1937-м, 1938-м, 1939-м, 1940-м, 1941-м гг., и как он будет играть после разгрома врага!

Я знаю, где находятся Оська, Севка, Розана, Олег, и не знаю, где Толя. Но пусть все прочитавшие это послание знают, что Джек, несмотря на все изменения в его настоящей жизни, остался прежним. Я, правда, иногда грущу, но грусть моя совсем не тот сплин, которым ваш Джек иногда заболевал на 2–5 дней. Моя грусть по поводу поруганной немцами чести, убитым детям, изнасилованным девушкам и сожженным очагам. Но грусть моя непродолжительна и выливается в ненависть, жгучую и всепоглощающую. Я все время думаю: бить, бить, бить немецких насильников. Наш клуб должен пополниться еще одним замечательным представителем: снайпером, другом вашего Джека, в меру талантливым, даровитым архитектором Борисом Вождаевым! Сей муж — мой напарник, мой друг. С ним делим печали, радости, веселье и хлеб, картошку и водку, поем веселые разухабистые песни, грустные украинские и русские напевы. Мерзнем в снегах, потеем на лыжах, стреляем и выпускаем боевые листы. Возникает вопрос: что это меня развезло на две страницы? Могу ответить: мы едем в вагоне на далекий фронт. Поезд стучит колесом: «Немцам смерть», «немцам смерть». Я лежу, и лежа пишу вам, родные мои.

Это письмо адресовано одному, но предназначено всем. Прочтя его, перешли другому члену нашей компании. Тебе это сделать легче, чем мне написать много посланий.

<… > Холодно, как на улице, но я весел.

Дорогой Сева, целую. Пиши чаще.

* * *

«НЕ ДАЙ БОГ, ЧТОБЫ ОНИ ОСТАЛИСЬ»

Кушнир Борис Вигдорович *(ок. 1900–1942) — родился в Чемировцах Каменец-Подольской (ныне — Хмельницкой обл., Украина). Окончил ремесленное училище. В 1941 г. призван в действующую армию. Пропал без вести в 1942 г. Жена Нина и две дочери, Бузя и Циля, не успели эвакуироваться и погибли. Письмо адресовано стар-*

шей сестре, Саре Вигдоровне Вейцман в Горький (ныне Нижний Новгород).

Публикуется с сохранением авторского стиля.

Копию письма передала племянница Г. А. Бегун (г. Н. Новгород).

10 февраля 1942 г.

Здравствуй, дорогая сестра Сара с твоими детьми Цилей, Броней и Абрашей, если он находится дома, но, наверно, его дома нет. Могу вам писать, что жив, здоров и цел. Вы меня извините, что я вам до тех пор не писал, ибо не было мне возможности вам писать. Сейчас мене неплохо, я работаю по своей специальности в дивизионной мастерской (парам); со мной еще такие, как и я, работают. Почти все связались с своими семьями, но только я один несчастливый, не знаю ничего о своей семье. Вам можно заинтересоваться и узнать, где моя семья и родители наши делись, остались ли они у этого варвара или выехали. Не дай бог, чтоб они остались; что он делает с людьми я видел, одним словом, зверь. То, что вы прочитаете в газетах об его действиях зверских, так это далеко не полно описано, потому что это описать на бумаге очень трудно. Теперь, дорогая сестра, пиши или ты, хотя, когда получила письмо от меня, ибо я очень много писал тебе, Липе и Леве. Но месяца три, сказать правду, я не писал. Почему — я вам, если бог даст, расскажу, а писать сейчас — голова не действует. Сара, пиши обо всем и о всех, где оне, т. е. Липа, Абрам и Лева. От Липе я получил одно письмо, больше не получил, от его не от тебя не от Левы; писать я вам писал. Пиши, что делает Шлимо [со] своими детьми. Заинтересуйся насчет моей семьи, ибо вам можно это добиться, и пиши сейчас же. Ответ не задерживай, пиши как здоровье всех наших, что вы солдатки делаете, как у вас с продуктами и т. д. и где в каких частях наши находятся и по какому направлению фронта, ибо я встречал горьковских на моем направлении, только из первой мобилизации. Пиши ихние адреса. Я на том же направлении, где с начала войны. Считаю, что 1-го мая будем праздновать без немецких гадов на нашей родной территории.

Гляди, пиши мне сейчас ответ и заставь, щоб Поля Сурца так же и Шлимо мне писали. Кончаю писать, передай привет всем,

Поле Сурце, Шлиме и своим детьми также твоим привет вашим мужьям. Оставайтесь живы и здоровы, желаю вам, чем скорей связаться [со] своими мужьями, также пусть бог мене этого даст скорей с победой возвращаются к своим родным и семьям. До свидания. Твой брат, который желает тебе и всем вам всего хорошего. Борис.

* * *

«МОЕ ОРУЖИЕ — КИНОАППАРАТ»

Р. Л. Кармен

Кармен (Корнман) Роман Лазаревич *(1906–1978) — фронтовой корреспондент, кинооператор, режиссер, журналист. Снимал сражения под Москвой и Ленинградом, сдачу фельдмаршала Паулюса под Сталинградом, подписание акта о безоговорочной капитуляции фашистской Германии.*

Среди его известных работ — «Разгром немецких войск под Москвой» (1942); «Ленинград в борьбе» (1942); «Майданек» (1944); «Берлин» (1945); «Суд народов» (1946) и др.

Письмо адресовано Мартыновой (Виноградовой) Веронике (Наталье) Дмитриевне — в те годы 11-летней девочке, жившей в эвакуации в г. Каменске-Уральском Свердловской обл. Вместе с другими школьниками она шила кисеты, готовила подарки фронтовикам и отправляла их в посылках. Одна из ее посылок пришла Роману Кармену. Журналист ответил письмом, не подозревая, что он пишет маленькой девочке.

В 2004 году В. Д. Мартынова передала письмо в Военно-исторический музей г. Кременки Калужской области, который любезно предоставил нам его копию для публикации по просьбе педагога Е. П. Снисаренко (Москва).

10 марта 1942 г.

Действующая армия

Дорогая Наталия Дмитриевна!

Сегодня командование части, в которой я сейчас работаю, вручило мне Вашу посылочку. Вы, может быть, будете немного разочарованы, что Вам пишет это письмо не рядовой боец. Ваша посылка досталась боевому фронтовому кинооператору, журналисту. Но не огорчайтесь, ибо я тоже боец, тоже на передовой линии огня, вместе с бойцами продвигаюсь на запад.

Мое оружие — киноаппарат и перо советского журналиста, также метко разит проклятых фашистов.

Если Вы видели фильм «Разгром немецких войск под Москвой», убедились, какое сильное оружие советский боевой киноаппарат, который перед всем миром разоблачает звериное лицо фашистских бандитов и великую мощь нашей армии. Я в съемках этого фильма был в первых рядах наших частей, громящих гитлеровскую сволочь.

Вручение подарков фронтовикам 1941–42 гг. Фото М. А. Трахмана. ЦАЭ и АДМ

Привет Вам, дорогая Наталия Дмитриевна! Спасибо за подарок.

В землянке, под грохот орудий на подступах к Старой Руссе, мы осушили стаканчик вина за дружбу — великую дружбу нашего советского многонационального коллектива, за единство нашего фронта и тыла, за Вас, далекого, незнакомого друга.

Мы здесь взяли в крепкое кольцо 16-ю немецкую армию и обязательно в ближайшие же дни разгромим врага, про которого Горький сказал: «Если враг не сдается, его уничтожают».

Жму Вашу руку, привет Вам сердечный от меня и моих боевых друзей, командиров и бойцов.

Ваш Р. Кармен, дважды орденоносец, кинооператор, спец. корреспондент «Известий».

* * *

«ОТСТУПАЕТ, СВОЛОЧЬ, НО СОПРОТИВЛЯЕТСЯ»

Н. И. Фельдман, 1942 г.

Фельдман Наум (Куно) Иосифович *(1924–1943) — родился в пос. Теплик (Теплык) Киевской губ. (ныне — Винницкой обл., Украина). До войны проживал в г. Симферополе. В 1941 г. был эвакуирован с семьей в Ташкент, работал сборщиком на военном заводе. В конце 1942 г. призван в армию, рядовой. Участник Курской битвы, боев за Чернигов и Киев в составе 76-й гв. Черниговской с. д. Пропал без вести в ноябре 1943 г.*

Письма адресованы подруге Фаине, родителям — Бейле Гробман и Иосифу Фельдману в Ташкент. Ряд писем написаны от имени Николая (Наума) Фельдмана. Первое письмо написано Науму Фельдману его школьным другом Б. Гамарником с описанием бегства из родного поселка и жизни в эвакуации в Кабардино-Балкарской АССР.

Письма и фотографию передала сестра А. И. Эльберг (г. Москва).

Письмо Науму Фельдману от Б. Ш. Гамарника

11 марта 1942 г.

Здравствуй, дорогой друг Нюша! Могу тебе писать, что я жив и здоров, что и тебе от всей души желаю. Сегодня я получил от тебя

письмо, за что я тебе очень благодарен. Нюша, описать тебе мои переживания и страдания очень трудно, но я тебе в крадцах [так в тексте — *Сост.*] опишу мою поездку. Выехал с колхозом «Первомайским» на лошадях 30 сентября; ехал я с нашей Розой, ибо мы не хотели ее пустить одной. Папа мне перед отъездом обещал, что он с мамой выедет, как только будет можно, и он мне сказал, чтобы я поехал с Розой, и я поехал. Ехали мы до Керчи 8 дней на подводе с Беренсон Ш. Из Керчи нас на баржах переправили в Комсомольск, а оттуда поехали в Тамань. И ехали мы до Славянска на лошадях; там мы отдали лошадей, а сами дальше ехали поездом. Ехали мы 40 семейств в одном мягком вагоне. Ехали мы 6 дней и мы приехали на какую-то станцию и предложили слезть, но маршрут у нас был в Махачкалу и на Алма-Ату; мы хотели слезть, но отцепили наш вагон и загнали в тупик, и нам пришлось выгружаться, и нас направили в колхоз, 8 км. от станции. Вы ее проезжали, так называемая Павлодольская, оттуда нас отправили в колхоз, в котором жили немцы [фольксдойче — *Сост.*]. Нас поселили в квартиры, очень хорошие, мы имеем один дом из двух комнат, кухню летнюю и коридор. Мы живем вместе с мужчинами в одной комнате, очень хорошей, со светом, топим дровами, где берем из леса, который находится в 500 метрах от нашего дома, так что у нас тепло. 10 ноября мы приехали сюда, и нам на первые месяцы до 1 января нам дали на рабочего человека в месяц: 15 кг. муки, 10 кг. картофеля, 5 кг. пшена и по 1 литру подсолнечного масла. Это нам считали за деньги, за это время я заработал 65 трудодней, и я заработал 80 кг. пшеницы, 40 кг. кукурузы, 40 семечек, 50 кг. проса и 350 р., работал я на лошадях. И сейчас посчитал, что устроились пока неплохо. Одно только, что не знаю, где мои родные, из-за чего я очень переживаю, ибо ты знаешь, что они для меня вся жизнь, и теперь бог знает, где они. Нюша, меня на днях вызвали в военкомат и предложили мне пойти в военное училище, а то на днях 1924 г. возьмут в армию, и я был с 1924 г., решил пойти в военное училище, и я подал, чтобы меня приняли в Военно-техническое училище и меня, наверное, на днях уже пошлют. Выпиши, как там с тобой, не берут ли у вас 1924 г., или тебя еще не вызвали. Сему Абрамсона тоже приняли в военное училище. Нюша, здесь мы установили связь с нашим Фройкой и Ицей. Фройка находится под Лозовой, работает по своей специальности, а от Миши и Соломона ничего не знаем.

Нюша, прошу тебя, зайди в адресное бюро и спроси, может там кто есть из наших. Спроси фамилию Камразовой Ани и мою фамилию. Может, кто найдется. С родными не знаю уже, когда увижусь, ибо придется сначала пойти служить, и это не скоро. И кто знает, когда кончится война и разобьют проклятого Гитлера. Нюша, выпиши, на какую работу твой папа устроился, как тебе нравится. Папе на ней лучше ли, чем в Симферополе? Нюша, ты хочешь, чтобы я тебе писал насчет Кавказа, то я живу на Северном Кавказе на берегу реки Терек, она находится в 100 м. от нашего дома. Здесь много лесов и гор. Когда мы приехали, то выпал снег, и все время здесь холода, а хорошие дни я не видел, и мне не придется уже видеть их на Кавказе. Нюша, насчет фотографии, то здесь трудно. У нас фотография закрыта, а у меня нет, так что тебе придется подождать, а ты мне пришли свою фотографию, за что я тебе буду очень благодарен. На этом я заканчиваю писать, ибо ты там тоже будешь <…>.

Особый привет маме, папе, Нюсе, Поле, Доне. Привет всем вашим от Маши, Розы…

Извини, что так густо писал, ибо нет бумаги. Напишу тебе цены на продукты, наверное, интересно. Мука — 110 р. пуд; пшено 120 р.; масло подсолнечное — 30 р. литр; молоко коровье — 50 р. кг; сало — 50 р.; мясо — 12–15 р.; молоко — 4 р. Напиши, как у вас. Напиши, как Тоня? Осталась у родителей? Я Яше написал письмо.

Гамарник Б. Ш.

Письмо Н. Фельдмана родителям

23 сентября 1943 г.

Чернигов.

Здравствуйте, дорогие! Могу вам писать, что нахожусь в действующей Красной Армии. Вот уже скоро 15 дней, что нахожусь на фронте, все время гоним его с боями. Отступает, сволочь, но сопротивляется, но все это бесполезно. Был участником в боях за город Чернигов, за что наша дивизия получила звание [номер затерт цензурой — *Сост.*] «Гвардейская Черниговская дивизия». Это большое счастье. Сейчас, дорогие, предстоит огромная задача. Пока я

жив, а дальше опишу так, как сегодня — завтра [неразборчиво — *Сост.*], и вообще, нет возможности, так что не беспокойтесь, если долго не получите письма, да вообще письма плохо доходят. Привет Фаине. Уже нет времени, даже не успеваю дописать <…>

Письмо Наума Фельдмана подруге Фаине

28 августа 1943 г.

Здравствуй, миленькая Фаинка!

Могу тебе писать, что нахожусь вблизи города [зачеркнуто цензурой — *Сост*]. Когда наша гвардейская дивизия вступит в бой — не знаю, но скоро. Миленькая, ты еще не представляешь, что он сделал из такого красивого города. Все разрушено, ни одного целого дома, а население городов и районов угнал с собой. Живется неплохо. Наконец я решил от всего отвернуться и заняться медицинской работой. Скоро поступлю работать по своей старой специальности, санинструктором. Миленькая, я себе уже представляю, как ты на меня в обиде, что долго не писал, но ты не обижайся на меня, сама знаешь, какой я был в отношении писем, просто нет бумаги на чем писать. Представь себе, что [так] трудно с бумагой, что если бы не дали этот листок, который дали добрые люди, я даже не мог бы сказать, когда бы написал. Дорогая Фаинка, так что пойми мои условия, и если не будет долго письма, то не волнуйся и не передумывай, тебя я никогда не забывал, всегда ты со мной, с тобой в бой пойду, Фаинка!

Ты себе не представляешь, что значит не иметь весточки уже скоро 2 месяца. Но я терплю, потому что прекрасно понимаю обстановку и иначе быть не может, так и ты, Фаинка, поступай. Мне много еще снилось, что я уже с тобой навсегда. Но может быть это скоро будет. Конечно, если наркомзем [Наркомат земледелия; автор имеет ввиду смерть — *Сост.*] примет, то плохо, а если наркомздрав [Наркомат здравоохранения; автор подразумевает ранение — *Сост.*], то хорошо будет. Ну ладно, прощай, Фаинка!

Может быть, последнее письмо тебе, передай привет всем знакомым с завода с моим фронтовым приветом. Крепко, крепко обнимаю и целую. Твой верный друг …[край письма оборван — *Сост.*]. Твой Наум.

Письмо Н. Фельдмана родителям

12 октября 1943 г.

Деревня Стопыг.

Здравствуйте, дорогие! Могу вам писать о том, что жив, здоров, что и от вас [хотел бы у]слышать. Нахожусь сейчас недалеко от города Сумы, сегодня как раз выступаем на территорию Украины. Дорогие! Вы себе не можете представить, какие разрушения сделал этот мерзавец в Орловской области. Редко найти не сгоревшую деревню, но вот уже в Курской области другая картина, и более лучше. Население нас встречает неплохо, особенно те, которые почувствовали крепко, что представляет немец. Насчет кормежки тоже неплохо, фронтовой паек. Хлеба даже вы себе не представляете, сколько он оставил, хватит, лишь бы его разбить.

Дорогие, ну так-то больше писать нечего; главное, это я вас прошу, чтобы вы не волновались, если только не получите долго письма <…>, так как условия для почты неблагоприятные. Ну пока, все будьте здоровы, привет всем знакомым и родным. Передавайте в Москву и всем киевлянам, что скоро Киев освободим, с моим участием в борьбе. Ну, крепко целую и обнимаю. Ваш сын Наум.

* * *

«НЕМЕЦКИЕ ВОЯКИ — ЖУЛИКИ, ОДЕТЫЕ В НАГРАБЛЕННОЕ»

Перочинский Борис Лазаревич *(1910–1942) — родился в г. Тобольске Тобольской губ. (ныне — Тюменской обл.). Воентехник I ранга, начальник военно-технического снабжения 1273 с. п. 387 с. д. Пропал без вести 14 августа 1942 г. на Брянском фронте. Письма адресованы жене, Анастасии Матвеевне Перочинской (Зыряновой) в г. Курган. Письма передала внучка, Б. И. Перочинская (г. Москва).*

Б. Л. Перочинский, кон. 30-х гг.

20 марта 1942 г.

Добрый день, Тася, я жив, здоров.

Послал тебе аттестат, считал, что старый только до нового года. Вышли мне аттестат, если по нему не дают, а если дают, то пошли, который я тебе послал на 500 руб., теперь с него снял, будут новые — я на днях тебе вышлю, по которому пока получил, а дополнительный пошли мне обратно по адресу: Действующая Красная Армия, ППС 1523, П/я № 269-й. Автобатальон, заказным письмом, и пошли фотокарточки с ребят и себя. <…>

Как живете, и как живут родители, чем занимаются и думают ли ехать обратно в Москву, и где братья, что от них слышно?

Я был в дороге и от тебя уже ничего не получал 1 месяц. Теперь снова буду получать через почтовый полевой ящик; пиши чаще и подробно про детей, их поведение и здоровье, как [готовитесь] к весне, есть ли обувь и в чем нуждаетесь. Может, летом доживем, получу отпуск, или ты возьмешь оттуда, приедешь ко мне, если бы не было детей, ты могла бы быть всегда со мной. Нашлась бы и тебе работа на фронте.

У нас многих наградили орденами, но у меня были пробелы, не так организовано, но надеюсь, что скоро меня увидят, я работаю, не считаюсь, днем и ночью. Командование мной очень довольно.

Тася, если бы ты увидела немецких вояк, умерла бы от смеха. Одетые в награбленное дамское белье и одежду от населения, во всем летнем и рваном, как беспризорники или жулики, собранные Гитлером для ограбления наших колхозов.

Население радостно встречает нас в деревнях и городах освобожденных. Борис.

20 апреля 1942 г.

Добрый день, Тася!

Сегодня я получил от тебя три письма и от мамы одно. Она пишет, что Ленька работает в Москве, Лева танкистом [одно слово неразборчиво — *Сост.*] а про Юрия ничего нет, если бы он погиб, то было бы известно. Наверное, на фронте, да не знает, куда писать. Я живу хорошо, напрасно ты думаешь про меня, что я жил 2 месяца в тылу, мне сейчас не до жиру, это я жил в Москве и не та была работа. На строительстве я работал 10 лет, мне все было знакомо, а теперь надо снова все изучать. Не так легко из прораба по гражданскому сооружению стать командиром отдельного батальона, вся дурь быстро пройдет. Скоро год, но я ни одну минуту про вас не забыл. И мы не бываем часто в городе и живем командиры все одной семьей, никаких шашень не может быть в армии, это называют бытовым разложением и могут судить трибуналом. Тася, ты с вечера подумаешь, а ночью тебе снится, потому что ты скучала обо мне. Мне скучать особенно нет времени, хватает заботы о бойцах и работе. Я тебе на старый адрес прислал больше десяти писем и 500 рублей денег из Пензы в январе.

Мой новый адрес на конверте: Действующая Красная Армия, ППС 1941. Тася, обо мне не беспокойся, я ни с кем не свяжусь. Хотя я здоров, но у меня очень расшатана нервная система. В армии я стал чувствовать лучше, несмотря (на то), что больше времени нахожусь в действующей армии. Пишу тебе без света и тороплюсь отвезти на почту на своем мотоциклете. Тася, обрати внимание на Иосифа, письмо он очень плохо пишет, исправить почерк можно только теперь. Ну а маме напишу завтра.

Тася, я часто вижу во сне ребят и мне вспоминается, как я уехал из Краснодара в Москву. Вспоминаю, как ты меня провожала. Тася, приехать я к тебе не смогу, и тебе ко мне сейчас не приехать, потому что мне приходится ехать все время вдогонку гитлеровской банде. У меня нет места постоянного жительства, твои письма меня догнали в Ельце, а завтра не знаю, где буду, потому и мой адрес — полевая почта.

Пока, всегда хорошего, у нас из продуктов все есть, даже для трубки легкого табака вдоволь.

Тася, локон я тебе послал из Лунино и фотокарточку с аттестатом на 500 руб.

Крепко целую, Борис. Писал в темноте.

* * *

«НАСТАНЕТ ВРЕМЯ, КОГДА СНОВА БУДЕМ ТАНЦЕВАТЬ ФРЕЙЛАХС[1]»

Лещинский Абрам Исаакович *(1904–1942) — предположительно родился в г. Харькове (Украина), где жил до войны. В сентябре 1941 г. призван в действующую армию. Являлся членом «тройки» военного трибунала, секретарем парторганизации штаба 689 с. п., командиром отделения. Участвовал в наступлении на Харьков весной 1942 г. 20 июня 1942 г. пропал без вести.*

Письма адресованы жене, Лещинской Фаине Айзиковне, сыновьям Алику и Виктору, своей матери и теще в эвакуацию в г. Кемерово. Копии писем передали внучки, М. А. Евтушенко и Н. А. Акулова (г. Кемерово).

22 марта 1942 г.

Родная девочка!

Милые детки!

Сколько радости-удовольствия получаю от вручения мне от вас писем. Правду сказать, сейчас жаловаться на отсутствие их я не могу, что основательно поддерживает меня.

[1] Веселый еврейский танец.

А. И. Лещинский и Ф. А. Лещинская, кон. 30-х гг.

Посылаю тебе 2 квитанции на деньги №3650 от 8.03.42 на 600 р. и № 702 от 21.04.42 на 300 р. сданы на отправку 1413-й почтово-полевой станции, — и прими меры к получению денег на месте, сообщи мне о результатах.

Нет слов для выражения дорогому другу, товарищу, — родному и близкому Шурику — искренних моих хороших чувств к нему. Это подлинный коммунист, незаменимый товарищ в любые времена и условия жизни.

Мамуся! Я получил вчера его письмо, оно как все его письма оставляют неизгладимую память.

Фанюша — моя старая добрая приятельница — «любовница» тоже пишет. Письма ваши все (как видно) я получаю. Получил письмо от Сарры Абрамовны, она пишет, что у Левина большая неприятность по комбинату. Пусть Роня напишет, в чем дело, и где он и Фридлянд.

Анино письмо я переслал Мише. До сих пор от него еще писем не имел. Пару слов маме.

Дорогая Мамочка!

Мне известно, что Ваше здоровье последнее время пошаливает. В некоторой части виноваты в этом Вы сами. Не бережете себя. Помните, что Вы — единственная, всеми нами любимая, связываете весь наш род вокруг себя. Все дети Ваши, прямые и косвенные (я, Миша

и невестки), благодаря Вашему доброму характеру, теплой родительской заботе, безумно любим Вас и хотим, чтобы Вы были здоровы. Уверен, что настанет время, когда опять при Вашем непосредственном участии за нашим столом, но в родном Харькове, мы будем пить, хорошо есть Ваши приготовления и вместе с Вами танцевать «фрейлахс». К этому времени Аня преподнесет нам радость. В общем, будет много причин для тостов. Будьте счастливы, здоровы и жизнерадостны.

Целую Вас, — всегда Ваш Абраша.

Славная Фанюшка, целуй и береги моих хлопцев. Целую вас всех. Абраша.

Привет рыженьким. Чтобы чаще писала ты мне, посылаю открытки. Получила ли ты и Роня бумагу с конвертами?

13 мая 1942 г.

Дорогая мамусенька!

Пишу тебе очередное письмо после 3-дневного перерыва, когда не находил такой возможности. Сейчас находимся на территории боя в блиндажах. Выполнение Сталинского приказа в полном разгаре. Все как один бойцы и командиры с патриотизмом, воспол-ненные уверенностью в победе над немецкими каннибалами-варварами, гитлеровской грабармией идут в бой. Мы уже имеем немало успехов в выполнении этого приказа.

Ведем бои за родной Харьков, приближаясь к нему. Нет и не может быть сомнений, что приказ любимого Наркома Обороны выполним с успехом. Надежды и чаяния нашего народа Великая Красная Армия блестяще выполняет. Следите за Информбюро. Что у тебя нового? Как здоровье твое, детей? Как мамочка, Аня с Ариком? Приезжал ли Лева? Как мои хлопцы милые — сынушки-свинушки, Алик и Витюшка? Как Шурик и Роня с детьми?

Состояние, здоровье и настроение мое хорошее! Неплохой и аппетит!

У нас все время идут ожесточенные бои. Проклятый вшивый немец не хочет легко расставаться со своей наживой в СССР — на Украине требует хорошо «попросить» его (штыком или огнем), чтобы ушел восвояси. И это мы вынуждены делать. Ему горько приходится расплачиваться за гитлеровскую затею. Харьков! Был, есть и

будет (совсем скоро) советским. Родненькая Фаюшенька! Если бы ты знала, как хочется поспать, отдохнуть, раздевшись по-людски. Ведь со времени ухода из дому я этого скромного удовольствия не имел. Все время на чеку!

Одно оправдывает это — цель борьбы за Родину, месть за честь и свободу народа, поруганную немцами, — во имя чего отдаем свою жизнь, не говоря уже о всех лишениях, которых трудно перечислить и отрыв от дорого любимой семьи.

Ну-с на этом ограничусь. Я тебе писал уже, что мне причитается получить от начфина полка 1100 руб. которые, если успею получить, и все будет благополучно, вышлю. Если нет, то сама запросишь, фамилия начфина Козубенко Ф. С., он очень приличный человек. Обратишься к нему. Будь здорова и счастлива с детьми и всем нашими. Крепко целую вас мысленно.

Абраша.

Привет и искренние наилучшие пожелания моим милым и дорогим Роничке и Шурику! Мамочке, Ане и все всем нашим [неразборчиво] друзьям и знакомым.

* * *

«О СВОИХ ДЕТЯХ Я ПО СЕЙ ДЕНЬ НИЧЕГО НЕ ЗНАЮ»

Роберт и Миша Эйдельманы. 1938 г.

Гальперина Сарра Марковна *(1904–1962),* ***Эйдельман Гдалий Рувимович*** *(1904–1983). Родились в Смолевичах Минской губ. (ныне — Минской обл., Беларусь). Перед войной жили в г. Минске с тремя детьми — Робертом (14 лет), Мишей (8 лет) и Светой (2 года). Гальперина С. М. работала учительницей русского языка и литературы в средней школе. Эйдельман Г. Р. работал в тресте «Севзапэлектромонтаж». В июне 1941 г. Роберт и Миша поехали отдыхать в пионерский лагерь*

«Прилуки», расположенный недалеко от г. Минска. 22 июня родители приехали в лагерь, чтобы забрать детей. Однако руководство лагеря детей отдавать не стало, пообещав, что их организованно эвакуируют.

Родители ждали до 27 июня. Дети не приехали. Надеясь, что их действительно уже эвакуировали, Сарра Марковна и Гдалий Рувимович со Светланой пешком ушли из Минска. Им удалось эвакуироваться в Куйбышевскую обл., ст. Безымянка., где Г.Р. Эйдельман стал начальником электромеханического участка на строительстве авиазавода. С 1944 г. семья Эйдельман жила в Москве.

С первых же дней прибытия в Безымянку родители начали разыскивать сыновей, но об их судьбе так и не удалось ничего узнать.

Переписку Гальпериной С. М. с бывшими сотрудниками, родителями и детьми, из пионерлагеря «Прилуки» и фотографии передала ее дочь С. Г. Гордон (г. Москва)

Письмо С. М. Гальпериной Берте Фишер (г. Пенза)

6 апреля 1942 г.

Безымянка
Уважаемая Берта!

Вам пишет мать Роберта и Миши Эйдельман. С большим трудом я узнала, что Вы в Пензе. Прошу Вас сообщить мне все, что вы знаете об участи моих детей. Старший сын Роберт Эйдельман был в вашем отряде. Вы его, конечно, помните. Сообщите мне еще о людях, которых вы встретили или знаете, которые выехали позже Вас. Если Вам [что-то] известно, хоть и неточно, но мне это поможет разыскать моих детей. Прошу Вас сделать эту услугу и сейчас же ответить. О своих детях я по сей день ничего не знаю.

С приветом. Гальперина.

Пометка на письме «Адресат не значится»

Письма Юдифи Мазель (Тамбовская обл. Старо-Юрьевский р-н, село Новиково, детдом им. 1 мая) С. М. Гальпериной

23 апреля 1942 г.

Здравствуйте, тетя Сарра!

Не дождавшись ответа, я Вам решила написать. Сегодня я узнала, что Резницкий находится в Казахстанской обл., Чаянский р-н. В каком селе — не знаю. Точный адрес, может, узнаю, тогда Вам напишу. Написала я письмо Вайсман Рахиле. Спрашиваю, знает ли она что-нибудь о Ваших сыновьях. В детдом приходят письма и других родителей. Их дети остались в лагере после нашего отъезда. Тетя Сарра, я Вам могу описать, что было в нашем лагере от 24 до 27. 24 ночью летали самолеты немецкие и выстрелы зениток, так спали спокойно. Днем за обедом начали строчить из пулемета по нашим детям, но никто не пострадал. 25-го нас вывезли на Московское шоссе, за Минск, всех ребят. Но на Московском шоссе в лесу было еще страшнее. Там мы переночевали, и утром 26 приехала машина, и мы поехали снова в лагерь. В лагере ночевать было очень опасно. И мы пошли в совхоз. В совхозе в клубе нам постелили матрасы и переночевали. 27-го утром были слышны орудийные выстрелы, было очень страшно. Сказали младшим ребятам идти в лагерь. Они пошли, там их посадили на машину и увезли. Мы проезжали Минск; почти весь был разрушен. Нас привезли на какую-то ст., там посадили в эшелон, по дороге бомбили. Вчера я в газете увидела снимок нашего Минска, какой он теперь. Я не узнала.

Ну пока. Будьте здоровы. Дифа.

16 мая 1942 г.

Здравствуйте тетя Сарра! Сегодня я получила Ваше письмо от 8/V-42. Сейчас буду я отвечать на ваши вопросы.

1) В какой район мы выехали 25-го, я не знаю. Но Вы, может, помните, где был парк. Называлась та остановка «Выставка». Вот туда и еще дальше нас отвезли.

2) Машина была лагерная, до войны на этой машине продукты привозили в лагерь. Первым рейсом повезли младших, потом приехали за старшими. Отвезли нас; как мы слезли, нам рассказывали млад-

шие, что там еще страшнее, и взяли они младших и отвезли в лагерь, а я со старшими детьми там ночевала, там был и Роберт. Назавтра и нас отвезли в лагерь. Как приехали в лагерь 26-го, мы прятались в лесу. К нам в лагерь пришли два немца в одежде советских железнодорожников. Но их убили. Совхоз был очень близко от лагеря, метров 250. 26-го вечером мы пошли ночевать в совхоз, все дети. 27-го утром младшим сказали идти в лагерь**.** Они пошли, и Миша. Когда садились в машину, Роберт пришел и снял Мишу с машины. А мы уехали. Еще некоторые дети пошли в лагерь, которые не сели, а Миша и Роберт и остальные ушли в совхоз. В доме отдыха ЦК мы не ночевали. С нами выехал только первый, второй и пара человек третьего класса.

<…> Я свою мамочку никак не могу найти. Мы жили в Минске по ул. Свердловской, дом № 17, кв. 10. Училась я в 47-й школе в 4-м классе. Были у меня мама и папа, сестра и брат старший. Теперь он в армии, в г. Богородица Тульской обл. Мы с ним переписываемся. Мой папа работал в Д. К. А техником.

Ну пока. С приветом

Дифа

18 июня 1942 г.

<…> Тетя Сара, я Вам сочувствую, как Вам трудно при одной мысли, что Ваши дети, может, остались у кровавого Гитлера. У меня есть такая же мысль, что мои мама с папой остались у немца. Но в недалеком будущем Минск будет наш, и мы встретимся с нашими родными.

Ну пока, целую крепко-крепко Д.

Желаю Вам быстрее встретиться с Вашими детьми.

Письмо Е. П. Шакиной из села Киквидзе Сталинградской обл. С. М. Гальпериной.

4 мая 1942 г.

Дорогая Сарра Марковна!

Пишу Вам уже второе письмо — от Вас пока еще ответа не имею, но жду его с большим нетерпением, так как думаю от Вас

узнать хотя что-нибудь о лагере, где находятся мой и Ваши сыновья. Если бы я знала, что лагерь эвакуирован и только вся беда в том, чтобы найти его местонахождение, то я бы чувствовала себя, как говорят, на седьмом небе.

Но ведь вся беда в том, что абсолютно ничего не знаю. Себя теперь бесконечно ругаю, что не взяла сына с собой, когда была последний раз в лагере, т. е. 22 июня. Неужели не успели эвакуировать ребят, или по дороге случилось какое несчастье, уж я все передумала. Фамилии заведующего не знаю, который был в лагере, и чей лагерь, тоже не помню, но разыскиваю без конца. Пишу во все города, а ответы получаю все стандартные: «сведения еще не получены» или такой-то в списках не числится. Неужели так и не разыщем? Нет, этого не может быть.

Сарра Марковна! Пишите, я жду с нетерпением.

Пишите, как Вы устроились, как жизнь там в смысле питания? Я попала в очень скверный р-н; во всех отношениях тяжело, население — казачество — очень черствый народ. Никак не могу привыкнуть к окружающей обстановке.

У Вас там, кажется, много минчан должно быть — здесь абсолютно никого из Белоруссии, все почти украинцы.

Пишите, может, имеете какие сведения относительно пионерлагеря — в общем жду Вашего ответа.

Письмо С. М. Гальпериной секретарю-машинистке из города Минска в г. Куйбышев.

1 августа 1942 г.

Уважаемая незнакомка!

Мне случайно рассказали, что Вы нашли свою дочь, кот[орая] при эвакуации из Минска находилась в пионерском лагере. Прошу Вас поделиться со мною Вашим опытом в розыске ребенка, и каким путем Вам удалось его разыскать. Вам же понятно мое горе. Я оставила двух сыновей. Эйдельман Роберта,15 лет, и Эйдельман Мишу, 9 лет, в пионерском лагере Прилуки Минской обл. Я сама учительница школ города Минска — Гальперина Сарра Марковна. Прошу — ответьте.

* * *

«ДАЖЕ ГРУДНЫХ ДЕТЕЙ ОНИ ОТРАВЛЯЛИ»

И. Н. Драхлин

Драхлин Иосиф Наумович *(1912–1944) — родился в г. Умани Киевской губ. (ныне — Черкасской обл., Украина). Сын «лишенца». Работал на строительстве Московского метрополитена. После начала Великой Отечественной войны эвакуирован с семьей в г. Пензу. Призван Пензенским РВК. Гв. старший лейтенант, помощник командира батальона по хоз. части 4-й Гв. мотострелковой Смоленской бригады. Погиб в бою 26 июня 1944 г. Похоронен в с. Староселье Могилевской обл. Упомянут в «Книге Памяти воинов евреев, павших в боях с нацизмом» (т. 1).*

Письма адресованы жене, Драхлиной Нине Юзефовне, и детям, Зинаиде, Белле и Владимиру в Москву, куда они вернулись из эвакуации в 1942 г. Копии писем и фотографию передала дочь З. И. Каплунова (г. Москва)

20 апреля 1942 г. Р-н Сев. Донца

Дорогая моя женушка и дорогие детки! Последнее письмо получил от тебя от 5 марта. Больше писем я не получал, несмотря на то, что обещала писать почаще. Я жив, здоров и чувствую себя неплохо. Только погода жуткая, уже несколько дней, как идут дожди и непролазная грязь, и нельзя никуда поехать и не пойти, и от этой погоды становится тошно на душе. Вчера тебе выслал 900 руб. Меня очень удивляет, почему ты не получаешь денег. Зайди на почту и узнай, напиши мне, тогда я буду отсюда разыскивать, не может быть, чтобы деньги пропали. За последнее время стал очень скучать по дому, ты мне часто снишься и также дети, просто не нахожу себе место. В связи с погодой работы сейчас не так много, и это еще хуже действует. В работе забываешься.

Нинуся! Ты пишешь, что все приезжают домой. У них, наверное, какое-то особенное счастье, или они находятся близко. Я сейчас от вас очень далеко, и чтобы попасть к вам не так-то легко и, вообще, до конца надо отказаться от этой мысли. Будем ждать, когда разгромим фашистскую падаль, и тогда уже обязательно приеду, если буду жив. Получил письмо от Хайки. Она пишет, что не может согласиться с мыслями, что моих родителей нет в живых. Я бы, конечно, согласился с ней, но, моя дорогая женушка, за месяцы войны я побывал во многих городах, где хозяйничали фашистские звери, и везде одна и та же картина, т. е. все еврейское население, которое они захватили, всех до единого они перестреляли, даже грудных детей и то они, паразиты, отравляли. И жители освобожденных городов рассказывают, что стоило только показаться на улице еврею, как сейчас его уничтожали. Если описать те ужасы, которые творили эти звери в Харькове, Ворошиловграде, Миллерове и т. д., так, по-моему, нет ни одного человека, у которого не загорелось сердце ненавистью к этим палачам. И они заслуживают одно — смерть. Не просто смерть, а мучительную смерть. И скоро настанет конец этой гитлеровской банде.

<…>

Как растут дети, и вообще обо всем подробно, ибо меня все интересует.

<…>

Итак заканчиваю письмо. Будьте здоровы, следи за детьми. Привет маме. Где живет Бетя?

Целую тебя крепко.

Твой муж Юзя.

Поцелуй деток за меня. Сын уже, наверное, большой, уже, наверное, бегает. Пиши, жду писем.

28 апреля 1943 г.

Дорогие мои детки и дорогая женушка! Давно от вас не получал писем, правда, задержка из-за почты, но все таки без писем очень скучно. Дорогая женушка. В одном из боев я встретил одного знакомого из нашего двора. Зовут его Николай Шахмуратов, ты его хорошо знаешь. Он находится в одной стрелковой дивизии, ст. сержант, я его бы никогда не узнал. Он меня узнал и подошел ко мне. Какое

впечатление я на него произвел, он об этом сам напишет. Я пошел к нему в часть, и его освободили на два дня, и он был у меня.

Ты представляешь себе, сколько радости было, когда он рассказал мне, что он тебя видел всего месяц назад. Рассказал о тебе и о детях все до мельчайшей подробности, и мы с ним просидели всю ночь. Конечно, хорошо выпили и закусили, и кое в чем, в чем он нуждался, я ему помог.

Ему очень понравилось, как живет моя часть во всех отношениях: и в бытовой, и в боевой жизни. Он мне говорил, что у нас во дворе некоторые не верят, что я на передовой, но сейчас он убедился сам. И совсем его ошеломило тогда, когда он увидел, какое положение я имею в части и каким авторитетом я пользуюсь.

Вчера он опять был у меня, и как раз, когда мы ужинали, прибыл приказ о присвоении мне звания ст. лейтенанта, и я получил много поздравлений, письменных и устных. Всю ночь мы гуляли и только недавно он ушел. Ниночка, да, к 1 мая мне наше командование преподнесло хороший подарок и обещаю оправдать это звание перед Родиной.

Ниночка, дорогая, как хотелось бы побыть с вами в эти замечательные дни. По его рассказам, так вам живется не ахти хорошо. Он мне так детально все обрисовал, что сейчас я имею полное представление… [Далее письмо обрывается — *Сост.*]

20 мая 1943 г.

Дорогая моя Нинуся! Получил от тебя последние три открытки, где ты писала о болезни сына, что меня крайне взволновало, и больше от тебя ни одного слова. Уже прошло 5 дней, и ничего от тебя нет, также о своем здоровье тоже ничего не слышно. Ниночка, дорогая, очень печален, что у тебя так сложилось и так нехорошо вышло, что ты одновременно заболела с ребенком. Прошу тебя, пиши ежедневно о состоянии здоровья.

Вчера поехал в Москву еще один военный, которому я дал адрес, он обязательно будет у тебя, это мой хороший друг, звание его — майор, фамилия — Шилов. Так что у него ты узнаешь более подробно о моей службе и жизни, вообще все то, что тебя интересует. Сегодня у меня был Николай, он находится от меня в км 8–10 и сегодня он был у меня. Пообедал, посидел часа 2, и я его выпро-

водил. Живется нехорошо, рядовой, а об остальном тебе понятно. Вчера сфотографировался на 5-минутке, правда, плохо вышел, но Зинуша просила фото с погонами, вот я ей и пошлю. Погоны полевые, а есть еще повседневные, но мы не носим, потому что они блестят. Когда война кончится, тогда уже надену повседневные.

Итак, дорогая моя, закончил писать, целую тебя крепко. Целую тебя и детей. Пиши подробно о детях, о состоянии их здоровья. У меня все по-старому. Сплю под пение соловья вместе с Шейко. Удовлетвори его просьбу, то, что он писал в письме, подбери по твоему вкусу.

Привет маме, дяде Яше и всем остальным.

Твой муж Юзя. Подпись

2 сентября 1943 г.

Дорогая Нинуся. Пользуюсь случаем, свободной минутой, пишу тебе пару слов. Из газет тебе известно событие последних дней и, главное, успешное наступление нашей части.<…> От тебя еще не получил ни одного письма. Очень беспокоюсь за вас. Последние события на фронтах говорят о скором уничтожении гитлеровской сволочи. Он бежит, но на пути все уничтожает. Жжет все насел. пункты и большинство людей уводит.

Ниночка, дорогая, пиши каждый день. Если от меня не скоро будет письмо, так особо не волнуйся, ибо я часто бываю в такой обстановке, что не отправишь и не напишешь, так что, дорогая, не особо переживай. Пиши, как живут дети, мама. Люба. <…> Живу все по-старому, только уже дней 6, как не брился и не мылся. Думаю, что, возможно, сегодня немного умоюсь и побреюсь, а то вчера «батька» ругал, что хожу грязный.

Получил письмо от Зины, Оли, но им еще не ответил. Заканчиваю писать. Передай дяде Яше, что пускай «приедет» — водки много. Немец побросал много, а наши ребята подбирают, так что живем неплохо иногда. Привет маме, Любе, Мане с Симой, Хаве с детьми и другим. Будь здорова, поцелуй детей, сына, Белочку, Зину. Целую тебя.

Твой муж Юзя.

Пиши.

5.30 утра

* * *

«МНЕ БЫЛО ПРЕДЛОЖЕНО ПРИНЯТЬ КОМАНДОВАНИЕ ПОЛКОМ»

С. Л. Безпрозванный накануне войны.

Безпрозванный Семен Львович *(1898–1945) — родился в г. Киеве (Украина). Учился в реальном училище, затем в Библиотечном институте (ныне — Институт культуры) в Ленинграде. Возглавлял ряд учреждений культуры г. Ленинграда, в том числе — директор легендарного БДТ. В 1941 г. добровольцем вступил в РККА. На фронте с августа 1941 г. В 1941–42 гг. служил в Ленинградском штабе партизанского движения, участвовал в прорыве блокады. В 1943 г. после окончания командных курсов «Выстрел» назначен заместителем командующего 454-го полка 100 с. д. 60-й армии; в конце 1944 г. в звании подполковника — командиром 472-го полка этой же дивизии 1-го Украинского фронта. Погиб при освобождении лагеря смерти Аушвиц (Освенцим) 27 января 1945 г. — старший по званию среди более 300 павших здесь советских воинов. Награжден орденом Отечественной войны I степени (посмертно). Похоронен в Кракове.*

Копии писем жене, дочерям Майе и сыну Борису, сестре жены Асе, находившихся в эвакуации в Свердловске, предоставлены Музеем истории Нарвской заставы (С.-Петербург). Фотографию передал сын, Б. С. Безпрозванный (С.-Петербург).

24 апреля 1942 г.

Маюша, милая! Уже второй час ночи. Позволяю себе сделать в работе перерыв, тем более что всю прошлую ночь я добирался на аэродром по ужасным весенним дорогам и соснул в машине не более двух часов, пользуясь образовавшейся пробкой и вынужденной стоянкой испортившейся машины…

Сегодня на весь день я зарылся в бумаги, но прелюбопытные. После шестимесячного рейда вернулась в наш тыл партизанская бригада. Я знакомился с их донесениями и документами. Бригада действовала на стыке Ленинградской и Калининской областей, почти у старой границы СССР. Трудно передать бесправие населения и дикие поборы немцев. В одном маленьком сельучастке (это, видимо, меньше сельсовета) взяли на 1 декабря 1942 года 40 коров, но 17 декабря еще 40 коров, а когда 4 коровы не додали, посыпались угрозы. С оставшихся угрозами немецкое командование затребовало по 1 литру молока в день. Не сдашь молока — теряешь корову. На содержание начальных школ и ремонт дорог собирают от 50 до 70 рублей с каждого хозяйства. Занимается во всем сельучастке одна школа из 2 неполных классов. Учат в классах русскому языку, арифметике, немецкому языку и закону божьему. Всех учителей, нежелающих работать по этой программе, в духе немецких интересов загоняют, куда Макар телят не гоняет.

Тост «За победу». Партизаны 2-й Ленинградской бригады на привале. Ленинградская обл., 1942 г. Фото М. А. Трахмана. ЦАЭ и АДМ.

Однако среди учителей нашлись охотники преподавать по этой «программе». Среди них одна предательница, Нина Андреевна Т. Она хороводилась с немцами, впрочем, не только с ними, выдавала партизан, своего же председателя сельсовета, выдала свою подругу-учительницу тов. Л., подсказав немцам, что Л. стирает председателю, партизану, и что она сама видела, как Л. «гладила его черную сатиновую рубашку с белыми пуговками». Не зная в прошлом Закона Божия, она старалась изо всех сил. Я видел ее «тезисы». Когда поп преподает, у него еще туда-сюда, но когда советская учительница берется преподавать Закон Божий — это маразм и черт знает что.

Мне было противно держать в руках ее листочки. Передо мной ее фото. Можно одно только сказать: хорошо, что ее уже нет в живых. Население ее заклеймило как немецкую шпионку. В этом же сельсовете еще учительницы, упомянутые выше Л. и П. скрывались от немцев и наотрез отказывались работать в школе по немецкой указке. Тов. П. пишет: «Я не могла идти преподавать всякую чепуху, Закон Божий и пр., выполнять немецкие требования, не пользоваться советскими учебниками. Я вспоминаю: в другом районе недалеко от партизанского края живут две замечательные сестры-учительницы. Не один раз их приглашали немцы работать. Обещали выдавать хлеб. Они заявили: «Умрем с голоду, но к немцу не пойдем». И не пошли. Немецкие офицеры стали к ним часто захаживать. Их встречали весьма холодно и недружелюбно. Но когда в этих краях был партизанский налет, они с огромной радостью устроили на ночлег руководителей штаба партизан. Сколько теплоты и внимания. Угощали гостей спрятанным где-то в тайниках под снегом. И друг друга перебивали, отводя душу перед гостями: «Ты, Татьяна, на забыла, какой немецкий офицеришко, ни в какое сравнение с нашими людьми: надменны, а сколько брезгливости к нам. Меня возмущало, хотелось ударить, но ведь убьют, а жить хочется!» (кстати, учительнице этой за 60 лет!). Через несколько дней после партизанского налета немцы сожгли дом учительниц со всеми книгами и воспоминаниями. Но учительницы не таят никакой злобы на партизан. Наоборот, еще больше возненавидели немцев. [*Последние две фразы вписаны автором позже — Сост.*]

За 6 месяцев партизаны уничтожили несколько сотен немцев, пустили под откос поезда, уничтожали германских ставленников — всяких бургомистров, старшин, полицейских с белыми повязками на руках Ordnungsdienst (служба порядка).

Партизаны спрятали в одном хуторе красноармейца и несколько человек русских и евреев, бежавших из Литвы, Опочки. Но кто-то донес. Немцы расстреляли и сожгли всех 12 человек. Партизаны похоронили и написали на могиле: «Здесь находится прах невинных, зверски замученных и сожженных немецко-фашистскими варварами: красноармеец Корнилов Федор — 27 лет, Копиков Илья — 12 лет, Михейкина Янина — 29 лет, Михейкина Людмила — 7 лет, Михейкин Геннадий — 2 года; Гольдина Любовь — 40 лет, Гольдина Людмила — 17 лет, Гольдин Геннадий — 11 лет, Гольдина Зинаида — 15 лет; Фрумкина Фаня — 21 год, Фрумкина Жанна — 2 года, Шулькина Хася — 63 года. За ваши жизни зверь Гитлер расплатится своей жизнью. Мы отомстим!».

Товарищи рассказывают, что придет весна, и в этих краях у Гитлера будет почва гореть под ногами: из каждого куста будут стрелять. И это правда!

Уже полтретьего ночи, через 2 часа вернутся два больших самолета. Один плывет в небе с 9 часов вечера и бросает русские листовки. 700 тысяч на одну ночь. А второй отвез партизанам десятки тысяч патронов и сотни гранат. Все это в немецкий тыл, к своим. Большевистское слово + патрон на врага, это — сила.

Мне летчик сегодня утром рассказывал, что третьего дня, когда сбрасывал боеприпасы партизанам, он опустился так низко к земле, что сшиб деревенскую мельницу каким-то краем своего самолета: не заметил...

Маюша, я, кажется, так увлекся своими материалами, что не остается места поздравить тебя с днем Первого мая, с днем, в который ты и я отмечали вехи пройденной жизни. Впрочем, ты вправе сказать: «Папа, мне 18 лет, и я лишь начинаю жить по-настоящему, со всей ответственностью гражданина Советского Союза. Ни тебе, ни маме, ни моему родному городу Ленина не придется краснеть за мои дела и поступки». Желаю. Тебе, Маюша, успехов в предстоящей работе и учебе. И обязательно сил и здоровья. Без этого дело на лад не пойдет! В такие дни полагаются именинникам подарки. Мы, кажется, оба не в обиде. Несколько дней тому назад я послал тебе скромный денежный подарок — 300 рублей. Трать в свое удовольствие. Правда, я получил более ощутимый подарок — хорошие сапоги от рабочих города Молотова и даже стихи к ним. Стихи посылаю тебе для прочтения, а сапоги оставляю себе для ношения (невольная рифма!) Маюшка, за тобой долг. На последнее письмо к тебе не получил ответа, да и вообще, вы, друзья, мало пишете. Другой раз загрустишь, смотришь, от вас письмо, все же веселее. Надеюсь, к Первому мая вы меня забросаете своими... двумя открытками. Знаю вас, Безнадежные (это так величал меня в штабе один партизан. Что поделаешь, трудная у нас фамилия). Целую крепко [Подпись].

Тебе как имениннице поручается поцеловать от лица именинника маму, тетю, брата, бабушку и тетю Асю.

20 июля 1942 г.

Дорогие, я снова вижу замечательные берега реки, густую рожь и влекущий к себе зеленый бор… Позавчера мне показалось, что я со всем этим должен распроститься навсегда. Вместе с батальоном я шел к передовым позициям. Немцы стали забрасывать нас минами. Обошлось. Прошло 10 минут, снова самолеты. Место равнинное, низкая трава, негде укрыться. Залегли в траву. Смотрю одним глазком. Один пролетел уже над нами, теперь безопасно. Второй и третий, не долетев, выбросил, десяток-два фруктов (авиационная бомба имеет вид груши). Зарылся ногами в землю. Что будет, то будет. Бомбы упали в 8–10 метрах. Осколки, земля летела через нас. В ушах зазвенело. Жив.

Только поднялись, уже не было самолетов, [темно] от пыли и грязи, которая неслась в воздухе, как снова завыли самолеты и бомбы. В этот момент мне почудилось, что это конец… Разбой вражеских самолетов продолжали недолго. Появились наши «ястребы», и, выбросив в беспорядке остатки бомб, ассы (немецкие пилоты) удрали…

В этих местах я был в августе п[рошлого] [года], отсюда я писал вам первые письма с фронта. Наши части зимой отбили эти районы, но какая огромная разница. Мы тогда были беспомощны против вражеской авиации. Не было не только самолетов, не было и зениток. Теперь другие времена, другая музыка. Перед построением наших частей позавчера все бойцы получили огромное удовольствие от двадцатиминутного «концерта», который был устроен для немцев советской штурмовой авиацией и артиллерией. Несколько сотен орудий стреляло одновременно беглым огнем в течение 15–20 минут. Выброшено на голову фрицев десять тысяч снарядов. Пленные немцы показали, что у них земля, люди и техника превратились в месиво. В довершение «играла» дьявольская машинка «катюша», выбрасывающая светящиеся мины. Скучнее жизнь стала и для немецких самолетов. Их встречают заградительным огнем зенитки. Сбивают еще редко, но заставляют убираться с советских горизонтов. Вчера я был свидетелем трех воздушных боев. Над головой зловеще кружатся вражеские самолеты, появились наши, началась взаимная погоня друг за другом. Кто ловчее, кто смелее, у кого хитрее маневр. Раздаются короткие выстрелы. Мимо.

Еще. Вдруг один немецкий самолет вспыхнул, рванулся в сторону и упал. Вечером, еще засветло, немцы отомстили. «Мессершмидт» вырвался из облаков, нырнул вниз и, как коршун, набросился на наш самолет сзади и сверху. Это самое опасное положение для преследуемого самолета. Не успел советский летчик заметить, как немец открыл огонь (вы бы видели, что делалось на земле: все хотели кричать, почти кричали: «Летчик, оглянись, враг!», но разве услышит?).

Засверкал самолет, повернулся и потом вниз. Но что с летчиком? Через 1–2 минуты, которые показались часами, сверкнул шелковый купол парашюта. Отлегло, но только на короткие секунды. Как хищник, фашистский стервятник полетел на парашют, чтобы сбить летчика. Затрещал пулемет, и парашют быстро стал опускаться. Я побежал к летчику и разбитому самолету. Это был «Харикейн» — английский. Это стало грудой металла. Недалеко и летчик — жив товарищ Булатов, — только ранило легко в голову и, из-за быстрого падения парашюта, вывихнул себе ногу. Немцы с ним еще не расквитались за стаю сбитых им фашистских самолетов.

Вчера утром немцы не дали нам спать. В 5–7 метрах кидали от нас мины, но я спал в блиндаже и был спокоен. Во всякий трагичный момент вкрадывается и комическое.

После обстрела минами 17 июля услышали голос: «Помогите, я ранен». Оглянулся, в 10 шагах лежал раненый солдат и так стонал, точно ему оторвало половину туловища. Подошел к нему, увидел, что он ранен в ногу. Вынув рваный осколок величиной с грецкий орех, я с товарищем сделал перевязку. Позвали бойца и предложили отправить в медпункт. Сержант весь побледнел и опал. Только мы с ним попрощались, как появились самолеты. Мы залегли. Отбомбив, стервятники удрали. Встаем и снова слышим голос: помогите, я опять ранен. К нашему удивлению, этого сержанта еще ранило легко в задницу. Нам было его жалко и немного смешно: какой неудачник. Но до свадьбы заживет, могло быть хуже.

Еще любопытный штрих: при втором залете самолетов мне хотелось переменить место, ибо я лежал на траве, не было ни одной щели. Пройдя несколько шагов, я увидел воронки от мин и бомб с глинистой грязной водой. Это самое лучшее укрытие, ибо редко попадает бомба в ту же воронку, но запачкать свой костюм в

грязи я не решился. Безопасным воронкам я предпочел влажную, но чистую траву. Можно потерять голову, но броситься в грязную яму… Не ругайте меня, тем более, что я командир, которому некрасиво падать в лужу, что я жив и пишу вам длиннющее письмо. Кончаю.

Друзья, вы пишете мне в месяц раз. Фира совсем не пишет. Будем ругаться. Жду с нетерпением писем. Целую крепко.

Привет бабушке и семье Аси. Как Танюша колхозничает?

3 февраля 1943 г.

Дорогие, шлю вам привет из нашего родного Ленинграда!

Судьба, а вернее интерес к проведенной мной работе и собранным материалам в тылу противника, дали мне возможность очутиться у берегов Невы.

В городе несравнимо веселее и бодрее по сравнению с п[рошлым] г[одом]. В феврале 42-го в Ленинграде был самый страшный мертвый период. Остановились водопровод, электроэнергия, вся жизнь. Город замерзал, есть было нечего. Смертность великая. Голод и холод сковали город. Казалось, город похоронен под снежными сугробами. Ветер и свист немецких снарядов рождали погребальную музыку по всем закоулкам города, через разбитые окна… Но город жил, боролся, победил стужу, голод, немцев.

За лето 1942 г. город набрал снова силы, окреп и в январе 1943 г. нанес сокрушительный удар немцам под Ладогой.

18 января 1943 г. была прорвана блокада. Это был праздник, настоящий праздник. Незнакомые люди обнимались, целовались, всю ночь звонили телефоны, поздравляли, прыгали, радовались. Борьба за снятие блокады, за освобождение города от близкого немецкого соседства, не закончена. Предстоят упорные бои. Немцы хотят вернуть утраченные позиции. Бессильные, они мстят, неистовствуют. На город, на мирных жителей посыпались снаряды и бомбы — куда больше, чем прежде…

Но город живет и не намерен падать духом. Теперь есть энергия, работают заводы, фабрики, свет есть даже в частных домах, есть трамвай, есть вода и не надо мыть белье на Невском у пожарного колодца. Стало побольше продуктов, тепла, работают театры. Вместо одного кино уже вертят фильмы 22 кинотеатра… Наш дом

цел, только выбиты стекла. В н/квартире живут 2–3 семьи. Собираюсь 5.2.43 быть там…

В Ленинграде пробуду еще несколько дней, обработаю материал, сделаю несколько докладов командирам и политработникам, и восвояси. Сразу же, как обещал мне генерал-майор, мой начальник, если ничего не случится на н[ашем]фронте, буду собираться в Свердловск на побывку к вам. Надеюсь, не возражаете.

Тэнночка, учись хорошенько, чтобы мне не огорчаться… Хорошо бы скорее увидеться, женушка. Соскучил[ся]. За тобой, за детьми.

До скорой встречи, дорогая. Целую. [Подпись]. Привет маме и семье Аси.

3 апреля 1944 г.

Дорогая Асюра!

Скоро месяц, как мы расстались, а вестей из Свердловска не имею. Что с семьей, не знаю. У меня новостей мало. Постоянного назначения еще не получил. Правда, последние 10 дней загрузили временной работой нач. офиц. резерва н/фронта. Ко мне претензий не было, хотя пришлось создавать хозяйство на пустом месте. Достали пособий, продуктов, белья. Наладили учебу, быт, баню, достали оружие. Мне дружно помогли мои товарищи по «Выстрелу», где мы вместе учились. Все бы ничего, только последнее время н/городок частенько бомбят немцы, спасают свою группировку в очень важном пункте Западной Украины. Хотя бомбы сыпались в десятках шагов, всё обошлось, а двое майоров спаслись чудом: бомба взорвалась под землей рядом с комнатой, где спали два майора. Взрывом их подняло вместе с кроватями и швырнуло вниз. Когда их раскопали, они оказались живы. О силе взрыва можете судить по тому, что стоявшая 1,5-тонная машина перелетела через соседний дом, не зацепив крыши. Остальное все в порядке, не успеваем даже высыпаться. Обожаю и целую. Пишите! [Подпись].

11 сентября 1944 г.

Асюра, получил твое письмо от 25.8. Урал готовится к мирной встрече фронтовиков. Это хорошая примета. Как это ни странно,

из тыла подальше и, как обычно, виднее. Мы чувствуем огромные успехи Красной Армии и н[наших]союзников по-своему: нам в отдельных случаях приходится труднее решать свою задачу. Мы не смеем требовать, ибо силы и средства нужны в Румынии, Болгарии, Югославии. А что касается союзников, то для них совершенно обязательна политика гитлеровцев. Они все свои свежие формирования и силы бросят на советско-германский фронт. Гитлеровские пленные на нашем участке показывают, что они прибыли на фронт и даже сформировались 3–4 недели тому назад где-нибудь в Ульме, Познани и пр. Поэтому, поздравляя друг друга со взятием Рундука или Брюсселя, мы добавляем, а высота № (стоящая перед нами) еще у немца. Мы пришли на это место недавно. И немец здесь безнаказанно лазил, шнырял, понемногу отучиваем. Несколько фрицев подорвалось на наших минах, нескольких расстреляли перед проволокой, и самое главное: всякую вылазку пресекаем жестоким огнем. Иногда в ночь отд[ельные] бойцы расстреливают сотни патронов и десятки гранат. Мне и поручено сейчас общее руководство военно-инженерными работами и расстановкой главных огневых точек. Как я уже вам писал, выполнение этих обязанностей не обходится без приключений. Вчера, выбирая позицию для одного строения, я проходил по переднему краю (пришлось днем). Нас заметил немецкий снайпер. Его две разрывные пули упали в 30–40 см. от меня. Плохо стреляет немец: для снайпера негоже. Вскоре мы выбрались вниз, в лощину, где оказалось много яблок и слив. Это быстро нас отвлекло от пережитых неприятных минут…

От Фиры получаю письма даже уже из Ленинграда. Понемногу устраивается. Я выслал ей денег. Тэнна поступила в госуниверситет на физмат. Будет ей, вероятно, тяжело. И к тому же очень далеко ездить. Успехами твоих ребят горжусь не менее, чем ты. Передай им привет. Мама, не беспокойся. Живы будем и увидимся. Будьте здоровы. [Подпись].

20 сентября 1944 г.

Дорогие, понемногу начинаем ощущать наступление осени. В предгорьях Карпат ночи холодные. Дня два назад мне пришлось провести ночь в окопе. И в шинели мне было холодно. Этому способствовало еще внутреннее волнение. Мы решили проучить немцев. Через одну лощину, о которой я уже вам однажды писал, где чуть не попался в лапы немецкой разведки; так вот через эту лощину немцы лазили еженощно. Было решено через эту лощину послать нашу разведку с целью захватить «языка». В 10 часов вечера я и товарищ (см. посланное вам фото) дали на передовой все указания разведчикам. В 12 ночи они пошли. Им надо было дойти до немецкого пулемета, всего 500 шагов. Как это близко, и как это вместе с тем далеко и чрезвычайно опасно. Я крепко пожал руку старшему разведчику. Свидимся ли, подумал каждый из нас. В траншее я подошел к старику-пулеметчику. Его второй номер заболел и лежал в охотничьей земляночке. Старик зорко вглядывался в темноту и прислушивался к каждому шороху. Не раз он отбивался гранатами от немецких разведчиков. А я смотрел еще пристальнее туда, куда ушли разведчики. Ночь темная. И наши, и немцы бросают факелы: светло и жутко, затем непрерывная стрельба всю ночь. Уже час, уже два, уже три, от разведчиков нет условленного сигнала. Меня охватила дрожь. Речь идет о судьбе десятка человек, они пошли в логово немецкое. Я вышел из окопа, чтобы размять ноги. Небо в звездах. Вот и полярная звезда. Там, в той стороне мой родной город, моя семья, друзья…

Я снова в окопе. Уже <…>, 4.30 и вдруг… заблестели огни автоматов там через дорогу, где немцы. «Это наши стреляют!» Мне сразу стало жарко. Чем кончится? В небо взвилась условленная ракета: задача решена. Не прошло и десяти минут — разведчики привели «рыжего» (так называют немцев). Он был весь в соплях от испуга. Фриц матерый: три года воюет на н/фронте, фашистский агитатор — обер-ефрейтор. Где же были разведчики так долго? Оказывается, они три часа пробирались в тыл к немцам, ползая по-пластунски. Три часа! А затем из немецкого тыла встали во весь рост и пошли по смятому овсу, где, очевидно, ходят немцы. Немецкий часовой у пулемета, услыхав шаги позади себя, обернулся и спросил по-немецки — «Комрад — пропуск?»

Пропуском нашим разведчикам послужили автоматы. Блеск выстрелов и дружного залпа мы и заметили из н[аших] окопов. Двух немцев убили. А одного схватили. Он завязал борьбу в своем окопе с нашим разведчиком-голиафом Яремчуком. Последнего спрашивают товарищи: «Тебе помочь?» — «Да погоди, — ответил Яремчук, — мне тесно (драться в окопе), вот вытащу наверх». И дейс-

твительно вытащил фрица, как котенка; заткнули ему рот и понесли. Немец оказался очень сведущим, и как СС еще не потерял надежду на достойный мир для Германии. Эти «оптимисты» даже пытаются нас агитировать. Каждый вечер перед нашими окопами играет и агитирует радио. Слабо и глупо. В честь успеха наших разведчиков они устроили вечер. У них чудесные голоса и любопытнее повадки. Любимый их тост: «За пленных и военных!» (т. е. за пленных фрицев и н[аших] военных). Из военных специальностей обязанность разведчика — самая трудная, опасная и требует большого мастерства. Я проникаюсь огромным уважением к храбрости и отваге советских разведчиков…

От Аси, Майи, Исаака и Иосифа получил недавно по письму. Майя д. б. уже в Свердловске. У Аси все благополучно. Асюк хорошо овладел английским, читает более или менее свободно английскую художественную литературу. Откровенно сказать, я этому немножко завидую. Мечтаю, чтобы Боря занялся изучением одного из языков. В какой он школе учится, не знаю ли я его педагогов?

Приступила ли к занятиям Тэна. Как дается ей наука. <…> Будь здорова. Целую. [Подпись].

1 января 1945 г.

Польша.

Благодарю, Асюра, за новогоднее приветствие, будем надеяться, что 45-й год станет годом исполненных желаний: Победа и мир будут завоеваны. Если к этому еще прибавить здоровье для всех нам дорогих и близких людей, то чего еще надо.

Как вы встретили новый год?

Вчера, 31.12.44, весь день провел в батальоне, проверял оборону, беседовал с бойцами, контролировал несение боевой службы на переднем крае. Кстати, о переднем крае, мне вспомнился разговор барышни, выдающей пропуски в здание Львовского обкома. Привожу разговор:

— Ваша фамилия, — любопытствует барышня.

— Филимонов — отвечает разведчик-делегат.

— Откуда вы?

— С переднего края.

— Что это: местечко или село? — допрашивает та же барышня.

Так вот 31.12 на переднем крае было тихо, велась редкая снайперская стрельба с обеих сторон, попробовали было немцы довольно нагло выставить одно орудие и дать один выстрел, как оно было накрыто двадцатью нашими тяжелыми минами. Сговорился я встречать новый год в батальоне, но был оставлен дома в группе старших офицеров.

Ровно в 12 ночи подняли стаканы, и командующий артиллерией передал по телефону условленный сигнал: «Поднимаю бокал», однако не выдержал и добавил: «Огонь!» Н/артиллерия и минометы открыли сильный огонь по подготовленным ранее целям. Немцы зажгли по всему фронту ракеты тревоги. В эту ночь невольно вспомнили, где встречали новый год в 41-м, 42-м и 43-м гг. Встала родная страна, любимый город, вспомнились семьи. Я поднял тост за ребят; за своих ребят. Это было воспринято очень сочувственно.

Без пяти два я решил пойти в батальон: мы ожидали немецкого новогоднего ответа. И точно. В 2 ночи, или в 12 часов по берлинскому времени мы получили новогоднее артилл.[ерийское] поздравление. Признаться, меня крепко прижало, я как-то очутился между двумя рубежами огней. Наш дом немного пострадал, но все обошлось. Все же в батальон добрался. Решили отпраздновать Новый год и по берлинскому времени: послали новую порцию снарядов и мин по немецким траншеям, потом все улеглось. Ночь светлая. Угостил я товарищей пивом, привезенным из Львова и в пятом часу утра вернулся домой…

Будьте здоровы. Радуюсь успехам, Асюра, да надеюсь, и Галочка не подведет. Привет маме, Антону, детям. Целую. [Подпись]

10 января 1945 г.

Польша, в ночь на 10.1.45

Дорогие, сообщаю о некоторых переменах в моей работе. 7 января в 23 часа меня вызывает к телефону наш генерал и приказывает немедленно выехать к нему. С неохотой прервал чтение перевода англ. романа «Цитадель» и поехал. В 2 ½ часа ночи весь запорошенный снегом я прибыл в штаб дивизии. Генерал уже отдыхал (начальство не спит, а отдыхает). Зашел утром и как принято докладываю:

— Заместитель командира № полка, гв. подполк. Б-ный прибыл по В[ашему] приказанию.

— Не заместитель а командир №№-ского полка, — возразил мне генерал.

Как я ни мечтал о самостоятельной работе, я здесь растерялся и едва пролепетал:

— Благодарю за доверие, но, признаться, робею. — Чего?! — Дальнейшие разговоры были бесполезны. Не дав взять вещи и даже попрощаться с товарищами, с которыми воевал 7 месяцев, мне было предложено направиться и принять командование полком.

Вы согласитесь, что дело это серьезное. Я не вполне еще уверен в своих силах, но питаю надежду, что самостоятельность и ответственность за людей меня многому научат. Прошу пожелать мне боевой удачи…

Перед уходом из старого полка удалось п/разведке взять пленного. К сожалению, он бежал из окопа, и разведчики бросились его догонять Пришлось стрелять. Одна пуля попала в ногу, другая в живот. Короче, его успели только спросить:

— Какой части?

—Капут.

—Какого полка?

—Капут.

После чего фриц подох.

Кончаю, пора спать. До сих пор не ложился; в одном батальоне ожидаем гостей из немецкой разведки.

Целую крепко [подпись]

Привет маме, Антону, детям…

Мой новый адрес: полевая почта 14981.

* * *

«ЗАЖИГАЮ РЕБЯТ ПАТРИОТИЗМОМ»

Учитель Арнольд Абрамович *(1923–2009) — на фронте с 1941 по 1945 г. Участник обороны Москвы и Сталинграда. 12 августа 1941 г. был тяжело ранен в бою за ст. Боромля (Сумская обл., Украина) в составе 575 с. п. 161 с.. д. в ходе Курской битвы. Лейтенант, участвовал в сражениях за Будапешт и Вену.*

Копии писем, адресованных родителям (матери — Ревеке Мироновне Учитель, и отцу — Абраму Учителю), передал автор (г. Фрязино Московской обл.)

Апрель 1942 г.

Дорогие родители!

Нового у меня ничего нет! Какая радость, какое счастье сейчас у меня на душе. Москву отстояли, немец проклятый бежит. Вот что значит наш Сталин, его гениальная стратегия. Скоро молодая зеленая травка покроет зловонные ямы с трупами немецких извергов, над Родиной вновь будет сиять наше свободное советское Солнце. Победа скоро уже будет в наших руках. Тот час, когда мерзкий враг, обессилевший и обескровленный остановит свой подлый путь и побежит, как пес, истекающий поганой кровью, замерзающий на дорогах и осыпаемый проклятиями и пулями партизан, покатится назад, — наступил! Вечная слава Сталину, великому из великих. Да живет он долгие года во славу человечества!

Я, конечно, всем доволен, т. к. ни в чем не испытываю нужды, с товарищами дружу. Кормят хорошо, одет добротно. Здоров. Занимаемся по-прежнему, закаляемся. Назначен агитатором, работаю с большой охотой, зажигаю ребят патриотизмом. От тебя писем получаю нечасто.

Пишите, как ваши дела. Скоро увидимся. Привезите, если приедете, что-нибудь повкуснее.

Радуйтесь, родные мои! Америка с нами. Англия с нами. Германию бьют, заодно покончат и с Японией.

А затем красная звезда коммунизма засверкает над умиротворенной планетой. Даже в ближайшие год после окончания войны у нас будет прекрасная жизнь и изобилие. Будут заграничные товары из Америки. Отстраивать разрушенное будут немцы!

Крепко целую, желаю всего хорошего.

Ваш сын Ноля.

Сдача немецких войск после капитуляции Германии. Берлин 1945 г. Фото М. С. Редькина. ЦАЭ и АДМ.

9 мая 1945 г.

Австрия.

Мои дорогие! Поздравляю вас с днем победы.

Отныне война окончена. Все обошлось благополучно.

Хочется верить, что в наступающей мирной жизни, мы найдем свое счастье, которое не изменяло мне в эту войну и сохранило мне жизнь.

Сбылись слова дедушки о железном дожде, который пройдет мимо нас.

Сейчас будем приступать к организации жизни в мирных условиях, причем это придется делать с самого начала, а это, возможно, еще труднее, чем воевать. Надеюсь, что еще буду счастлив целиком и полностью.

Крепко целую, мои дорогие! Ваш сын Ноля.

* * *

И. И. Каганов, 1940 г.

«МОРЯКИ В НАЗЕМНЫХ ВОЙСКАХ — ЭТО ВТОРЫЕ ТАНКИ»

Каганов Илья Иосифович *(1917–2007) — родился в г. Харькове (Украина). Учился в ФЗУ на электрика. В 1935 г. был призван на Черноморский флот. В 1941 г. — курсант Московского флотского экипажа. В апреле 1942 г. направлен на Северный флот в составе отдельного батальона морской пехоты. Старший краснофлотец. После тяжелого ранения служил прожектористом арт. батареи на по-ве Рыбачий.*

Копии писем, адресованных семье, передал коллекционер Ю. С. Лурье (г. Москва); фотография — из книги Л. Р. Диамента «От Москвы до Заполярья», М.: 2008.

1 мая 1942 г.

Здравствуйте, дорогие! Сейчас выезжаем здесь недалеко на пароходе к полуострову Рыбачий, где будем защищать далекий Север Советского Союза. Ребята, с которыми едем, собрались очень хорошие и дружные, большинство из Москвы. Ну а если, вы знаете, стоит только мне показаться, как, конечно, вся гитлеровская война потерпит крах. Сегодня я вас всех поздравляю с большим праздником 1 мая, с этого дня начались у меня боевые времена с врагом человечества. Когда я в своей жизни мечтал попасть в такие местности, как Мурманск, на самый «Северный полюс» «в рядах Северного флота, морской пехоты, а вы не забывайте, что значит моряки в наземных войсках — это вторые танки, только что с одним автоматическим оружием». Я никогда не думал попасть из Москвы, но это, конечно, от меня не зависело. Сейчас в Мурманске стоит хорошая солнечная погода, на сопках быстро тает снег, а здесь снега не столько, сколько мы привыкли видеть, а толщиной метра 2–2½, даже по дорогам.

Рае я писем не пишу, ведь я считаю, что уж вместе с вами она находится. Письма, конечно, вы от меня будете получать редко, уж время у меня будет ограничено и притом не всегда доходят, ведь до Алма-Аты много тысяч км.

Ну а пока целую всех с первомайским приветом, особенно тебя, мамочка, Раю, Женю, Леночку, Леньку и Неллочку и всех бабушек, дедушек, тетю Лизу и всех знакомых. С тем до свидания. Ваш Илюша.

Действующий флот.

7 ноября 1942 г.

Здравствуйте, дорогие мамочка, Рая, Геня и Женя, а также Йося, Неллочка, Леночка, Ленька, Кисилевские и Розенблюмы!

Поздравляю вас всех с 25-й годовщиной Октябрьской революции. В декабре месяце и мне исполнится ровно 25 лет. Конечно, справлять приходится в тяжелой обстановке, в огне Великой Отечественной войны.

Конечно, 25-летие желательно было справлять, но сейчас даже думать об этом не приходится, все силы и вся борьба направлены на скорый разгром фашистских оккупантов на переднем фланге крайней точки в Заполярье. Фронт небольшой, но имеющий громадное значение, я также принимаю активное участие в борьбе.

После благополучного моего излечения, я себя чувствую очень хорошо, пока ничего не беспокоит, но только часто ребята говорят, я воюю с немцами ночью, воюю даже ночью во сне.

Дорогая мамочка, сейчас деньги, то есть денежное содержание полностью на руки не выдают, а кладут на сберкнижку, но мне деньги не нужны и я решил пересылать их вам, хоть и немного, но пригодится. К Новому году, вероятно, получите, не раньше. Теперь вы, наверное, уже знаете о том, что до Нового года разрешено послать посылку для фронтовиков в количестве по 5 кг. Это можешь довести до сведения всех вышеперечисленных мною лиц. Вы, конечно, простите мне за мою «скромность», но здесь только подошел единственный случай, и об этом Геня одно время очень беспокоилась. Прошу вложить, если вы будете посылать, бумаги для писем и алма-атинского табака с килограммчик, самого простого российского и дешевого, для ребят. Ведь, к вашему сведению, я до сих пор не курящий, и нет никакой тяги.

Также прошу, если имеется возможность, вложить, если в одну посылку, ½ литра какого-нибудь вина, можно и белого. Словом, заказ сделан, осталось только исполнить. Прошу, дорогая мамочка, ответить немедленно, ведь от вас уже давно не имею никаких известий, прошу написать Раю, заранее уверен, что она в Алма-Ате, также Женечку, она мне еще не отвечала на некоторые мои просьбы в отношении которых она знает… Между прочим, очень много девушек ее возраста мобилизованы, а в особенности при госпитале. Я, конечно, не уверен в том, что из наших тоже. Даже, может быть, и Женька также где-то воюет, но это, я думаю, что все подробно узнаю из ваших ответов, которых я с нетерпением ожидаю.

Дорогая мамочка, погода сейчас, где я нахожусь, — постоянная снежная пурга, метет что-то ужасно, хорошо хоть в землянке у нас

тепло, а то бы пропали бы. Ночи зато красивые, замечательное зрелище это северное сияние.

Морозы небольшие, только то, что ветер. Ну, пока больше писать нечего, прошу тебя передать всем без исключения мой фронтовой привет всем родственникам и знакомым, Зине, Тасе и другим, будьте здоровы и счастливы, целую вас крепко. Ваш сын, брат Илюша.

20 декабря 1942 г.

Заполярье.

Здравствуйте, дорогие!

Дорогая мамочка, уже прошло более 4 месяцев, как от вас я не получаю никаких известий, что в большой степени меня беспокоит, и я при том, когда приходит почта, все думаю, что вот назовут мою фамилию, и вот третьего дня неожиданно вызвали мою фамилию и оказывается, что это от Володи открытка, где он сообщает, что, мол, со дня моего отъезда получил только первое письмо от меня из госпиталя, и он будто бы считал, что меня уже нет в живых (мы условились, что будем переписываться, и этот ответ я получил впервые от него, несмотря на то, что я ему писал частенько). Трудно сделать вывод, ну и притом сообщает, что Паша находится в Москве уже 3 месяца и работает в Наркомате, а остальные остались пока в Омске, притом Миша заболел и чего-то и серьезно, что для него приходится мотаться кругом все одному.

У нас здесь не Север — у берегов [зачеркнуто цензурой] моря, сейчас наступили самые короткие дни, то есть что дня совершенно нет, только не успеет рассветать, как начинает вечереть, словом, круглые ночи, что тем самым нам, как прожектористам приходится работать очень много и в трудных морозно-ветреных условиях Заполярья. Чувствую я себя хорошо, чего бы и желал на дальнейшее, только одно плохо, что никак не дождусь от вас письма. Прошу основное это писать и писать почаще, и всех. Передаю свой горячий привет Райке, Жене, Гене, Йосе, Неллочке, Леночке, Леньке, бабушке с дедушкой, тете Лизе, дяде Лазарю, Мурке, Леньке и всем-всем, а также художникам Харькова. Будь здорова, дорогая мамочка, жду от вас писем с нетерпением, целую всех вас крепко.

* * *

«ЕВРЕЙСКОЕ НАСЕЛЕНИЕ СПЛОШЬ УНИЧТОЖЕНО»

П. И. Копысицкий, 1942 г., Крым.

Копысицкий Павел Израилевич *(1904–1997) — родился в г. Ашхабаде, Закаспийской обл. (ныне — Туркменистан). Окончил Азербайджанский политехнический институт (г. Баку). С декабря 1934 г. по июнь 1935 г. находился в США, где изучал производство нефтяного оборудования. До войны работал главным конструктором завода им. Шмидта в г. Баку. В июне 1941 г. был призван в действующую армию. Служил в Иране, воевал на Крымском, Северокавказском и 4-м Украинском фронтах. В апреле 1944 г. Постановлением ГКО был демобилизован и откомандирован на работу по производству нефтяного оборудования на заводах оборонной промышленности.*

Письма адресованы его жене — Ревеке Матвеевне Гершберг и дочери Лилии в Баку.

Копии писем и фотографию передала дочь, Л. П. Копысицкая (г. Москва).

26 мая 1942 г.

Тихорецкая.

Дорогая Ривочка!

Наконец имею возможность в спокойной обстановке поделиться о прошедших днях моей жизни. Сюда я прибыл вчера, разместились в местной школе. Пока не у дел, что дальше будет, не знаю. Возможно, что застрянем здесь надолго, но возможно, конечно, совершенно обратное, т. е. пару дней побудем и уедем куда-либо в другое место. Я старался при первых же возможностях ставить тебя в известность о моем существовании, о том, что я жив, здоров. Впервые это мне удалось сделать только 18 мая, из станицы Старотитаровской я послал тебе открытку. Но меня брал ужас, когда я вспоминал, что открытка вряд ли попадет к тебе раньше чем через 10 дней. А за это время сколько ты вместе со своими родными будешь переживать, думать обо мне, где я и что со мною. Со ст. Крымской я послал тебе телеграмму, думаю, что ты ее уже получила.

Ну что писать? Как во сне все промелькнуло. Было трудно, описать это невозможно! Весна, которую ты так боялась, — настала. И она себя проявила, и мы это почувствовали как следует, пережить, увидеть за чрезвычайно короткий период пришлось очень многое, и это запомнится на всю жизнь. Войну, которую ведет немецкий фашизм, уничтожающую все на своем пути, безжалостную к мирному населению, я увидел собственными очами.

Сейчас приходим в себя. Много пришлось пройти пешком, измотались здорово. Здесь, в Тихорецкой, прекрасно. Весна настоящая, много цветов. И как тяжело думать, что в такое прекрасное время года в других местах идет жестокая схватка. Ночь вчера была тихая-тихая — таких хороших, спокойных ночей давно не переживал. Ну а как вы живете с дочуркой? Сколько я о вас думал: очень часто лежа в щели и вспоминал нашу пройденную советскую жизнь и думал, неужели нам больше не встретиться? Нет-нет — этому не бывать — еще немного потерпеть, собраться с силами, пережить все нехорошее, не падать духом, нам еще жить и жить, мы еще свидимся и заживем еще веселее и лучше, чем жили. Дочурка у нас «мировая», ее ненужно воспитывать, ей нужно учиться. Ее нужно подготовить для счастливой веселой жизни. А мы уж «старички» повеселимся вместе с ней.

Ривочка! Дорогая, успокойся, не плачь. Я много пережил, но я не плакал. Я много видел горького. Но сердце сжималось. Жуть как хочется мстить и мстить, разбить немецкую гадину, уничтожить до конца, так, чтоб до конца жизни она не могла бы приподнять голову.

Ривочка, дорогая — будь крепка, смотри за дочкой, за мамой, за родными. Я знаю, тебе очень тяжело материально. Но как-нибудь прожить, лишь бы быть здоровыми, не болеть. Предстоит жаркое бакинское лето — тоже не лучшее испытание. Передай привет всем моим родным, маме моей, твоей, папе, братьям Исааку, Нисону, их женам и детям, привет Полечке, привет твоим родным Любе, Лиле, Риве и др.

Мне пока не пиши или лучше рискни и напиши коротенько о Вашем здоровье, самочувствии по адресу: ст. Тихорецкая. До востребования, мне.

Целую крепко-крепко тебя и дочку.

Ваш Пиня.

Дорогая Лилечка!

Ты видишь, какой страшный зверь Гитлер. Вот когда мы его как следует побьем, так, чтобы он не дышал, тогда я приеду домой и будем опять вместе хорошо жить. Целую тебя крепко.

Папа.

2 ноября 1943 г.

Дорогая Ривочка!

Прости, что давно не писал и тебе приходится много из-за этого волноваться. Вот эти дни мы находимся в непрерывном движении. Преследуем отступающего немца. Тебе это должно быть известно из газет. Сейчас нахожусь недалеко от населенного пункта, который хорошо известен по гражданской войне, песню под его названием распевала наша Лилечка, когда была еще совсем маленькая. Все больше и больше освобождаем украинской территории. Сейчас уже находимся в Николаевской области. Трудности больше, работы много, но душа радуется, настроение повышенное. Чувствуешь, что творишь большое историческое дело, освобождаешь наш народ от немецкого гнета. Жуткие вещи рассказывают жители, находившиеся под немецкой оккупацией. Районы, где ему удавалось закрепиться, сплошь разрушены, дома сожжены, молодежь угнана в рабство в Германию. Еврейское население сплошь уничтожено, независимо от возраста. Трудно передать картины разрушения и опустошения некогда цветущих районов Украины. От тебя письма я получаю регулярно и даже, несмотря на наше быстрое продвижение, перебоев с получением писем не было. Лилечкино письмо прочел с большим удовольствием.

Я здоров, чувствую себя хорошо, вот только не всегда достаточно сплю и вообще все слилось — день и ночь — разницы никакой.

Долг сна большой, но я его возьму после войны и тогда уж как следует отосплюсь.

Сейчас 4 часа утра; ложусь отдыхать.

Спокойной ночи. Спи спокойно. Поцелуй крепко дочку. Передай всем привет.

Крепко-крепко целую и обнимаю.

Твой Пиня.

* * *

«СНЯВ С КРЫШИ КОЛХОЗНОЙ ИЗБЫ КУСОК ЖЕЛЕЗА, ОН ПОЧИНИЛ САМОЛЕТ»

Цфасман Александр Наумович *(1906–1971) — родился в г. Александровске (ныне — Запорожье, Украина). Закончил фортепианное отделение музыкального техникума в Нижнем Новгороде, а затем Московскую консерваторию. Одним из первых в Советском Союзе начал писать и исполнять музыку в стиле свинг. С 1939 по 1946 — художественный руководитель джаз-оркестра Всесоюзного радиокомитета (ВРК), который весной 1942 г. в полном составе выехал на фронт, в районы Вязьмы, Смоленска и Калуги, где пробыл почти четыре месяца. Эти события отражены в дневнике, который вел А. Цфасман.*

После войны был музыкальным руководителем театра «Эрмитаж». Писал музыку к кинофильмам и театральным постановкам.

Копию дневника передал сын, Р. А. Цфасман (г. Москва).

Полностью дневник А. Н. Цфасмана готовится к публикации в 2011 г. издательством Главархива Москвы.

18 июня 1942 г.

Встали мы в два часа дня. Опять льет сильный дождь. Позавтракав и побрившись, идем на концерт, который состоялся в церкви. Джаз расположился у алтаря, а зрители — во всю длину храма. Дорогу к церкви можно бы сравнить со спортивным мероприятием. Сначала — спуск по крутой грязной горе, затем — переход

Выступление артистов Театра им. Вахтангова перед фронтовиками.
Фото Л. М. Доренского. ЦАЭ и АДМ

по бревну через речку, причем единственное перило грозило оторваться, затем проход мимо местной резиденции НКВД и — наконец — прыжок через канаву. Сидели мы в церкви на ящиках, что было не совсем удобно, а главное, ударник Лаци Олах[1], вопреки своей традиции, не мог пританцовывать.

Публика была «тяжелой», и концерт прошел скучновато. Раздевались мы в церкви в помещении, отведенном военному духовому оркестру. Среди его музыкантов оказался басист Еремеев, работавший раньше у Рачевского. Он был до того исхудавшим, что я его не узнал. Да, мои ребята, посмотрев на него, должны благодарить судьбу, что устроились сравнительно неплохо.

Беднягу Еремеева призвали в марте, несмотря на его три болезни. Сначала он был в военном лагере, где таскал за четыре километра бревна и ел два раза в день одну и ту же бурду. Когда однажды он упал под тяжестью бревна, какой-то лейтенант пригрозил, что пристрелит его как симулянта. Теперь все же он попал по

[1] Знаменитый ударник Лаци Олах, по национальности цыган, приехал на гастроли в Советский Союз в 1934 году с чехословацким джаз-оркестром, после отъезда этого коллектива остался в СССР. С образования джаз-оркестра Всесоюзного радиокомитета работал в нем с 1938 по 1948 год. Оказал значительное влияние на школу игры на ударных инструментах в нашей стране.

специальности — в оркестр, но в походы ходить не может — из-за плоскостопия.

По возвращении домой меня вскоре позвали к телефону. Сообщили, что кинооператоры ждут нас завтра утром и снимать решили в любую погоду. Я ответил, что мы просто физически не успеем к этому времени вернуться. Лучше бы отложить на послезавтра.

Пообедав, мы снова отправились на концерт. Вечером мизансцена была иная — поперек входа в церковь. Было очень уютно и даже светло: подогнали движок. На концерте присутствовал генерал, окруженный свитой молодых и на редкость симпатичных командиров. В середине программы потух свет — не хватило бензина. Зрители моментально зажгли ручные фонарики, но мы, жалея их батарейки, решили подождать. Вскоре бензина добавили, и концерт прошел на редкость хорошо. Лаци старался вовсю, желая, очевидно, понравиться генералу. Меня лично раздражали лишь традиционно грязные синие манжеты, торчащие из-под рукавов смокинга трубача Савыкина. Иногда они прикрываются не менее грязными белыми. Савыкин[1], кстати, всегда просит разрешения во время наших кратких заездов в Москву домчаться до своей квартиры и сбросить там лишние вещи. Так вот, среди его «лишних» вещей всегда оказывается единственная чистая рубашка. От Савыкина не отстает Крылов, чей саксофон чистотой напоминает самоварную трубу.

После концерта генеральский повар пригласил меня и Красовицкую[2] на ужин к генералу. Я так долго переодевался, что по дороге на ужин пару раз столкнулся с гонцами от нетерпеливого генерала.

По жуткой грязи добрались до его землянки. Она оказалась трехкомнатной. В одной комнате сидели мы, в другой колдовал над кастрюлями повар, а из третьей неслись приглушенные звуки патефона. Музыка лилась, как в лирических местах в оперетте — из-за кулис. Генерал-майор Лебеденко, толстый и добродушный украинец, оказался далеко не таким простоватым, каким показался мне со сцены. Радушный хозяин принял нас прекрасно, и беседа шла очень непринужденно. Коллектив ему очень понравился, хотя

[1] Марк Савыкин (труба) и Николай Крылов (тенор-саксофон) — музыканты джаз-оркестра ВРК.

[2] Вера Красовицкая, певица джаза-оркестра ВРК.

он наш жанр и недолюбливает. Это, впрочем, абсолютно понятно: его знакомство с джазом ограничивалось одной — единственной встречей с какими-то бродячими джазистами в Бурят-Монголии. Хвалил он нас за сыгранность, за веселье, исходящее от каждого музыканта во время исполнения номеров. Хвалил за репертуар — как в смысле лирики, так и развлекательности. Хвалил, кстати, и за внешний вид. Когда я ему сказал, что далеко не все советовали нам ехать на фронт в смокингах, а некоторые вообще настаивали на военном обмундировании, генерал ответил, что это глупости. Если бы мы в таком виде выступали да еще поставили бы рядом с собой винтовки, он вообще встал бы и ушел (Покрасс![1] Ты слышишь?)

— Здесь надо заставить людей забыть на время о своей тяжелой работе, — добавил генерал. О себе он рассказал, что еще мальчишкой ушел добровольцем в Красную Армию на гражданскую войну. Дело было в Бессарабии, и через много лет, уже в генеральском чине, он решил съездить туда повидать родных. Отца уже не было в живых, а мать он поначалу принял за тещу брата. Она же его вообще не узнала. Когда же они друг другу представились, старушка упала в обморок, и он на руках отнес ее в избу. Тут же набежали сверстники. Девочки, с которыми он когда-то плясал на вечеринках, завязывали тогда головные платки узелком под подбородком. Теперь же они, как полагается взрослым женщинам, завязывали узел на темени (этот обычай сохранился в Бессарабии до сих пор). В разговорах о войне генерал подтвердил слова моего знакомого шофера о мнимой неуязвимости немецких танков. Они теперь, летом 1942-го, уже идут не впереди пехоты, а позади ее цепей. Да, стоило только пройти году, как тактика резко изменилась: к счастью, у Красной Армии появилось много противотанкового вооружения. Генерал рассказал нам случай, довольно необычный в военной практике. В боях под Москвой его дивизия сильно потрепала седьмую пехотную дивизию немцев. И вот недавно взяли в плен из той самой дивизии германского унтер-офицера. Он предъявил претензии генералу: почему он опять их непосредственный противник? Генерал улыбнулся: а вас, мол, какой черт принес? Так вот судьба снова свела старых противников.

[1] Композитор Дмитрий Покрасс, в то время руководитель джаз-оркестра Центрального Дома железнодорожников.

Рассказал генерал и о своей лучшей разведчице, веселой, вечно улыбающейся и храброй девушке. Однажды она ушла на задание и не вернулась. Ехал как-то генерал в сторону Можайска, и тут за его «эмкой» начал охотиться немецкий самолет. Несколько раз заходил на бомбежку, но все мазал. Генерал на всякий случай вышел из машины. И вовремя: на сей раз фашист не промахнулся — разнес «эмку» вдребезги. Пришлось идти дальше пешком. На пути попался сарай с ранеными. Генерал зашел в него и увидел эту девушку, розовощекую и улыбающуюся. Лебеденко стал кричать на санитаров и сестер: не понравилось ему их равнодушие к раненым, особенно к юной разведчице. И тут он с ужасом понял, что она убита …

…Разговор незаметно переходил с одной темы на другую. Заговорив опять о нас, генерал со смехом рассказал, что произошла путаница. Поначалу ему сообщили, что едет внушительная бригада: восемнадцать женщин и шесть мужчин. Он немедленно отправил за ними машины, чтобы никто другой не перехватил. Потом лишь выяснилось, что едет всего лишь наш джаз, фактически генералу неизвестный (хорошо, что мы его не разочаровали). Кстати, тот духовой оркестр, где играет Еремеев, создан по приказанию генерала, и он часто отправляет его на передовые — повеселить людей, находящихся в четырех шагах от смерти. — «А как близко от линии фронта они играют?» — спросил я. — «Не ближе двух километров, а то немцы могут испортить весь концерт». Я обрадовался, так как до этого огорчался, что мы не на самых передовых, а тыловой крысой чувствовать себя не хотел. Ну а если же военных музыкантов держат поодаль, то что уж нам-то огорчаться?

Генерал пил много, но всё же в меру, чего нельзя сказать о комиссаре (он тоже присутствовал), который под конец так упился, что говорил абсолютно нечленораздельно. Впрочем, не желая его огорчать, я во всем с ним соглашался.

Часа в три ночи мы двинулись домой в сопровождении повара, который живет в нашей же избе <…>.

26 июня 1942 г.

<…> На дворе Д. К. А. нас уже ждут машины из 1-й Авиационной армии Западного Фронта, куда мы — к нашему общему вос-

торгу, отправляемся. Еду в небольшом, но удобном автобусе. Вскоре после отъезда от Подольска по Варшавскому шоссе увидели настоящие следы войны, которых и не замечали на участке 5-й армии. Искалеченный лес, совершенно уничтоженный по опушкам, валяющиеся по обе стороны дороги танки, машины и орудия. Все это свидетельствовало о жестоких упорных боях, происходивших в этих местах. Проехав часа 2,5, мы остановились около речки — отдохнуть и искупаться. Спускаясь под гору к живописной речушке, окаймленной кустиками, я почему-то подумал о минах и старался идти точно по тропинке. Погода была чудная, и я после некоторой нерешительности все же полез в воду, о чем не пожалел. Вылез из воды бодрым и посвежевшим, с удовольствием лег на травку и стал закусывать. Все напоминало приятный пикник. Не хватало только для полноты картины крутых яиц с солью. Вдруг глухой взрыв и истошный детский крик и плач: «мамка, мамочка» — кричал ребенок из-под моста… Было ясно, что он напоролся на мину, но по голосу казалось, что он только испугался, но не ранен. Часть ребят кинулась туда: выяснилось, что мальчик лет 10 наступил на гранату, которая оторвала ему ступню. Когда, не очень спеша к месту взрыва, бойцы взяли его на руки, то оторванная ступня висела на жилках, и из нее торчали осколки костей. Мальчик очень плакал, однако только четвертая (!) машина остановилась и увезла его в лазарет. Спустя некоторое время на той стороне реки мы увидели причитающую женщину, которая все время повторяла: «Сын мой, о, сыночек мой, сын мой, мой сынок». Встретившиеся женщины спокойными голосами утешали ее, даже покрикивали на нее — для них все это незначительный эпизод тяжелого времени, нас же эта история необычайно удручила. Мы в первый раз так близко столкнулись с несчастьем на войне… Едем дальше, немного отдохнем, и снова в путь. <…>

В воздухе беспрестанно носятся «уточки» и Р-5. Здесь мы еще раз удивляемся их маневренности. Летит такой сорванец между деревьями, почти по шоссе, потом взмывает вверх, потом опять у земли. Кроме них, над нами появляются различные модели истребителей и бомбардировщиков. Вот где развернулся Захаров! Несмотря на иронические смешки окружающих, он с «абсолютной точностью» определяет высоту, модель, вооружение и говорит, говорит, говорит без конца. <…> Вскоре с автобусом подъехал наш сопро-

вождающий, очень похожий на Савонина, — но щербатый после оспы — и везет нас в Трехсвятское. Только мы спустились под гору от аэродрома и увидели вдалеке красную церковь Трехсвятского, как по нашей крыше что-то хлестнуло. Водитель говорит, что, наверное, задели за провод. Вдруг еще раз хлестнуло. Смотрим, наши военные высунулись из окошек и сразу бросились в рожь. У меня мгновенно мелькнула мысль, что нас обстреливают из пулемета. Я двинулся к выходу, а сзади сразу началась паника. Я крикнул: «Без паники!» и почувствовал, как меня сильно оттолкнули. Оказалось, что Лаци, пригнувшись почти до пола, на четвереньках кинулся с поразительной быстротой через автобус в траву. Вот тебе и «нога больной»! Я тоже побежал и лег в мокрую траву и стал смотреть. Над аэродромом стояло несколько столбов дыма — последствия взрыва нескольких фугасных, а в воздухе реяли маленькие облачка от наших зениток. Раздалась еще пара выстрелов, и я увидел, как несколько самолетов стремительно уходят в сторону. Все это длилось меньше минуты. Когда мы встали, начался дикий хохот: Нечаев сильно измазался, а Лаци спереди был весь совершенно в грязи, в которую залез, когда упал на живот. <…> Наших остальных машин не было видно. Мы направились к первой попавшейся «эмке», как вдруг от лесочка двинулись наши грузовички, которые во время налета здорово замаскировались. Ребята там ничего не пережили, так как ехали в открытых машинах, а у нас же крыша от детонации создавала впечатление выстрелов, к тому же нас немного приподняло, как сказал водитель. Не ожидая провожатого, мы поехали в Трехсвятское. Там нас встретили с удивлением, которое объяснил начальник ДКА фронта, приехавший вслед за нами. Оказывается, мы должны ехать не сюда, а в другое место. Звучало это, как анекдот. Тут же нас «обрадовали», сказавши, что налетали «мессеры» и что сейчас следует ожидать 2-го и 3-го эшелонов «юнкерсов». Едем опять той же дорогой мимо аэродрома. По краю дороги увидели свежую воронку диаметром около 80 см — от маленькой фугасной бомбы, только что упавшей на это место. <…> Вскоре въезжаем в редкую по красоте деревушку. Домики ютятся на холме, с которого открывается почти кавказский вид на ущелье, то бишь на полянку, прорезаемую узкой речкой. В деревне шумно и весело. Звучит патефон. Летчики танцуют танго с московского вида девушкой. Нас накормили и прекрасно разместили. Мне до-

сталась роскошная кровать с бездонной периной. Однако все это мне внушало подозрение, и я оказался прав — это был клопиный заповедник. Вся простыня была в крови. Мимо меня проходила главная магистраль, где клопы по стене, обогнув угол, спускались к ребятам на пол. Было душно и очень неприятно.

27 июня 1942 г.

Утром состоялся концерт на хорошей, сбитой из досок эстраде, вокруг которой для маскировки посадили елочки среднего возраста. То ли от малого количества зрителей (а это естественно в авиации), то ли от большого количества данных концертов — но необходимого нерва для программы не было! Однако внешне все прошло хорошо. Снова садимся на машины, и в путь! Наш вожатый совершенно не знает местности, и из-за этого мы долго плутали. <…> По дороге увидели 2 пленных немцев, сидевших рядом с отдыхающим конвоем. Один из немцев был даже в валенках. Около Боровского лежали 2 дальнобойные немецкие пушки. Мы попросили остановиться и пошли их осматривать. Крылов, конечно, вертел какие-то ручки, а Захаров стал немедленно определять дальность полета снаряда. Эту гигантскую махину стал вытаскивать тягач, причем безуспешно. В селе этом много церквей и монастырей. Один из них находится за стеной местного Кремля, из-за которой виднеется замечательной архитектуры церковь XVI–XVII веков. Проехав село, мы попали в городок почти того же названия — Боровск. Городок очень красивый, находится на горе, утопая в зелени. <…>Въезжаем в мрачную деревню, прием тоже мрачный. Оказывается, нас ждали только к вечеру, поэтому сегодня ничего не готово. Меня приглашает в избу военком полка — полноватый еврей, похожий на Рачевского. Хозяева избы, как видно, кулачки. Богатая изба, корова, свинья, куры, а все жалуются, что трудно живется. Уплатив 10 руб. за 0,5 литра молока, я ожидал с 30 руб. сдачи, и хозяйка предложила на сдачу с 30 руб. ...одно яйцо. Это за двадцать-то рублей одно яичко!!! Военком ушел, а я в ожидании обеда решил поспать. Проснулся от стука в дверь: вошел летчик и доложил военкому (который успел вернуться во время моего сна): «Получил задание бомбить. Жду указаний». — Опять мысль: что это — война или кино? С этой мысль опять засыпаю, просыпаюсь от звона будильника — к обеду. Боря меня предупредил, что зав. столовой — еврей и, как большинство представителей народа Израиля, обладает свойством жадности, в отличие от русской широты. И действительно, обед был очень средним, правда, к нашему столу подали масло. Между обедом и ужином я прошелся по деревне вместе с Нечаевым. Навстречу попался Боря, завел нас в дом показать место ночлега Нечаеву. Там громко плакал грудной ребенок, и хозяйка предупредила, что так будет продолжаться всю ночь, так как мать ребенка уехала в Москву хлопотать за арестованного — после возвращения в село советской власти — отца.

Позже я узнал от комиссара, что в этом районе кулацкая прослойка радостно встречала немцев, что даже колхоз-миллионер специально не увел скот в тыл, а оставил его для немцев. Как понять психологию этих людей? Что может их толкнуть на предательство, когда они так обеспечены? Сколько же должно пройти времени, чтобы прекратилась классовая борьба в деревне? Зайдя вечером к Зелинскому (комиссару), я имел с ним интересную беседу. Его полк ночных бомбардировщиков за 7 месяцев потерял только один экипаж. Я спросил его, почему У-2 и Р-5 стали премьерами в летном деле. Что это — нехватка техники или тактика? Он ответил что самолетов у нас очень много, а использование этих машин — это исключительный маневр и принадлежит лично самому Сталину. Говорил он еще и о том, что немцы потеряли почти весь «ассовый» состав, в то время, как мы его сохранили целиком. Дух у наших летчиков исключительный. Летая на этих «воздушных кораблях», они на себе выдержали все зимние операции и вылетали, подкрепив себя новым запасом бомб — по 5 раз за ночь. <…>

2 июля 1942 г.

<…>

Я попросил командира эскадрильи Пушко рассказать самый выдающийся случай из его летной биографии. Он, конечно, ничего не рассказал, отговорившись тем, что ничего интересного в ней нет. Тогда за него комиссар рассказал про действительно феноменальный случай: однажды Пушко был вынужден сесть с поврежденным крылом. Сняв с крыши колхозной избы кусок железа, он починил самолет и вернулся в часть. Я добавил, что если бы он сел

на вражеской территории, было бы эффектнее, на что один из молодых ребят резонно ответил, что за такими эффектами они не гонятся. Жертв у них в этом храбром истребительном полку нет, но машины теряли многие. Передо мной стоял высокий, смуглый интересный парень, похожий немного на Боброва: он недавно выпрыгнул из горящего самолета и слегка обжег лицо. Пробыв 2 недели вместо месяца в госпитале, он снова явился в строй.

Второй концерт прошел с огромным успехом при переполненном сарае. В середине программы мы поздравили летчиков с награждением и сыграли в их честь с большим подъемом туш. Программу принимали великолепно. Особенно хлопал один военный, сидевший в 3-м ряду. Оказалось, что это был сам командир этого полка. Этот чрезвычайно веселый человек, не обладавший, кроме этого, ничем примечательным, прямо замучил меня возгласами: «Ай, Цфасман! Ай, молодец! Да как же ты все составил! Ай, молодец! Ай, Цфасман! Неужели сам все сочинил? Ай, молодец!» и т. д. <…>

* * *

«ЗАЩИЩАЮ СВОЕЙ КРОВЬЮ МОЮ РОДИНУ»

И. С. Гильман (справа) с сыном Семеном, 1941 г.

Гильман Иосиф Соломонович *(1900–1943) — родился в г. Кременчуге Полтавской губ. (ныне — Полтавской обл., Украина). До войны работал механиком. В августе 1941 г. призван Кременчугским РВК. Воевал на Калининском фронте, рядовой зенитной артиллерии 494 арт. полка. Погиб в 1943 г. (по другим данным — в 1942 г.) Имел трех сыновей: Семен (1922 г. р.), Эрлен (1930 г. р.) и Владимир (1937 г. р.). Старший после начала войны поступил на курсы летчиков-штурманов и был призван в армию в 1942 г. Письма адресованы жене, Рахили Львовне Жолковской и младшим сыновьям в эвакуацию в пос. Арти Свердловской обл.*

Письма и фотографию передал младший сын автора, В. И. Гильман (Израиль).

14 июля 1942 г.

Здравствуйте, мои дорогие, родные Рахиленька, Эрленчик, Владик.

Вот я уже второй день на фронте, посылаем фашистам подарок наших снарядов, наши пушки бьют здорово, аж душа радуется, что наконец и я выполняю перед Родиной, перед вами, перед тов. Сталиным свой долг, защищаю своей кровью мою Родину.

Как странно, 13/III меня призвали в армию; 13/V я получил личное оружие; 13/VII мы вступили в бой.

Сейчас после жаркого боя у нас маленькая передышка, и в этом перерыве я пишу вам письмо. Как многое мне хочется вам написать, как начал писать все снилось, кругом идет стрельба, шум, гам.

Дорогая Рахиля, что тебе писать, если встретимся после войны, тогда тебе расскажу… [неразборчиво]. Настроение у меня хорошее, бодрое, как всех наших бойцов.

Зенитный расчет младшего сержанта П. И. Смирнова. Район Тихвина. Ноябрь 1941 г. Фото Д. А. Минскера. ЦАЭ и АДМ

Пиши о своей жизни, и прошу почаще мне писать, ибо письмо из дома это большая радость.

Эрленчик, почему ты мне не пишешь, неужели я заслужил, чтобы ты мне не писал, а мне очень хочется получить от тебя маленькое письмецо.

Рахиленька, родная, передай привет Михневич и всей парторганизации, что я их доверие оправдаю с честью.

Пиши, как работает Давид, как ты работаешь.

Привет всем знакомым, Вере, Мане, Дине и другим знакомым. Пиши, получила ли ты бумажку, которую прислал мне райвоенком о квартире.

Целую тебя и детей крепко, твой муж и друг
Иоська.

7 августа 1942 г.

Здравствуй, дорогая моя Рахиль!

Сейчас у меня пушка молчит минут на 10, я пользуюсь случаем и пишу тебе письмо. У нас уже третий день продолжаются сильные бои, мы наступаем на полном ходу, уничтожаем фашистов. Эх, скорее его разбить.

Пишу прямо в окопе. Почему от тебя не имею писем? Пиши почаще. Я жив и здоров, чего и вам желаю.

Рахиль, как я удовлетворен тем, что нахожусь на фронте, какое большое дело я с товарищами делаю. Мы Родину освобождаем. В первый же день войны я получил благодарность за хорошую работу. Ну, кончаю, ибо начинают стрелять.

Целую тебя и детей. Иосиф.

15 августа 1942 г.

Здравствуй, дорогая моя Рахиленька!

Вчера получил твое письмо, которое отправлено из Арти 12/VII, т. е. месяц тому назад, где ты пишешь относительно Ризовых, что они занимаются склоками, что, мол, я использовал завод в то время; что у нас было топливо, брал на заводе. Так я решил написать на имя Михневич письмо: пусть разберут, когда я использовал завод для

личных нужд. Письмо я сегодня [отослал] вместе с этим письмом. Сегодня я получил от Семочки письмо, где он пишет, что находится рядом со мной на фронте, т. е. не очень далеко от меня, и за хорошую его работу на фронте обещают послать в дом отдыха на 15 дней.

Несколько слов о себе. Я жив и здоров. Каждый день бьем фашистов под лозунгом «Ни шагу назад», и этот лозунг выполняем с честью. Мы все двигаемся вперед.

Моя дорогая женушка, хочу поздравить тебя с днем рождения, ведь 24/VIII-42 г. ты именинница. Я уже в двух письмах тебе писал; может, письма затеряются, но одно какое-нибудь получится. Желаю тебе счастья вместе со мной для дальнейшей жизни, и я после победы над врагом приеду и устрою твою жизнь, как она была у тебя до войны.

Сегодня за хорошую стрельбу нас угостили вином, в бою был перерыв. Мы выпили за тов. Сталина, за скорейшую победу над врагами. Привет Эрлену от меня, поцелуй Владика. Целую тебя, твой Иоська.

28 августа 1942 г.

Привет с фронта.

Здравствуй, дорогая Рахиля!

Наконец-то я получил твое письмо. <…>

Рахилька, вы, наверное, все читали о прорыве фронта на Западном и Калининском направлениях; о нашей победе на этих фронтах. Знай, что на одном из этих фронтов, то есть на одном из участков фронта, я тоже принимал участие и даже имею несколько благодарностей от командования. Но это нам мало. Нам надо их, фашистов, уничтожить всех до одного и освободить нашу Родину от врагов, вот и все. Посылаю тебе нашу газету, где напечатана моя заметка о нашей работе.

Состояние мое хорошее, я здоров, чего и вам желаю от всей души.

Пиши, как Эрлен, как Владимир, их здоровье. Ведь Эрлену с 1/IX уже в школу, достал ли он книги для пятого класса.

Ну, всем пока, все.

Привет Лашановой от меня. И другим друзьям от меня. Целую тебя крепко, твой Иоська.

2 сентября 1942 г.

Здравствуй, мой милый Эрлен!

Я жив, здоров чего и тебе желаю, вчера я получил письмо после того, что тебе отправил письмо [в] связи с началом учебного года.

Отвечу тебе по существу твоего письма.

Мое орудие 76 мм, которое может бить по любым целям, в том числе и по танкам. Мы нашей пушкой разрушаем немецкую технику и живую силу. Ты пишешь, что помогаешь маме, это очень хорошо, я за это тебе очень благодарен, так и должно быть, мне это было очень приятно читать. Передай Лашановой мое искреннее поздравление, что ее дочка вернулась с фронта жива и здорова. Одновременно попроси ее, пусть напишет ответ на это письмо, которое я ей послал в письме маме.

Эрленчик, напиши, почему так мало пишет мне мама; скажи маме, пусть мне подтвердит, что ты ей помогаешь.

Передай Зине, что я очень рад за нее, что нашла своего брата и получила от него письмо.

Сынок, я тебе обещаю, что буду драться с немецкими захватчиками, пока я здоров и жив до уничтожения их. А ты обязан мне обещать помогать маме во всем и быть примерным сыном, учись только на отлично, вот мы и будем квиты с тобой.

Передай привет маме, скажи, пусть чаще пишет, и не ожидая моих писем.

Поцелуй Владика за меня.

Целую тебя, твой отец Иосиф.

3 сентября 1942 г.

Здравствуй, дорогая моя Рахиленька!

Я жив и здоров, особых новостей нет, воюем и тесним врагов на запад. Но от тебя я получаю письма очень редко. Неужели трудно было тебе написать маленькую записку и положить в письмо Эрлена, и я был бы удовлетворен. Рахиль, меня очень интересует, неужели Эрлен сам написал это письмо, оно очень содержательное, мне оно понравилось, и мои товарищи несколько раз читали его вслух. Там он пишет, что тебе помогает каждый день в садике и

на огороде и т. д. Пиши, какие новости дома, пора подумать относительно зимнего пальто для Эрлена, валенки, и вообще подготовиться к зиме. Мы начинаем ее чувствовать здесь по ногам.

Пришли мне адрес Розы и Иоси, я им напишу.

Напиши, завод уже работает или нет. Если нет, то где работаешь ты. От Семы писем не имею, начиная с 15/VIII. Пиши, может быть, ты имеешь. Вот все, привет тебе и детям, почему за Володеньку ничего не пишешь, поцелуй его за меня. Целую тебя крепко, твой Йося.

Письмо однополчанина И. Бойко семье И. Гильмана о его ранении

25 октября 1942 г.

На Ваш запрос отвечаю.

Ваш муж ранен. Сам его доставил в госпиталь. Чувствует себя он хорошо!

Бился с немцами отлично. Скоро выздоровеет и снова будет громить немцев.

Я уже Вам сообщал, но Вы моего сообщения, вероятно, не получили.

Его командир И. Бойко.

* * *

С. Ф. Сохор, 1941 г.

«А МАТЬ ОЧЕНЬ ЖАЛЬ»

Сохор Эммануил Александрович *(19??–1943) — родился в г. Ромны (ныне — Сумской обл., Украина). Ушел на фронт из г. Киева. Воевал в инженерных войсках. Погиб в Сталинграде в 1943 г.*

Письма адресованы сестре, Ревеке Александровне Подберезиной в эвакуацию в г. Свердловск (ныне Екатеринбург).

Письма и фотографии в Музей Холокоста в Мемориальной синагоге на Поклонной горе передала А. С. Подберезина (г. Москва).

26 июля 1942 г.

Дорогая моя сестричка!

Только что получил твое письмо (и Семы) от 12 июля. Рад за вас всех, что здоровы и бодры, и что завод выполняет программу. Надеюсь, что и дальше не хуже. Зная Сему, я так и представлял себе, что он днюет и ночует на заводе. О себе могу сказать, что пока жаловаться не имею права: жив, здоров, работаю. То, что я потерял в Киеве, оставил, — пусть фашисты подавятся. А мать очень жаль, и я стараюсь об этом не думать. Твердо верю в нашу окончательную победу и очень хотел бы дожить до этого. Также уверен, что вся эта сволочь гитлеровская получит по заслугам, а сам постараюсь сделать для этого, что смогу. Ты неправильно написала адрес: не СБ а с.п. (т. е. не саперный батальон, и писать так не надо: это — стрелковый полк), можно даже не писать «штаб» — и так найдут. Я вчера написал открытку Семе на адрес завода, а теперь решил написать на домашний твой адрес. Очень доволен поездкой на сборы. Приехал благополучно. На отношение ко мне в части тоже не имею причин жаловаться. Много работы, предвидятся хлопоты и заботы. Возможно, это там, где мы находимся, придется выполнять свой боевой долг, а может быть, нас перебросят. В общем, командованию, конечно, виднее. Я уже писал, что видел Зяму, больше из родственников — никого. Как бы мне хотелось повидаться с тобой, Семой, обнять Аллочку! Ты ведь знаешь, как я одинок. Хоть бы дожить до этого, не будучи искалеченным. Главное — быть живым свидетелем разгрома гитлеровской банды, нашей мести. За все их мерзкие дела и, особенно, за нашу милую родную Украину, за мой (как бы я хотел его назвать так) любимый Киев! Я бы отдал все силы, знания, умения, опыт для восстановления и строительства — только дожить бы до разгрома Гитлера! Ну, меня ждет дело. Поцелуй за меня Сему и Аллочку. Самые лучшие пожелания: скорейшая победа над фашистами, а нам — дожить до этого. Передай сердечный привет обаятельному тов. Дуброву — не забудь. Будьте все здоровы и веселы!

Брат.

12 августа 1942 г.

Милые мои, сестричка и Сема!

Решил опять написать, пользуясь свободными минутами, а также послать вам фото, сделанные в г. Серафимовиче в ноябре 1941 г., когда с фронтовой линии нас направили в тыл (тогда это был глубокий тыл). Зашли в фотографию случайно, и я снялся как был, в военной фуфайке.

Сейчас фронт приближается к нам, а наша часть и ее подразделения — к фронту. В связи с тем, что предложено избавится от лишних вещей (и теплых), я их упаковал в ящик и чемодан и намерен сдать на хранение в склад и указать адрес г. Свердловск, почтовый ящик 148, завод № 214 — Семе. Чтобы в случае чего вещи отправили вам. Я знаю, что вам будет грустно читать даже про это, но что я могу сделать? Вы ведь единственные близкие у меня. Наступление, вообще, неважное. Наша часть, предназначенная к определенным функциям и лишь соответствующим образом снаряженная может быть вынуждена выполнить свой воинский долг в не очень удобной обстановке, но надеюсь, все мы хотим выполнить свой долг возможно лучше.

<…>

Хоть чувством к Родине согреты,
Стихи — их не пишу теперь:
Ведь вместо грустного поэта
Военный нужен инженер.
Скорей фашистов всех в могилу!
Пусть час пробьет им роковой,
А мне — вас повидать, — и в Киев,
Хотя далекий, но родной!
Ну, до свидания! Я мечтаю,
Чтоб враг скорей был побежден,
А нам дожить. Пока желаю,
Чтоб юг наш был освобожден.
Брат.

* * *

«ВЫГЛЯЖУ ЗАПРАВСКИМ МОРЯКОМ»

Кассиль Лев Абрамович *(1905–1970) — родился в Покровской слободе Саратовской губ. (ныне — г. Энгельс Саратовской обл.). С 1923 г. жил в г. Москве, известный советский детский писатель. Автор повести «Кондуит и Швамбрания» (1928–1931), романа «Вратарь республики» (1937), биографической книги «Маяковский — сам». В годы Великой Отечественной войны был военным корреспондентом, служил в действующих частях Северного флота, на Западном и 1-м Украинском фронтах. Написал множество рассказов о войне, буднях фронта и тыла.*

Копию письма, адресованного семье, передал коллекционер Ю. С. Лурье (г. Москва).

9 сентября 1942 г.

Дорогие мои! Я жив (это главное при ситуации, в которой я был), здоров (что тоже довольно существенно при данных обстоятельствах), бодр (несмотря на некоторую усталость и беспредельную тревогу за вас…) На днях вернулся сюда с Крайнего Севера: был в суровых условиях фронта. Плавал за это время на миноносце, катерах, ботах, был на подлодках и т. д. Приходилось быть и на переднем крае наземного фронта. Через день-другой двинем на юг, сперва в Мурманск, а оттуда в Москву. Маршал военного флота так интересен; отношение ко мне везде, и на кораблях, и на фронте, в частях морской пехоты, такое любовное, что тяжелый осадок, лежавший у меня на сердце после провала дальнего плавания, несколько рассосался, и мне не так тяжело теперь вернуться домой. Скверно, что я ничего не знаю. Чувствую себя физически хорошо, питаюсь превосходно. И вообще, посмотрели б вы, каким заправским моряком выгляжу я в командирской форме военного флота.

Целую, Лева.

* * *

«ЗДЕСЬ ЖИЗНЬ ДОВОЛЬНО ВЕСЕЛАЯ И ШУМНАЯ И В ТО ЖЕ ВРЕМЯ ГРУСТНАЯ ДЛЯ ФРИЦЕВ»

Л. М. Генкин, 1941–1942 гг.

Генкин Лев Моисеевич *(1907–1942) — родился в пос. Людинка Орловской губ. (ныне — Клетня Брянской обл.). До начала войны жил в г. Горьком (ныне Нижний Новгород). Работал на заводе им. Ленина заместителем директора.*

Участвовал в обороне Сталинграда, был ранен и умер от ран 24 октября 1942 г. Похоронен в дер. Ерзовка Дубровского района Волгоградской обл. в братской могиле.

Письма адресованы семье — жене и детям. Копии писем и фотографии передал в Музей истории еврейской общины Нижнего Новгорода (проект «Память имен») сын, Ф. Л. Генкин (г. Н. Новгород).

20 сентября 1942 г.

Мои милые Фелинька, Алик!

Наконец-то я добрался до места своего назначения, получил должность комиссара и уже включился в боевую жизнь. Теперь-то я на практике увидел, что из себя представляет враг и как нужно его уничтожать. Должен сказать, что переход в боевую обстановку у меня произошел абсолютно спокойно, ровно, я уже давно обстрелян. Это объясняется тем, что я по своему характеру малый не из робких, люблю острые ощущения и свистящие мимо ушей пули меня вовсе не беспокоят, хотя это не означает, что я подставляю под них свою голову. Вообще здесь жизнь довольно веселая и шумная и в то же время грустная для фрицев. Достается им от нас на орехи и еще кое на что. Хотя они и бросают большие силы против нас, он они уже не шествуют «победоносно», как это было в

прошлом, а ползут на карачках в свою собственную могилу. Хотя и на нашей земле сегодня у нас приятная новость, убили генерала Клейца, скоро очередь за самим Гитлером. Что ж, найдем и ему пулю от меня.

<…>

Целую вас крепко, ваш папа.

* * *

«КОМАНДИР БАТАЛЬОНА ДАЛ ПРИКАЗ ЗАЧИСЛИТЬ МЕНЯ ПИСАРЕМ»

Сороцкин Михаил Ильич *(1907–1942) — родился и жил в г. Туле. Преподаватель русского языка и литературы. Призван в марте 1942 г. Находился в учебной части в г. Муроме Ивановской (ныне Владимирской) обл. Погиб под Сталинградом 19 ноября 1942 г. Письма адресованы жене, Марии Самуиловне Иоффе (Сороцкиной) и дочерям, Бусе и Двойре в г. Тулу.*

Письма и фотографию передала дочь, Б. М. Галахова (г. Москва).

М. И. Сороцкин и М. С. Иоффе, 1931 г.

23 сентября 1942 г.

Муром.

Здравствуйте мои дорогие Манечка, Бусенька и Века!!! Получил от вас открытку, которая меня сильно обрадовала. Но вы еще должны будете получить от меня два письма. Вероятно, вы их уже получили. Могу тебе написать о маленькой радости. Меня перевели из курсантов в писари одной роты. Письма пиши пока по старому адресу. Сначала мне предложили стать кадровым младшим командиром. Но ты меня хорошо знаешь. От этого предложения я отказался и попросил направить меня в роту, которая формировалась на фронт. Другого выхода нет. Тогда меня послали на врачебную комиссию, где врач, но не глазник — он не принимает вообще, установил, что я близорукий и в мл. командиры не гожусь. Поэтому меня оставили, и командир батальона дал приказ зачислить меня писарем. Будет ли это надолго — не знаю. Но пока и это дело. Вот так обстоят мои дела. Если тебе нетрудно и есть возможность, Манечка, то пришли мне денег сколько сумеешь. Изредка я покупаю себе здесь помидоры (30–35 р. кило), молока (40 р. литр) и кушаю. С хлебом [дело] обстоит плохо. Что сейчас делает Арон Флейшер? Где он?

Дафинька и Века! Как вы поживаете?! Я очень рад, что вы здоровы, но смотри, Бусенька, следи за Векой. Наступила холодная погода, и она может простудиться. Да и ты, Буся, одевайся потеплее. Бываешь ли в книжном магазине? Передай привет Тамаре от меня и покупай у нее книги для меня. Она знает, какие мне нужны книги.

Манечка! Ну а ты как себя чувствуешь? Как одеваешься? Смотри, следи за собой. Ты нужна деткам здоровая, а то если и ты заболеешь, то что тогда будет с малышами. Прошу еще раз беречь себя и деток. Как здоровье отца? Передай ему от меня сердечный привет. Привет Надежде Васильевне, ее мужу и всем знакомым, родным. Ведет отец сейчас переписку или нет? Что Фейга молчит, где Бенча? Кажется, все что хотел, то и написал. А как приятно вам писать письма! Ощущение, как будто бы разговариваешь с вами. Сильно соскучился по вас!!!! Целую вас всех крепко, крепко. Ваш любящий отец и муж.

Это маленькое письмо передай Вас. Вас. Андрееву в техникум.
Миша.

25 сентября 1942 г.
Муром

Здравствуйте мои любимые Манечка, Бусенька и Века!

Получил от вас письмо и деньги, за которые я вам очень благодарен. Мне только как-то стало неудобно. Выходит, что я не работаю, а нахожусь на вашем иждивении. Манечка, кое-что из своего барахла я уже продал, об этом я писал тебе еще в прошлом письме, а так особых новостей нет. Я здоров, чувствую себя ничего, сейчас работаю, вернее, начинаю работать писарем в роте. Работа нетрудная, но мой почерк не канцелярский. Это, кажется, портит чуть-чуть красоту этого бумажного дела. Люди, меня окружающие, фоне (ороне) — гармоне[1], пропитались насквозь военщиной или [неразборчиво — *Сост.*], а фоне ист а ганев[2]. В общем, ты понимаешь, что я хочу выразить. Но что делать? Все это временное явление, этим я себя успокаиваю. Конец-то обязательно должен быть. Напиши, моя дорогая Манечка, как тебе обойтись с дровами. Они очень дорогие, вероятно, сейчас. А холода скоро наступят. Я прямо за вас в этом отношении очень беспокоюсь и переживаю. Ты постарайся использовать печку, которую я купил в военторге.

Дорогой папа! Я тебе очень благодарен за те деньги, которые ты дал Мане. Я думаю, что условия, на которых ты впустил людей в хибарку, для нас выгодные. Иначе ты этого бы не сделал. Или обстоятельства тебя заставили предпринять этот шаг. Но так или иначе — это надо было сделать, и ты сделал. Я надеюсь, что Маня тебе говорит про мое житье-бытье. Повторяться я не стану. Я прошу тебя написать мне письмо. Как ты себя чувствуешь, что поделываешь. У меня новостей нет.

Бусенька! Я жду от тебя писем.

Целую вас всех крепко-крепко.

Ваш любящий сын, муж, отец Миша.

Маня! В этом письме шлю тебе справку о моей военной службе.

***

[1] Грубияны (*идиш*).

[2] Нечистые на руку, вороватые (*идиш*). Слова на идиш написаны русскими буквами.

«УНИЧТОЖАТЬ ИХ ЗА СМЕРТЬ МОЕГО ДОРОГОГО ПАПОЧКИ»

А. С. Зайдман. 20 июня 1943 г., Челябинск.

Зайдман Аркадий Самуилович *(1920–1943) — родился в г. Одессе (Украина). До войны жил в г. Минске. В 1941–1942 гг. боец лыжного батальона. В 1943 г. после учебной бронетанковой части в г. Челябинске — старший сержант 19-й мотострелковой бригады. Убит в бою 12 сентября 1943 г. Похоронен близь дер. Левандаловка, район Валки, Харьковская область. Упомянут в «Книге Памяти воинов-евреев, павших в боях с нацизмом» (т. 5).*

Письма, адресованы жене, Доре Давыдовне Зайдман, дочери Валентине и матери в г. Гурьевск Новосибирской (ныне Кемеровской) обл. Письма и фотографии передала Д. Д. Зайдман (г. Москва).

13 ноября 1942 г.

Здравствуйе, моя дорогая Доенька с моей дорогой дочкой Валентиной. В первых строках своего письма могу тебе писать, что я жив и здоров, что и желаю тебе, моя Доенька с моей дочкой Валентиной от всего сердца. В отношении себя, то я жив и здоров, кормят нас ничего??? [так в тексте — *Сост.*] Погода у нас сейчас холодная, и живем мы в лесах, где очень холодно. В общем, ты сама все прекрасно понимаешь. Доенька, если бы ты знала, как мне хочется тебя да и всех остальных видеть, я очень скучаю, писем ни от кого не получаю, кроме как только от вас, и очень-очень скучаю, да ты еще так редко пишешь мне. Теперь, дорогая моя Доенька, я 10.10.1942 г. получил от Анны письмо где она на тебя жалуется насчет чего ты сама знаешь. Я тебя очень прошу, Доя, не ругайся с мамой, ведь у меня кроме вас никого не осталось, а наоборот, жалей ее.

30 ноября 1942 г.

Здравствуйте, мои дорогие мама, Доя с моей дорогой дочкой Валентиной и мои дорогие Анна и Ида. Могу вам писать, что я жив и здоров, что желаю вам от всего сердца. А также и поздравляю мою дорогую дочку Валентину с годовщиной ее жизни. Дорогие мои, в отношении себя, то я пока жив и здоров, только мой адрес изменился, я сейчас нахожусь там, где и был в прошлом году зимой, т. е. в лыжном батальоне, где мне очень не нравится, но ничего не сделать. От вас я давно ничего не получал, пишите быстрее ответ по адресу.

1 марта 1943 г.

Мои дорогие Дорочка и доченька!

Дорочка, по этому новому адресу я сегодня получил твое первое письмо. Дорогая моя, пишу тебе перед боем. Буквально через час или два выступаем, а может быть, и через день, это неизвестно, но, во всяком случае, времени осталось мало. Часто писать невозможно, ибо условия фронтовой жизни не дают возможность часто писать. Что тебе сказать утешительного, не знаю. Покорись своей судьбе, так как я ей покорюсь. Последние дни ни ты, ни Анечка у меня из головы не выходят. Ну что поделать. Очень рад, что нашлись дети, побывавшие в Сталинграде.

Автоматчики в дозоре. Фото Д. А. Минскера. ЦАЭ и АДМ.

Моя дорогая, я нахожусь на территории освобожденного от немцев и много чего уже видел, а то, что мне жители рассказали, то от этих рассказов волосы дыбом становятся. Ну, будь здорова и счастлива. Желаю здоровья, счастья моей Дорочке, надеюсь на нашу встречу. До скорого свидания, твой [Подпись]

Пишу это письмо на бумаге, сохранившейся у меня из Минска. Кроме этой памяти, на которой я пишу для тебя, у меня еще сохранилась деревянная ложка, которую ты мне дала в Минске. Эту ложку я особенно храню. [Подпись]

23 июня 1943 г.

Здравствуйте, моя дорогая Доенька с моей дорогой дочкой Валентиной. Могу вам писать, что ваше письмо я получил, за что вам очень благодарен. Доенька, ты пишешь, что ты осталась одна. Дорогая моя, я прекрасно все понимаю, какая тяжесть лежит на тебе и как тебе трудно. Но я бы, дорогая моя Доенька, от всего сердца [хотел бы] помочь тебе, но ты сама знаешь, в каком я положении. Так что Доенька сейчас надо терпеть, а если я буду жив и вернусь домой, то поверь мне, что я этого никогда не забуду. Доенька, в отношении твоих 300 рублей, то я узнаю и сообщу, а я пока еще нахожусь на прежнем месте и учусь я только на хорошо и отлично, чтобы получить как можно больше знания, и, поехав на фронт, на своей грозной боевой машине и давить, уничтожать немецких гадов, так, чтобы сказали «отлично», и уничтожать их за смерть моего дорогого папочки и за всю ту жизнь, которую они навязывают.

Доенька, ты просишь, чтобы я писал тете Риве, то я на все ее письма отвечаю немедленно, но я ей все опишу и буду просить, чтобы она хлопотала насчет вызова. Дорогая Доенька, я бы тебе предложил дать Любочке телеграмму и, если можно, ты поезжай туда, у Любочки тебе будет гораздо легче, а дальше там видно будет.

Пока все, целую вас крепко-крепко. Ваш Аркадий. Мой адрес на обороте.

* * *

«С ЧЕСТЬЮ НОСИЛ ИМЯ РУССКОГО ОФИЦЕРА…»

С. Н. Полиновский, 1944 г.

Полиновский Саул Нухимович *(1923–1944) — родился в г. Москве. В 1941 г. закончил авиационное училище, участвовал в боях, сбил 3 самолета противника. После тяжелого ранения служил в противотанковой артиллерии. Газета «Эйникайт», орган ЕАК (№ 49 за 1944 г.) поместила статью о Сауле Полиновском. Старший лейтенант, командир взвода и батареи 593 истребительно-противотанкового арт. полка 49-й армии 2-го Белорусского фронта. Погиб в бою у дер. Новая Воля под. г. Гродно 27 июля 1944 г. Похоронен в Гродно. Посмертно награжден орденом «Отечественной войны I степени». Упомянут в «Книге Памяти воинов-евреев», (т. 3).*

С. Н. Полиновский и Н. М. Полиновский. Встреча на фронте.

Полиновский Нухим (Нахум) Менделевич *(1894–1966) — отец С. Н. Полиновского Родился в г. Вознесенске Новороссийской губ. (ныне — Николаевской обл., Украина). Врач, работал в Москве. В июле 1941 г. добровольцем вступил в РККА. Хирург 584 ППГ. Войну закончил полковником медслужбы. Участвовал в сборе материалов для «Черной книги» (статья «Бреннеры из Белостока»)*

Копии писем и фотографии передали племянница Н. М. Полиновского М. Г. Гольденберг и его сын, Р. Н. Полиновский (г. Москва).

«Завещание» С. Полиновского

Москва, 8 декабря 1942 г.

Вторник.

Прошу обо мне не жалеть.

Из моих вещей прошу все мои книги отдать Гуковой Галине Павловне[1], а так же отдать ей все, что она скажет. Велосипед и все принадлежности к нему отдать Роме[2]. Все фотопринадлежности отдать Мине[3]. Остальное — по усмотрению моего отца.

О моей смерти немедленно сообщить Гуковой Галине Павловне. Она сама или ее мать проживают в Серебряном. пер. в доме № 5 в кв. 20. С. Полиновский

Письмо командира полка, подполковника Анишкина в школу № 59 г. Москвы о С. Полиновском

10 сентября 1944 г.

<…> Это был один из самых смелых и храбрых офицеров нашего полка. Во многих боях он показал себя как искусный и инициативный знаток артиллерийского дела <…>.

Когда под Белостоком его батарея попала в окружение гитлеровцев, он не растерялся и умелым маневрированием принял бой,

---

1 Подруга Саула Полиновского.

2 Младший брат Саула Полиновского.

3 Сводный брат Саула Полиновского (сын мачехи от первого брака), который находился на фронте.

с небольшими потерями вышел победителем, уничтожив при этом почти всю группу немцев. Получив в этом бою ранение в руку, <…> все же оставался на батарее, продолжая 19 дней командовать ею, невзирая на наличие ранения...

<…> Когда обстановка боя стала очень напряженной и смерть уже витала над его головой, он вынул из кармана свои документы, спешно отцепил от груди свои ордена, положил все в полевую сумку и передал все это капитану Глобину со словами: «Иду вперед за Родину. Если я погибну, передай все это моему отцу и скажи ему, что сын его выполнил боевой приказ». Это были его последние слова другу, и он ринулся к пушке вперед. Его последними словами в жизни были: «По врагу огонь!». С этими словами он ушел в вечность<…>

Не раз в беседе с офицерами и бойцами он вспоминал своих родных и друзей. Но особенно часто он вспоминал свою среднюю школу, где он провел наибольшее время своей молодой сознательной жизни. Он вспоминал своих учителей, своего завуча и всех тех, кто не только дала ему знания, но которые воспитывали в нем человека, сына любимой им родины. Он вспоминал комсомол, которым он в последние годы руководил в школе.

Старшего лейтенанта Полиновского Саула, гордо и с честью носившего имя русского офицера, храбро сражавшегося и беззаветно отдавшего свою жизнь за нашу Родину, за великого Сталина, среди нас уже нет!!! Но память о нем и его героических подвигах живет и долго будет жить в нашем полку. От имени офицеров командование N-ского противотанкового истребительного полка благодарит весь педагогический персонал и руководителей 59 школы Киевского района г. Москвы за воспитание столь мужественного, храброго, честного и волевого юношу, который своими героическими поступками высоко носил знамя советской школы, которая воспитала и продолжает воспитывать волевых патриотов, верных сынов Родины, способных геройски защитить ее от врагов.

В день получения приказа командующего N-ской армии о посмертном награждении старшего лейтенанта Полиновского орденом «Отечественной войны I степени» (третьей правительственной наградой) от имени офицеров N-ского противотанкового истребительного полка в целях увековечивания памяти геройски погибшего старшего лейтенанта Полиновского, бывшего воспитанника 59 школы Киевского р-на г. Москвы, командование полка просит директора этой школы обратиться в Наркомпрос РСФСР с ходатайством о наименовании этой школы именем славного артиллериста Полиновского Саула[1].

Командир N-ского отдельного противотанкового
артиллерийского полка п/п 41110

ПОДПОЛКОВНИК *Подпись*
(АНИШКИН)

* * *

«КАК МНОГО ВОЛНУЮЩЕГО, КАК ИНТЕРЕСНА ЖИЗНЬ»

Тополев Лорис Константинович *(1924–1945) — родился в г. Ленинграде. В 1941 г. был эвакуирован в г. Омск. По окончании школы в 1942 г. был призван в армию и направлен в г. Барнаул, в артиллерийское училище. В мае 1943 г. ушел на фронт. Участвовал в обороне Ленинграда, освобождении Эстонии и Польши, взятии Берлина. Письма адресованы его бывшей однокласснице, Нинели Самуиловне Фокиной (в девичестве Жак). Погиб в Берлине 8 мая 1945 г., в последний день войны.*

Письма передала Н. С. Фокина (г. Москва)

11 января 1943 г.

Здравствуй, Нэля!

Тысячу раз извиняюсь, что так долго не отвечал. Времени совершенно нет. Занимаемся 12 часов в сутки, да некоторое время был в командировке. Учусь на артиллериста 120 мм полкового миномета и 122 мм гаубицы. Вот уже 5 месяцев, надоело порядком.

[1] Ныне — школа № 59 им. Н. В. Гоголя.

Знаешь, я никогда не думал, что смогу так резко переломить свой характер, но внутренне я остался тот же… Как учился в школе с прохладцем, так и здесь. Надеюсь все на свою память. Да, получил благодарность за стрельбу из миномета от генерал-майора т. Розниченко (начальник гарнизона), после этого моя фамилия стала функционировать везде, где только можно в пределах дивизиона. Везде: и в газете, и в итогах соцсоревнования, и в «боевом листке», и на доске почета. В ноябре общий балл был 4,9 (у нас 14 предметов), в январе 4,6. За учебу получил благодарность от командира взвода т. Моисеенко (он сейчас на фронте, комвзвода в женской артбригаде специального назначения). Успел и на гауптвахте посидеть, и выговор получить. Месяца через полтора буду офицером, вероятно, в звании лейтенанта, а там буду у тебя просить благословления на поездку на фронт, куда я давно так стремился. Хочу стать со смертью так близко, чтобы чувствовать ее дыхание, узнать, так ли она страшна и некрасива, знать, так ли она бессердечна, эта вечная соперница разума и всего прекрасного. Ведь над всем она властвует, все кончается ею, все живет для нее… Никто ее не видел, никто ее не чувствовал, а если кто и видел, так тот не может ничего рассказать, и я хочу видеть, чтобы знать, потому что я хочу жить и любить, как черт, жить как дьявол, любить хочу. Как я много хочу, и пусть меня поразит первая пуля, если я этого не добьюсь.

Почему меня люди не понимают — или потому что я их слишком люблю, в самом широчайшем смысле этого слова, или потому что мне всегда на них смешно смотреть. Смешно, как они живут и как умирают. Тихо живут и тихо умирают. Эта тишина мне прозвенела уши. Не хочу так жить.

Знаешь, что я бы больше всего хотел? Пригвоздить эту умную сволочь Гитлера к стене и приставить нож к горлу, а ты бы, как говорится [одно слово неразборчиво — *Сост.*] приказала перерезать ему горло.

Николай в пехоте. Это замечательный человек — один я мог его понять. Был еще Виктор Билод — человек изумительный, но я его потерял. Встретил недавно его товарища, моего знакомого Самусенко, но на следующую ночь его часть была поднята по тревоге и уехала на фронт. Бывают в жизни злые шутки… — он знал Виктора адрес.

Когда пойду на фронт, то обязательно заеду в Омск, посмотрю, как вы все там живете. Если это письмо будет идти долго, хотя бы недели две, то ответ твой я, наверно, не дождусь.

Vale.

Лорис Тополев.

P. S. Новый год я никогда так не встречал, клянусь, это был первый и последний такой новый год, и поздравлять неудобно.

Пиши все, что угодно, или, если тебе нечем писать, то напиши слово — «нечего». Но жду, жду, жду…

Почерк мой.

4 июля 1943 г.

Здравствуй, Нэля!

Нэлька, знаешь, и не ждал, честное слово, не ждал, а сегодня приходит с тыла почтальон и я по-прежнему стою и смотрю, как он перебирает письма и чего-то жду (заметь, жду) и не знаю, чего. И вдруг подают, вдруг подают, и не знаю, брать или не брать — сразу узнал твой, до того дорогой почерк. Потом боялся распечатывать, целых полчаса носился с ним как сумасшедший с писаной торбой. Что же ты пишешь? Ругаешь, или нет, или да, или нет. Читал и все, все забыл, и фронт, и все, все, и как-то радостно стало на душе, честное слово, дорогая Нэлечка, так светло. Все как-то ясно восстановилось в памяти, все до малейших подробностей. Какой я был дурак, дурак, дурак… а ты чудачка, Нэля. Вечер в саду последний, помнишь — ну ладно, о другом.

Я во многом изменился, во многом, если бы ты увидела меня, то не узнала бы, но «по-прежнему такой же нежный…» Эх, война, война проклятая, тысячу раз проклятая, что ты делаешь!

А как ты выглядишь, Нэля? — пиши. Пиши о всем на твоем свете.

Ты, наверно, и не представляешь, что такое война, живя там где-то, далеко-далеко, за тысячи километров, на Большой земле (так у нас называют). А вот большое (бывшее) село, а мы в нем и стоим, и позиции огневые наши прямо в селе (не разочаровывайся) — от села ничего не осталось, все врыто в землю (а были и пятиэтажные дома), только посреди поляны на бывшем перекрестке дорог стоит кирпичный белый дом, без окон, без дверей, зайдешь в него, а че-

рез пять этажей крышу видно (которой нет). Неопытный человек пройдет здесь и ничего не увидит, а в земле целый город. И я в одной из таких землянок живу. Роются в земле, потом делают накаты (2, 3, 4 и до 12 и более), последний и бомбы не возьмут, а у меня 4 наката, 150 мм снаряд возьмет, но мина — никакая. Все изрыто в траншеях, ходах сообщения и т. п. А за полтора километра сидят вшивые. Ходишь свободно, потом раз снаряд в трех шагах (не бойся, не разорвался). Сразу ложишься, следующий может разорваться, и ползком в какую-либо землянку (везде примут, здесь все друзья и товарищи) или канаву. У немцев много не разрывается, особенно при стрельбе тяжелыми. Много таких случаев. Например, кушали с компанией, дала какая-то сволочь очередь, двоих убило, а двое остались живы, в том числе и я. Или бомбил [зачеркнуто — *Сост.*], обстреливал из минометов и 4 мины попали в мою землянку и ничего, только земля сыплется да земля ходит, как трамвай (а сидишь и думаешь об этом трамвае — сейчас поеду). Знаешь, Нэля, привыкает человек ко всему, привыкает.

Перервался… Уже темнеет, Нэля, мне необходимо было провести беседу с батареей об этой сволочи Власове. Сейчас провел так около 12 часов, продолжаю писать.

Знаешь, взял этот лист и сказал, что пойду писать письмо девушке, а они смеются, говорят, о чем ты будешь писать на таком папирусе, и темы-то не сыщешь. — Найду, сказал я, ведь найду, Нэля, верно найду.

Фронт — очень интересная штука, здесь как-то всегда чем-то рискуешь и все стоит «на бочке», знаешь, как говорил Достоевский: «Если нечего поставить, ставь на кон себя», тогда ты выиграешь (не очень полезные мысли). А как я люблю рисковать, — жутко, и кровь молодая играет, что-то ждет, ждет… Ведь сдавал я экзамены совершенно не готовясь всегда, прыгал на лыжах оттуда, где и черт ногу сломит и нырял с вышек, где только хорошие спортсмены. Вечный риск, вечный риск, вечная какая-то приятная жуть, и бьется сильно-сильно сердце… Да. А здесь я нашел свою стихию, которая сливается с лучшими душевными стремлениями своего сердца, Нэля, своей мысли.

Здесь как-то живо переживаешь все мировые события, чувствуешь все на самом себе. В тылу, на Большой земле, я как-то вскользь воспринимал события на фронте, как-то мимолетно, как-то по пути

с «основным» (основными событиями для моей жизни, а здесь нет).

Фронт — это школа, огромная, всеобъемлющая, она, эта школа, учит всему: и как жить, и как понимать, и многому другому. Здесь я научился тому, чему не научился бы и за 20 лет мирной жизни. А жить! О, я знаю, как я буду жить, Нэля дорогая моя, знаю! Когда кончится эта никому не нужная война, я буду жить, воистинно жить, а не существовать. Мы сошлись с тобой мыслями. Никогда не иди поперек своим желаниям, но и надо всегда, [зачеркнуто — *Сост.*] надо никогда не терять головы, и думай всегда вперед, а потом совершай (у девушек иногда наоборот получается).

Сейчас сижу в землянке связистов своих, послушал, как он обнаруживал цели (старый вояка). Интересно. Снова пишу.

А интересно будет потом, после войны, все это вспомнить, походить по местам жутких схваток. Да. Забавно. Каждой секундой рискуешь жизнью. Теперь, вероятно, я не буду считать мужчинами тех, которые пригреваются в тылу, не идут защищать свою землю, свою Родину, свой народ, своих девушек, Нэля. Я презираю их. Родина!

Моя чудесная, любимая, моя мать Великая Родина — ты в опасности, ты страдаешь, мой великий русский народ, на тебя покушаются, на твое существование, на жизнь твою. О! Как ее люблю, любили бы все так ее, дорогая Нэля, тогда бы духом своим, своей великой любовью победили бы ненавистного врага. Встанешь так, обернешься кругом: Россия, необъятная неукротимая, тебе отдаюсь я, бросил все и пошел защищать тебя, несмотря на уговоры отца и матери, несмотря ни на что, так что может сломить мою волю, когда я обоими ногами опираюсь на тебя, земля моя, а если погибну, то не умру, останусь в земле моей, в народе своем. А была возможность остаться там.

Узнал адрес своего друга Владимира Николаевича Воронова; Жду ответ. Получил письмо от отца. Семья моя в Барнауле. Их адрес: Алтайский край, г. Барнаул, Сибирский переулок, дом 1, кв. 11. Потеряюсь — пиши туда.

Живи, Нэля, пока есть возможность, живи, как хочешь. А может, будешь где поднимать бокал, опрокинь за того, кто защищает тебя, кто, может, считает тебя своей звездой, вечно горящей перед ним, за Лориса Тополева.

Может и верно, Нэля, тогда я абсолютно запутался и ничего не понял.

Вечно Лорис и только Тополев.

23 августа 1943 г.

Получил твое довольно интересное письмо из колхоза «Спайка». Как-то странно совмещать: какой-то сарай, сено, конюшня и вдруг ты, Нэля.

А знаешь, как замечательно обеспечивает фронт наша страна. На фронте все есть, что нужно простому человеку и тем более русскому — все продукты, лучшие продукты питания, здесь на фронте бойцы прекрасно одеты. Несмотря на то, что мы артиллеристы (ведь я по специальности артиллерист, 120-го калибра минометы у меня), у меня вся батарея вооружена автоматами, ПТР-гранатами, боеприпасов для моих жертв более чем достаточно. Да, если немец и попытается перейти в наступление, то на его голову одна наша батарея выпустит тысячи кг. металла и сотни пуль.

А свою батарею я закопал и укрепил жутко. Действую по совету кого-то: «Тяжело в учении (и труде), но легко (и увереннее) в бою.

Перервали немного. Сейчас получил сообщение, что Харьков советский. Можно кричать ура!!!!

Знаешь, что значит взять атакой город? В некоторых местах по нескольку месяцев идут бои на улицах какого-либо поселка, вроде К.Б., где я стою, и ни черта не сделать. А это Харьков!

Знаешь, на фронте это все чувствуешь очень остро, все это очень глубоко в тебя заходит, и, получая такие сообщения, высоко подымает у бойцов дух.

Не о том думаю.

Я пишу, Нэля, и думаю. Думаю и пишу.

Что-то мне не по себе стало — вижу. Дух! Почему-то я боюсь за тебя и за себя, и за других. Знаешь, дорогая Нэля, именно дорогая, и не за то, а за другое, ведь я все, все вижу и понимаю. Ты мне както, я помню, говорила, тебе писал раненый из госпиталя, ты ему ответила? Необходимо было ответить. Ну ты теперь меня понимаешь. Ведь он не я, а я не раненый.

Нэля, прости, дорогая, прости, честное слово, вероятно, я нагородил чего-либо, но ведь я так думаю. Все. А сейчас верю, верю, верю.

А знаешь, как я тебя сейчас представляю, как и раньше, но намного переменившуюся (не складно, ну и черт с ним). В каштанового цвета (желтоватого такого) вязаной блузке, в синей юбке, но не такую веселую, как раньше и жизнерадостную, как зимой и весной 1942 года.

Что вспомнил школу. Помнишь, как мы с тобой последний раз зашли в класс? Я сижу во втором от окна ряду, на последней парте, а ты с Леной в третьем ряду и рядом, потом на одну парту, поближе к учителю.

Пишу тебе записку, такую и глуповатую и застенчивую — сейчас напишу.

«Что такое любовь?» или «Что же ты не была вчера на вечере?». И все вопросы.

О! Как я люблю такие моменты, Нэля, как я тебя люблю, Нэля!

А сам боюсь, что тебе не дадут это письмо читать. Не знаю почему. Никому не давай читать их, Нэля:

Неужели поздно — нет, нет и еще нет.

Ведь мне 27 августа только девятнадцать лет стукнет.

А после войны будем с тобой опять учиться и жить, жить и жить.

Время бежит.
Годы текут — их нельзя удержать.
Но подгони ты иголочкой годы
И время всегда сможешь снова догнать.
Постоянного ничего нет.
Да же $2 \neq 2$, а $3 \neq 3$ тем более

Великие люди перегоняли время.

Что же, надо испробовать!

<...>

Все, до свидания, Нэля!

Пиши, дорогая.

Вечный Лорис и только Тополев.

2 октября 1943 г.

Здравствуй, дорогая Нэля!

Получил твое последнее письмо из этого далекого уже для тебя, но все же кое-чем замечательного Омска.

Знаешь, когда я вспоминаю Омск, мне не лезет в голову его пыльные улицы, этот вечно одинаково действующий на меня, летом и зимой, дикий Иртыш. Эти серые домишки с их серыми обывателями. Единственная улица Ленина, библиотека Пушкина и еще кое-что являются воплощением какой-то небольшой кучки людей. Это грубо и глубоко верно, особенно когда Омск опустеет. Нет. Не это вспоминаю я.

Омск для меня есть какой-то все собирающий центр каких-то задевающих душу моментов.

Какая-то незаконченная трагедия, вероятно, в трех действиях или может быть и двух, даже одном.

Омск…что-то далекое-далекое, но и в то же время близкое-близкое сердцу. Да.

Как много интересного, как много волнующего, как интересна жизнь. И как хочется пожить, пожить, хотя бы еще десяток лет, ну пятнадцать, даже двадцать лет. Особенно после этой дурацкой войны хочется, хочется жить. Жить хочу — сволочи все немецкие и прочие.

Я еще не жил и хочу жить, жить по-настоящему, по-человечески.

Ко всем чертям остальное.

Хочу любить. Вот.

А немцу ни черта не удастся.

Знаешь, Нэля, немец — это такая гадина, какой не представляешь ты и еще до сих пор и я. Но теперь узнал.

Как-нибудь объясню потом.

Неужто ты, Нэля, тонешь в своей стихии. Москва! Ты снова в Москве.

Поздравляю и завидую. Чрезвычайно рад за тебя и за то, что…

Почему-то не могу писать.

Чрезвычайно расстроен сегодня я. У меня выбило троих из строя немецким снарядом. Карымов, замечательный старшина, узбек, философ, любимый мой боец не успел и медали получить. Убило.

Карымов, отец. Я отомщу и за тебя, дорогой, спи спокойно, Родина не забудет тебя.

А старуха жена будет рыдать, убиваться, молить. Напрасно, милая, напрасно!

Я кое во что скоро перестану верить.

Командую батареей. Получил сегодня медаль «За оборону Ленинграда».

Живу по-старому.

Дорогая Нэля, ты уж прости меня за плохо написанное письмо. Не по себе мне сегодня — честное слово.

И грустно, и обидно, и немного-немного страшно кажется.

А как хорошо, когда знаешь, что о тебе там, в далеком тылу, все же кто-то думает, и кто-то заботится о твоей жизни, и кто-то… тебя.

Знаю, что немного смешно и грустно. Это так.

Но слава Богу, кому думать можно.

Больше не буду. До свидания. Лорис.

Жду писем.

Пиши, Нэля, всегда жду с нетерпением.

Милая моя, Нэля, как странно все же.

Боже мой.

Землянка, ночь, свистят снаряды, пули. Слышно, как втыкаются пули и чуть качается земля. Лорис.

21 сентября 1944 г.

Здравствуй, Нинель!

Пишу снова.

Опять началась наступательная страда. Вот уже четвертый день, как я участвую в наступлении. Сейчас я тебе опишу, что такое наступление, и где участвуют в нем мы — артиллеристы.

17 сентября в 7.30 минут началось.

Заранее все было подготовлено, подтянуто ближе к переднему краю или на передний край. У нас разработаны огни. Накрывались не только все цели, именующиеся у немцев, на переднем крае, но буквально каждый квадратный метр земли. В 7.30 зеленая ракета и воздух доселе спокойный и чистый, как будто разорвался, затрясся, загремел, тысячи пудов железа и взрывчатки полетел на голову

врага. Началась артподготовка. Ошеломляющий врага трехминутный налет. Потом период разрушения. Сыграли Катюши (это пехота бросилась в лодки, и начался штурм вражеских укреплений). В передовых траншеях завязался рукопашный бой, и через 5 минут уже наши пехотинцы гнались за немцами за 2–3 км. от переднего края, а я переправляюсь через реку, а к вечеру мы уже совершили 40 км. марш в глубину Эстонии. Жжет немец мало, дома, можно сказать, все остаются целыми. Только там, где шли бои, есть сожженные дома. Население почти все цело, только нет молодежи. На полях в стогах хлеб, сено. Неубранные огороды. Все цело и невредимо. Есть много пленных. Много сдаются сами в плен. Особенно власовцы — русские, эстонцы, узбеки и другие. Много их (дезертиров немецкой армии) шатаются по рощам и лесам Прибалтики. Много их ловим за 30–40 км. в нашем тылу, вытаскивая из стогов, подвалов, землянок.

Идем на Таллин. Когда ты получишь это письмо, Таллин будет уже давно взят.

Это последние дни немецкого порядка в Прибалтике.

В Эстонии хозяйства исключительно хуторские, поэтому и живут здесь неплохо. Простой середняк имеет 6–7 коров, десятки овец и кур, свой хлеб, огород — свое маленькое царство.

Да и Ленинград, около которого полгода стоял (в 6–7 км.), теперь уже далеко позади. Теперь ближе Германия — очаг войны.

А зимой я побуду в германских городах (если раньше не кончится война).

А живу по-прежнему. Отлично. Настроение безразличное.

Хочется больших боев, а их все нет.

С тех пор как от тебя не получаю писем, прошло много месяцев. За это время я уже побывал во многих фронтовых переплетах: и наступал, и отступал, и оборонялся. Мы брали Нарву.

Пережил еще почти 5 лет.

Вот моя жизнь.

До свидания.

Лорис Тополев.

P. S. Жду только твою фотокарточку, которую ты мне уже давно обещала.

* * *

«ПОСЛАЛ ЭРЕНБУРГУ СНИМОК ГЕТТО»

М. М. Фуксман с сыновьями Михаилом и Виталием, 1940 г.

Фуксман Мирон (Марк) Моисеевич *(1903–1980) — родился в г. Овруче Волынской губ. (ныне — Житомирская область, Украина). С 1942 г. служил на Калининском фронте. После ранения в 1944 г. переведен в железнодорожные войска 1-го Прибалтийского фронта. С 1943 г. — корреспондент красноармейской газеты «Боец-железнодорожник». Вел переписку с И. Г. Эренбургом (см. «Сохрани мои письма», 2007): письма И. Г. Эренбурга М. М. Фуксману). Войну закончил в Кенигсберге в звании младшего лейтенанта.*

Переписка с женой, Анной Павловной Фуксман, которая с сыновьями Михаилом (Микой) и Виталием (Витей) находилась в эвакуации (совхоз Джанги-Джер близ г. Фрунзе, ныне Бишкек, Киргизия) и возвратилась в г. Днепропетровск, где семья жила до войны в конце 1944 г.

Мать М. М. Фуксмана, Ханна, погибла в Днепропетровске в 1941 г.

Брат — Фуксман Семен Моисеевич — политкомиссар Киевского Особого военного округа — пропал без вести в оккупированном Киеве в ноябре 1941 г.

Младший брат — Фуксман Матвей Моисеевич погиб на Калининском фронте в начале 1942 г.

Племянник — Фуксман Самсон Львович, военврач 3-го ранга, начальник санитарной службы 678 с. п. — пропал без вести в конце мая 1942 г. под г. Харьковом.

Басс Леонид Павлович *(1919–1945) — родился в г. Каменец-Подольске Каменец-Подольской губ. (ныне — Хмельницкой обл., Украина). Брат А. П. Фуксман. В Красной Армии с 1939 г., окончил Харьковское училище связи в 1941 г. Преподавал в военном училище в г. Горьком (ныне Нижний Новгород). На фронте с 1943 г.*

Л. П. Басс, 1941 г. На обороте: На память родным от Лени. Ко дню принятия присяги.

Гв. лейтенант (по другим данным капитан), начальник связи батальона 57-й гв. танковой бригады. Убит в бою 28 апреля 1945 г. в дер. Диза у г. Вайсенфельц (Германия).

Письмо адресовано его тете, Малой (Шустер) Циле Владимировне (Вольфовне) в эвакуацию.

Письма и фотографии передал В. М. Лоринов (Фуксман) (г. Москва).

Письмо Мики Фуксмана отцу

24 февраля 1943 г.

Здравствуй, дорогой папочка! Как ты поживаешь? Вчера получил твое письмо. Спешу ответить. Большое спасибо, что ты мне ищешь одежду: пальто, рубашку, штаны и т. д. Пришли мне карандаши и немного латинских или польских марок, а немецких не присылай, потому что их вытащат. Я теперь в третьей четверти учусь лучше. Папочка, вчера я в нашем стенном шкафу нашел нашу ложечку. Когда мы уезжали, она упала туда и теперь встретила нас сейчас. Морозы сильные. Бабушке дали комнату до апреля, а после, наверно, свою отдадут. Витя по-прежнему ходит в садик. Знает много песен и стихов. На днях у нас была Саррочка. Она приехала на семь дней, а сегодня уехала. Мама каждое воскресенье собирается ехать в деревню за вещами, но никак машины нет.

Папочка, у нас в школе очень строго сейчас. Если кто-нибудь провинится, то весь класс остается, и ему дают наряд. По воскресеньям я хожу с Виталиком в кино. Бываю у Алика. Я думал, что Миконька приедет с дядей Гриней сюда, но тетя Фаня получила телеграмму, что они выехали в г. Тюмень. Как жалко. Дорогой папочка, когда уже наступит та счастливая минута, когда мы с тобой встретимся? Ну пока, до свидания, целую в носик, ротик, ушки, лобик, глазки. Твой сын Мика.

Быстрее громи врага. Привет передай бойцам и офицерам.

Мика.

Письмо М. М. Фуксмана Илье Эренбургу

15 июня 1944 г.

Дорогой замечательный товарищ Эренбург Илья Григорьевич!

Я не знаю, как выразить Вам мои чувства за Ваши гениальные мысли, выраженные в Красной газете[1] и «Правде» против фашистских разбойников. Я нахожусь в рядах РККА, совершено Вам незнакомый человек, но к Вашим статьям, я Вам самый лучший друг. Главное удовольствие у нас в армии это ведь газета, она нам заменяет семью, друзей, всех-всех, и при раскрытии номера газеты я сразу ищу, нет ли что-нибудь Эренбурга, если да, то с радостью на устах, сразу во всеуслышание зачитываю всем. А я потом тихонечко снова перечитываю и некоторые произведения берегу. Если на нашем счету имеются подвиги в разгроме мерзких зверей-людоедов, то это благодаря Вашему маленькому оружию, которое очень сильно и метко бьет. Наши сердца воспринимают Ваше направление. Это направление Родины, и ненависть к врагу возрастает. Патриотические чувства наших доблестных воинов, чувства честных прекрасных людей поднимает нас всех на борьбу, отомстить подлому врагу-извергу-немцу за нанесенные нам ужасные глубокие раны. На долгие-долгие годы, веками не забудется содеянное немцами. Природа, небо, земля не простят никогда. Увековечим память о наших любимых людях, их проклянем. Коль скоро у них звериные чувства, то так и запишем в истории: немец-зверь, немец-бандит, немец-душегуб, живи, зверь, в своей берлоге.

Вы достойный писатель, художник слава нашей эпохи, Вы способны отразить лучшие мои мысли, и мысли миллионов людей — советского дружного народа.

Больше не стану у Вас отнимать время, я преклоняюсь перед Вашим гениальным умом и дорожу Вашим здоровьем. Вы нам нужны и нужны. Желаю Вам крепкого-крепкого здоровья.

Уважающий Вас Фуксман М. М.

P. S. Ответить мне необязательно, я бы только гордился бы двумя словами, что мне ответил писатель-мыслитель, писатель-художник, писатель-романист, писатель-журналист, публицист, писатель

---

[1] Вероятно, имеется в виду газета «Красная звезда».

гениального ума, современный писатель, советский друг народов, писатель-воин, отражающий набеги фашистов.

Маленькая и большая просьба, как бы достать сборник Ваших статей.

Фуксман Мирон Моисеевич.

Письмо М. М. Фуксмана соседям А. П. Фуксман по квартире

5 декабря 1944 г.

Здравствуйте, т. Гончарова.
От В[оенно]/ с[лужащего] Фуксмана М. М.

Из некоторых источников мне известно, что Вы допускаете некоторые нехорошие поступки по отношению к моей семье, Вы занимаетесь травлей моей жены и детей, Вы не пропускаете к нам сходить ни одного человека в дом для общения с моей семьей. Вы заставляете ее жить в застенках, боясь вымолвить громкое слово, сузили выход через вашу комнату и заставляете ее строить перегородку.

Ввиду сложившегося обстоятельства, я ведь нахожусь на фронте, выполняю всякое возложенное на меня задание, и для защиты нашей Родины все готов выполнить, отличен правительственными наградами, да еще буду удостоен…

Тт. Гончаровы. Я прошу Вас изменить Ваши взгляды. Относитесь к семье моей только по-хорошему. Примите на себя заботу о семье фронтовика, приберегите здоровье моей жены и детей. Пожалейте их в трудную минуту. Пусть это будет прямым долгом перед Родиной. Стремитесь заслужить особое внимание перед партией, правительством и перед моей частью, свяжитесь узами дружбы. Все то, что можете выполнить и улучшить жизнь моей семьи, то прошу вас убедительно отнестись благосклонно, создайте благоприятную обстановку для моей семьи. Если удобнее для Вас построить перегородку, то вы, как строители, это легче выполните, а в настоящее время я, либо моя жена не в состоянии. Когда вернусь живым с фронта, я вас отблагодарю и не забуду Вашу помощь, долг конституционных прав человечества в нашей стране очень велик. Приближается время окончательного разгрома фашистских бандитов, мы снова вернемся к нашим семьям, как и сейчас наше участие здесь в разгроме врага с большими усилиями, так и в будущем вернемся и будем продолжать строить новую интересную жизнь. Остаюсь уверенный в вашем чутком отношении. Пожелаю вам всех благ.

День Конституции.
5 декабря 1944 г.

Письмо Мики Фуксмана отцу

3 января 1945 г.

Здравствуй, дорогой папочка! К нам приехал дядя от тебя. Большое спасибо за белье.

Папочка, я очень хочу читать, в том письме я тебе писал, чтобы ты присылал книги, и сейчас прошу. Если есть, то пришли «Три мушкетера», «Таинственный остров» и другие. <…> На этом кончаю писать. Бей немцев. Твой сын Мика. Целую крепко-крепко <…>.

Стихотворение, которое декламирует Витя Фуксман.

Всю ночь скрипит большая тень,
Всю ночь скрипит метель.
У папы жесткая постель,
Походная шинель.
Мне до войны шел пятый год.
Теперь пошел восьмой.
Мой папа немцев разобьет,
Тогда придет домой.
Придет такой, как на большом
Портрете на стене.
Он мне расскажет обо всем,
Что видел на войне.
Свою походную шинель
Повесит он в углу.
Мы не забудем про метель
И сядем все к столу.

Он по врагу огонь ведет[1],
Он стойкий, папа мой.
Я жду его, и мама ждет,
И он придет домой.

Этот стишок Мика начал переписывать под диктовку Вити, Витя спешил, и на самом интересном месте началась драка. Мика кричит: «не спеши», а Витя говорит: «Я не могу медленно». Пришлось мне кончать. <…> Нюся.

Письмо А. П. Фуксман М. М. Фуксману

20 января 1945 г.

Дорогой Марк! Сегодня Миконьке минуло 13 лет, ведь он уже почти большой. Пусть он нам растет на радость и счастье, (и) чтобы скоро ты уже был с нами. Если б ты только знал, родной, как нам трудно жить без тебя. Всю трудность жизненного пути я уже прошла, но еще не конец. Сколько мне стоит здоровья выносить помойное ведро через соседей, даже так проходить. Ты ведь знаешь, родной, какая я щепетильная. Они молчат. Как-то подслушивая, я слышала, как Гончаров говорил, что он уже кончил свои командировки и окончательно обосновался в Днепропетровске. Какая-то военная, они говорят, якобы это их дочь, но, мне кажется, они врут. Что тебе писать, мне очень неприятно проходить (мимо них).

Зима невозможно холодная. То топливо, что Мика заготовил, уже кончается. На базаре три-четыре кусочка дров стоит 10–15 руб. В школе совершенно не топят, так же топки нет. У меня еще плохо то, что печка никуда не годится, а другую я не покупаю.

Марк, дорогой мой, пиши нам часто. Мы с Микой читаем и перечитываем твои письма. Другой радости у нас нет. Родные получили разрешение на комнату, так управдом им хочет дать другую. Леня где-то в Польше[2]. Пишет, что получил твою открытку, но утерял адрес и не может ответить. Аттестата еще нет у них, он обещает выслать. Очень прошу тебя, родной, писать нам часто, это для нас единственная радость. Когда действительно наступит уже радость? Часто нет сил переносить одно горе.

Я еще не привезла своей мебели. Может, в следующее воскресенье я уплачу уже за машину 1000 руб. Заведующий больницей, ему часто нужно было окупить (детали) для машины, а теперь, когда он поправит, тогда и поеду. Если я получу за пианино, можно будет купить буфет и диван, а то деньги разойдутся. Ну, будь здоров. Целую тебя крепко, крепко, Нюся. Дети целуют тебя крепко.

Холодно, прямо руки не пишут.

Письма М. М. Фуксмана семье

23 января 1945 г.

Любимые мои Нюсенька, Миконька и Виталинька!

Сегодня я получил от тебя, моя родная, письмо от 31.12.1944 г., от коллектива школы Миконьки. Завтра отдам печатать в нашу газету. Это будет особенно интересно. Также письмо от Сони и еще от Нюсеньки, где она мне прислала копии письма, что получила от Поли по вопросу жизни нашего дорого Семочки. Я имел сегодня [тяжелый] день. Письмо меня сильно расстроило. Только сейчас я почувствовал горе моего брата, попавшего в окружение, его положение, его состояние. За что такое мучение такому Семе, такому Семочке. Такие дорогие Семочка, Мотенька, Сенечка, мама — жертвы фашистов.

Мои дорогие братья и сестры! Я это письмо напечатал в нескольких экземплярах. Один я посылаю в ЦК КПБ (у), чтобы мне разыскали в Киеве эту портниху, Марию Филипповну Станкевич. От нее Семочка с Наташей ушли в деревню, а в какую, неизвестно. Кто из вас поедет в Киев, из знакомых, может кто-нибудь из родственников уже живет (там). То надо немедленно разыскать и напасть на какие-нибудь следы. Может быть, он действительно угнан в Германию, авось он где-то жив. Может быть, счастье улыбнется.

[1] В этом месте детский почерк сменяет женский.

[2] Л. П. Басс, см. след. раздел.

Нюсенька родная моя, ты писала, что Гриша переезжает в Киев, то это неплохо. Я не знаю, писать ему еще в (Кагул) или нет. Фотокарточки увеличить никто не берется. На такой еще можно, и то там глаза выколотые. Напрасно Рая Белоусова не занимает комнату. Она потом будет жалеть, потеряв такой центр. Ты ее уговори, будет и для тебя лучше. А в заявлении горфинотделу по поводу инструмента не догадался написать, что ты — преподавательница музыки. И если финотдел откажет, то — гор. прокурору. И ты действительно правильно реагируешь. Неужели Юдель машину не может достать? Необходимо съездить к Мане Козловой, правда, холодно. Как можно ехать в сильный мороз, ведь ты и так мерзнешь с детьми в доме.

Сводки очень хорошие. Берлин скоро услышит грохот наших орудий, и вся зверонемецкая сволочь предстанет перед Судом истории.

Ноня (Олин) поехал во Львов, видимо, он к Вам заедет. Жаль, что он не имеет адреса Мани Фуксман. Почему никто из наших не пишет Соне и Оле, они ведь волнуются.

Днями двинемся. Все фронты до того соревнуются, что выхватывают друг у друга (взятие) городов. Конев у Рокоссовского, Рокоссовский у Жукова, и наоборот. То же самое, Черняховский не дает Баграмяну вообще ничего брать. Все спешат в Берлин, а Эренбург (за 15.01) в газете «Правда» показывает направление, напоминает, что нам необходимо скорее предъявить счет за (гибель) детей, (за) замученных невинных людей. Сейчас 12 часов ночи, меня, как всегда сон не берет, а сегодня особенно. Сижу один в комнате, не очень-то теплой. Попишу всем письма, потом как будто бы легче станет. Погода зимняя, неплохая, снежок падает, ночь лунная. У полковника Гуревича есть мальчик Юрочка (почти как наш Витенька). Он ко мне ходит почти каждый день, я его угощаю, я его безумно люблю. Я поднимаю (его, и он) в большом восторге, когда поднимаю его до потолка. Целую его. Вас здесь нет, и мне кажется, (что) я держу Витеньку, либо Миконьку. Я очень рад за (школьные) отметки Миконьки, они неплохие. За письмо (из школы) я очень благодарен. Когда будет напечатано, я тогда пошлю вам. На этом и прощайте, мои самые дорогие. Целую Вас всех много-много раз, крепко-крепко. Ваш Марк и папочка.

Сердечный привет родным, Муре, Алику и Юрику. Целую, брат и дядя.

25 февраля 1945 г.

Дорогие и любимые Нюсенька, Миконька и Виталинька!

Уже несколько дней, как не писал. С нового места как-то мне не прикладывается (рука), да и почты здесь нет, пока очередная почта (появится), пройдет несколько дней. Вот и ты, моя родная, будешь волноваться, что писем нет от меня. Ты должна постоянно так предполагать.

Устроились неплохо, все есть, что только хочешь. Жителей никого нет. Проклятые немцы бросили абсолютно все. Уходя отсюда, все помещики уничтожили весь (скот). Я вчера был в имении, и там по всему (двору) вонь, более двухсот коров отравленных. Они умертвили все живое, чтобы нам не досталось. Они так бежали, что все видно, как поданый обед или завтрак к столу не успели и покушать. Много, много есть интересного. Бежали и бегут они потому, что они на каждом шагу издевались над нашими людьми: и над военнопленными и угнанными нашими людьми. Очень много пошлой, безграмотной литературы. Они подлые с головы до ног, от Гитлера до последнего немца. Жили все очень и очень богато, все европейское, награбленное.

Мы несколько коров имеем, так что молока вдоволь, и трофеев много. А куда это девать, нам оно не нужно, а разбивать неохота. Сказочная обстановка всюду. Я тебе приготовил для отсылки пару посылочек из вещевого. Все новенькое, но ничего, (и) тоже самое швейную машину. Только как это отослать, с этого места и почты нет. Думал посуду послать, но нет смысла, так как разрешают только одну посылку. Есть и велосипеды, и мотоциклы, пианино, и т. д., и т. д., и т. п.

Мои любименькие! Как мне все же уже хочется быть с вами вместе. Все ждешь и мечтаешь о скорой встрече. Вот сегодня кончается уже последний зимний день. Наступает счастливая весна, весна должна нам принести много новостей. Только подождать, пока распутица пройдет, а там будут сильные удары по врагу. Предполагается еще конференция великих держав в отношении

окончательного полнейшего разгрома ненавистного врага. Я полагаю, моя милая, что ты газеты читаешь в школе, и ты в курсе дела.

От дяди Бориса ты деньги уже получила (300)? И посылочку от Лопашенковой жира? 3 марта исполняется Виталиньке 7 лет. Мама моя … родная, солнышко дорогое. У меня стоит одна лошадка, изумительной красоты. Я с ней вожусь, и мишка-медведь. Что с того, что я с игрушками, без тебя. Нюсенька моя родная, поговори с врачами насчет его носика, проверь среди нескольких врачей. Если необходимо сделать операцию, то надо сделать и не медлить. Только чтобы ты не пугалась, пусть сходит к врачу с тобой Маля и Юдель. Особенно действуй через Леву, горздрав. Неужели в школе нет книг для Миконьки? Ты бы сходила в публичную библиотеку, либо в Металлургический, Строительный, Медицинский институты. Там тебе не откажут. Что пишет Леня вам? Напиши, чтобы прислал родным посылки. Я несколько дней страдал желудком и наконец выздоровел. Чувствую себя выздоровевшим. Погода уже весенняя, почти и снега нет. С наступлением хорошей погоды приятно будет и на душе, а то скучно и грустно. Да, получив это письмо, ты будешь долго волноваться, что нет от меня писем, ибо пока сюда прибудет наша почта, пройдет несколько дней. Я и от тебя не получаю, но не волнуюсь только лишь потому, что знаю причину задержки. Но на этом кончаю. Будьте мне здоровы и счастливы. Целую Вас крепко, крепко, крепко, много, много раз. Любящий вас Марк и папочка.

17 марта 1945 г.

Мои любимые Нюсенька, Миконька и Виталинька!

Я вам, мои дорогие, очень часто пишу. День стал больше, и поменьше стал ходить, и в минуту одиночества хочется с вами поговорить, хотя бы письменно. Ты как-то писала в письме, что я не уделял вам внимание, будучи у вас, и в следующем письме пишешь, как это посчастливилось вселиться. Отсюда сделай, моя родная, сама заключение, как я был озабочен и удручен. Я все боялся, что не вселю, а когда оно осуществилось, я от удовлетворения, считал что я могу уже ехать, (т. к.) моя главная миссия уже выполнена.

Факт, (что) по приезде сюда я начал заниматься тем, что писал всюду в отношении вашего обеспечения. Правда, это далеко мне не достаточно, но это было в пределах моих возможностей. Один перевод — присвоила одна подлая женщина, не выполнила поручений. И вот ты действительно страдала пару месяцев, а тебе, моя родная, казалось, что я был как чужой, что неужели я не хотел быть с вами еще немного. Меня требовала армия (и) совесть, и тут же, глядя на вашу жизнь и меня это не тревожило?

Отсюда сделай сама надлежащий вывод…Что касается следующего отпуска, это безнадежно. Уж лучше помечтать летом совсем приехать, и остаться с вами навсегда.

Приближаемся к концу ликвидации подлой Германии. Нужны еще сильные удары, чтобы сломать окончательно фашистских людоедов.

Я вчера получил от Миконьки открыточку. Он писал в тот день, когда Саррочка уезжала. Через него я узнал, что Саррочка была 7 дней, и целый ряд подробностей по дому. Как он все логично и разумно пишет. Он что, дает тебе почитать до отправления, или нет? Он пишет мне обстоятельно обо всем, он тебя в деталях превосходит. Надо гордиться таким парнем, правда, он на меня похож во всех отношениях?

После нескольких дней таяния, опять к ночи берет мороз, и появляется маленькая луна. Как-то приятнее, но зато всегда в лунной ночи действует активно авиация. Уже появляются немцы и немки. Отдельные старики говорят, что это кара — от Бога, за содеянные немцами злодеяния. Что с того, что они признают свою вину. От этого мертвые, задушенные, не встанут с могил, яров и рвов. Города и села превращены в груды руин и мусора. В большинстве случаев — каменные постройки и черепичные крыши, вроде чердачные 2-й и 3-й этажи. Что-то бессмысленное. И вот в этих-то домах мы и живем с полным комфортом. Раньше немчура у нас отсиживалась, а теперь мы у них, и с полным здравым утешением, вот и Возмездие.

Я как-то просил переписать те книги, что тебе послал. Потом меня интересует, сколько штук тетрадей Миконька получил во 2-й раз. Я послал 10 и 15 штук, ровно 25. И Алику и Юрику отдельно, и большой целый рулон бумаги, карандаши. Это я послал со старого места. Уже прошло два месяца. Потом (и) фотокарточку, а под-

утверждения я не имею. Стало быть масса писем пропала, и очень жаль.

Письма не отправил, ожидал от тебя письма. Чем это объяснить, что так редко пишешь? Вчера получил письмо из Киева от Нины Ивановны Дамаскиной. Она пишет, что портниха умерла, и не у кого уже взять сведения. И еще она пишет, что она дала Семочке документы своего отца, по фамилии Кизименко Иван Григорьевич. Эти сведения я послал в Н. К. О., одновременно ссылаясь на партизанские отряды.

На улице дождь, неприятно, а переезжать надо. Мне хочется еще один день побыть здесь, все дела справить, и тогда (ехать) со спокойной душой. Очень у меня волнующаяся натура, сон не берет. Послал Эренбургу снимок о фашистских злодеяниях по неизвестному гетто. На снимке согнанные евреи, от мала до велика. Ну, на этом все. Будьте мне здоровы и счастливы. Обнимаю и целую вас крепенько, крепенько много, много раз. Любящий вас Марк и папочка.

Постскриптум.

Лысин с его частью едет теперь восстанавливать в тыл, в Белоруссию. Они от нас открепляются. Оно имеет и плюсы и минусы. Хорошо тем, что семья сумеет к нему подъезжать. Что касается питания и всяких дополнительных фронтовых и трофеи, отпадают.

Как поживают Цейтлина, Волынские и Утевская, и другие соседи двора? Видишь ли ты Самокиш? Сумей к ней подойти так, чтобы она рассказала, куда девались наши вещи?

Пришли мне фото, имена и отчества по паспортам Левы, Юзи. Береги детей, не оставляй их одних, всюду бывай только с ними. Это моя самая убедительная и требовательная просьба. Целую снова крепко, крепко.

Марк.

Только что занесли письмо от 2.03, где пишешь, что Виталинька завтра именинник. Как жаль, что ты еще не имеешь первой посылки. Там ведь в основном сало, то, что вам необходимо. Я доволен, что Рая будет жить опять с тобой, вы же старые соседи. Если она не возражает, чтобы Миконька учился музыке, и у нее упражнялся.

Хорошо, моя милая, что у тебя тяга к культуре и уюту. Все надо — с расчетом и целесообразностью. Я начинаю опасаться,

что тебе еще что-то захочется. Одно тянет другое. Если это буфет, то купи, а то ведь все валяется.

Целую, целую крепко, ваш папочка.

…жаль, быть на Кавказе, и дальше, и не освободиться, это ужас.

Если Гончаровы выберутся, будет очень хорошо. От нового жильца требовать (прописку).

Письмо Л. П. Басса Ц. В. Малой (Шустер)

[не ранее 20 июля 1944 г.]

Дорогая тетя Цюпа!

Получил от вас первое и такое теплое письмецо. Большое вам за это спасибо. Сейчас я сижу в землянке и при свете коптилки пишу Вам ответ. Находился я все это время в Горьком, преподавал в военном училище. На одном месте мне надоело сидеть (да, но нужно хоть повышаться в чинах и должности), и по моему рапорту меня отправили в Москву, где я находился 8 дней. Я специально ездил к Вам на квартиру, она была на замке. В Москве я побывал везде. Меня хотели оставить в Москве в моем Управлении (бронетанковых войск), но я не согласился, и попросил отправить меня на фронт. Из Москвы поехал я в Нежин, а оттуда я переехал в Белоруссию, где и нахожусь сейчас. Вчера у меня — большая радость. Я получил от моих родных сразу 8 писем и Ваше письмо, из которых я узнал, что они уже находятся в дороге. У меня как будто тяжесть спала с плеч, я им все это время помогал деньгами. У них мой аттестат денежный.

За это время я много повидал разрушений, которые причинили нам немцы. Я был в Минске, где не осталось ни одного большого дома, где буквально камень на камне. Здесь недалеко есть деревня М. Тростянец, где немцы замучили 400 тысяч наших людей. Этот лагерь смерти стоит наравне с лагерем смерти в Люблине[1]. Но ничего, здесь их (немцев) тоже немало побито. Здесь и сейчас валяются их трупы. До Берлина осталось недалеко. Да и я скоро приму участие в их истреблении. На этом заканчиваю. Привет дяде Аркадию. Целую Вас, Леня.

* * *

[1] Имеется в виду Майданек, освобожденный 20 июля 1944 г.

«ГОРОД РАЗРУШЕН. ВСЕ ЕВРЕИ РАССТРЕЛЯНЫ»

И. М. Мазур

Мазур Израиль Моисеевич *(1923–1945) — родился в г. Москве. Гв. старший лейтенант, офицер разведки 352 Гв. с. п., 107 Гв. с. д. Участник обороны Сталинграда. Погиб в бою в апреле 1945 г. в Австрии, похоронен на юго-восточной окраине дер. Кайзердорф.*

В Музей Холокоста в Мемориальной синагоге на Поклонной горе письма и фотографию передал А. И. Ландсман (г. Москва).

Мазур Моисей Вениаминович (1895–1957) — отец И. М. Мазура, участник обороны Сталинграда.

Письмо М. В. Мазура И. М. Мазуру

14 апреля 1943 г.

Мой родной Сид[1]. Мало кто меня так радовал, как твое письмо. Как хочется, чтоб ты был совсем, совсем здоров и чтоб ты был со всеми нами. Буду надеяться, что встречу тебя бодрым, здоровым, крепким.

Должен сообщить тебе радостную весть: я награжден орденом Красная Звезда.

Приказ об этом подписан Командующим фронтом Генерал-полковником Рокоссовским. Кроме того, я, как и все из нашей части, получил медаль «За оборону Сталинграда».

Алик сражался на Сталинградском фронте, был дважды ранен, не тяжело. Сейчас вновь в своей части. Его адрес: ППС 2146, часть 222. Теперь все адреса меняются. Его адреса нового я не знаю, когда узнаю, сообщу. Пока пиши по старому. Я буду очень рад, а он будет счастлив, если ты ему напишешь и поздравишь.

[1] Так М.В. Мазур называет сына, Израиля Моисеевича.

Я сейчас с нашей частью в том же городе, где был в прошлом году в это же время. Город разрушен. Все евреи расстреляны, молодежь уведена в Германию. Жаль Ростова.

Я, Сид, только что вернулся из Уфы. Валечка уже большая девочка, разумная, умная и развитая. Симочка неплохо выглядит, работает. Там же Саня и Тоня. Саня работает бухгалтером, живет вместе с Симой и Валей. Тоня в мединституте, на 4-м курсе. Я их всех крепко поддержал.

Был в Москве у Илюши, послал письма и кое-что из съестного маме.

В общем, наши живут сравнительно неплохо, но все же нелегко.

Пиши, Сид (по новому адресу).

Целую. (Подпись автора письма)

Письмо И. М. Мазура своему другу

26 июля 1943 г.

Дорогой Илья!

Сейчас получил твое письмо. Очень рад, что удалось восстановить переписку. Спасибо за поздравления.

Живу неплохо. Недавно был ранен в руку — ходил в разведку, и пуля зацепила.

Как раз в тот момент, когда я поднял ракетницу, чтобы дать сигнал на обход. 20 дней был в госпитале, а сейчас опять работаю. Тут пока тихо. События зацепили нас только немного. Пленных мало, и по моей основной специальности делать почти нечего. Вот сегодня был один — Paul Albrecht, инженер-гидротехник, а ныне — обер-ефрейтор, 24 лет. Лежит парень, никак не может прийти в себя, от того что находится в плену.

Немцы пришли воевать: все говорят в один голос, что хотят мира.

Армия Гитлера заживо разлагается.

Свою медаль «За оборону Сталинграда» я, к несчастью, потерял.

Но скоро, наверное, получу медаль за взятие Харькова или Белгорода (если, конечно, таковые будут учреждены)

В общем, под украинским небом тут жить неплохо. Сейчас лето в полном разгаре — тепло, цветут цветы и поют птицы.

Как там у вас, на севере? Как ты живешь, когда, наконец, сможешь уехать с севера?

До свидания, пиши.

P. S. Маша живет в Москве, там же (ул. Казакова, 29, кв. 15). Работает. Была донором — это давало ей рабочую карточку. Но сейчас по состоянию здоровья (истощение, как я понимаю) врач запрещает ей давать кровь.

Все пишет, что хочет лишь меня видеть. Ведь я уже год как на фронте. Но об отпуске нет и речи.

* * *

« МНЕ МСТИТЬ НЕМЦАМ НАДО КРЕПКО, ВЕДЬ Я ЕВРЕЙ»

Заславский Яков Моисеевич *(1921–1944) — родился в г. Москве, учился в Художественном училище им. 1905 г. Призван в армию 23 июня 1941 г. С 5 июля 1941 г. — курсант Артиллерийской Академии им. Ф. Э. Дзержинского. В 1942 г. ему присвоено звание лейтенанта.*

Я. М. Заславский (второй слева) с товарищами по госпиталю. 1 ноября 1943 г.

На фронте — с мая 1943 г. Дважды был ранен. Командир взвода управления 11-го минометного полка. Скончался после тяжелого ранения в бою 26 июля 1944 г. в Литве. Был захоронен на кладбище дер. Мижаны Кошедаряйского района Литовской ССР. В июле 1947 г. был перезахоронен в Москве на Востряковском кладбище.

Письма адресованы матери, Заславской (Левиной) Мильде Яковлевне и отцу, Заславскому Моисею Марковичу в г. Москву.

Часть писем была опубликована в журнале «Знамя», № 7, 1987 г.

Письма, фотографии и рисунки в Музей Холокоста в Мемориальной синагоге на Поклонной горе передала двоюродная сестра Л. С. Зимоненко (г. Москва).

27 апреля 1943 г.

Ряжск.

Здравствуйте дорогие мамочка и папочка!

Пишу вам с дороги третье письмо. Никак не могу дождаться, когда напишу письмо из Москвы. Едем по-прежнему весело. Устраиваем каждый день концерты: поем, танцуем. Читаем книги — в общем, проводим культурно время. В прошлом письме я писал, что научился хорошо стрелять. Вчера на большой стоянке с пятнадцати шагов я выстрелом из револьвера вбил в ствол дерева гильзу из-под револьверного патрона. Из трех выстрелов сбил на лету двух ворон. Как видите, результаты неплохие. Но они могут быть еще лучше, когда вместо вороны будет мерзавец — фриц, тем более что фриц намного больше вороны размером. Дорогие! Пока новенького нет ничего. Как будет, напишу. За меня не волнуйтесь. Смотрите за собой. Пока все. Всем привет.

Целую крепко, крепко, Яша.

20 мая 1943 г.

Здравствуйте, дорогие мамочка и папочка!

Наконец-то я получил фотографическую карточку. Сдерживая свое слово — шлю ее вам. Скоро получу другую карточку. (Там я в шинели). Как видите по карточке, физиономия у меня доволь-

но полная. Только вот получился я сердитым. Это только получился. На самом деле я никогда таким не был и вряд ли буду. Правда, я стал намного серьезнее, чем раньше — ну что ж пора, ведь жениться скоро. Только вы не волнуйтесь, это я шутя. У меня еще голова на плечах есть и весьма не дурная. Про жизнь свою писать много нечего. Работы хватает. Кормят замечательно. Хожу «денди Лондонским». Хвалиться не буду, но когда ходишь по улице или еще где-нибудь, многие мамзели и мадамы не дают прохода. Конечно, многие из нас «грешники», еще в добавок молодость, да такое время, что люди стремятся взять от жизни все возможное. Это и не плохо. Но, по-моему это не хорошо. Лучше сейчас взять все от науки, от оружия, чем вооружила тебя Родина, и громить немецких прохвостов до полного их уничтожения. Когда кончится война, вот тогда, пожалуйста, хоть на голове ходи. Исполнил долг перед Родиной, можешь гулять без угрызения совести. Я лично так думаю. По-моему, так только надо понимать современный момент жизни. Да, потом без ордена нельзя быть. Значит, надо его добиться знанием военного дела, а поэтому надо учиться, повышать свои знания. А знаниям нет конца. «Век живи — век учись», так ведь? Мамочка, сейчас война, все может быть. Но хотелось бы всем вместе праздновать победу над врагом в родной Москве. Пишите дорогие, что новенького. Как здоровье. За меня не волнуйтесь. Мстить немцам надо крепко. А мне в особенности, ведь я еврей. Немало покалечили и убивали гитлеровские гады невинных людей, ну что ж, духом падать нельзя. Лучший способ устранить страдания, это уничтожить фрицев, и чем больше, тем скорее наступит счастливая жизнь. Всем привет. Целую вас крепко, крепко, Яша.

7 сентября 1943 г.

Здравствуй, дорогая мамочка!

Извини, что я так долго тебе не писал, чем причинил тебе некоторое волнение. 4 сентября 1943 г. меня ранило бомбежкой с воздуха. Ну не отчаивайся, дорогая, меня ранило легко. Письмо сам писать не могу, так как ранен в правую руку. Ты меня всегда просила, чтобы я честно выполнил свой долг перед Родиной. Его я выполнил. Единственное, что жалко, — это то, что я был на фронте недолго и поэтому не истребил столько фрицев, сколько желал

бы. Ну, ничего, мама, мои товарищи бойцы поклялись уничтожить фрицев за мою раненую руку. Самочувствие мое отличное, и врачи говорят, что ранение не представляет никакой опасности для руки. По этому адресу ты мне не пиши, так как меня переправляют из одного госпиталя в другой. Надеюсь, что попаду в Москву, так что, дорогая мамочка, за меня не волнуйся, я скоро выздоровею. Ведь наша порода долго не болеет. Еще и еще раз прошу не волноваться за меня, за мое здоровье. Всем, всем привет. Целую крепко, крепко, Яша.

Письмо Я. Заславскому от школьного учителя рисования

16 сентября 1943 г.

Привет из Москвы, мой дорогой, бывший мой ученик Яша!

Желаю тебе и всем, всем твоим товарищам на ратном подвиге больших боевых успехов, бодрого настроения, здоровья и всех остальных благ. Я очень рад, что твоя мама, прекраснейшая Мильда Яковлевна, опять в Москве. Мы видимся часто, и первые и последние фразы в наших разговорах всегда о тебе, все о тебе. Вместо давно прошедших, жутких бомбардировок, Москва теперь, почти каждый вечер ликует, салютует трехцветными фейерверками, ракетами и грохотом 120 орудий в честь наших блестящих побед. Когда-то гитлеровцы двигались на восток, воображая из себя восходящее светило, теперь вы гоните их на запад, как заходящий смрадный коптильник. Скоро Гитлеру «капут»!

Дорогой Яша, у меня к тебе просьба: сделай мне побольше набросков на темы Отечественной войны, свой автопортрет, и портреты товарищей. Мне очень, очень понравились твои рисунки, которые ты присылаешь маме. Я буду помещать твои рисунки в учительскую стенгазету. Попроси и своих товарищей, которые умеют рисовать (хотя бы и на «посредственно») присылать мне наброски. Присылайте побольше и почаще. Буду глубоко благодарен. Размер в ширину не меньше 10 и не больше 12 сантиметров. Высота может быть любая. Я надеюсь, что моя просьба будет исполнена. Главное — побольше количеством. Ваши наброски я, кроме учительской газеты, буду помещать и в ученические. Работаю я в данное время в женской школе (ты, наверное, Яша, знаешь, что у нас

теперь дети учатся раздельно по полу: в мужских и женских школах). Я работаю в женской. Присылай рисунки и письма по адресу: Москва, 3-й Самотечный пер., дом 14, 191-я школа.

Буду ждать то, что прошу в самом скором времени.

Жму руку, целую.

Учитель Николай Николаевич.

Посылаю тебе немного бумаги для рисунков.

25 июля 1944 г.

Здравствуйте, дорогие мамочка и папочка!

Сейчас у меня большая радость. Я получил много твоих писем: открыточку № 63 и письмо № 63. Открыточку № 67 и письмо № 67 и открыточку № 68 и № 66, а также открыточку от Абрама Давыдовича и от Люси Варшавской. Передай мой сердечный привет и извинись за меня, нет совсем времени. Был я в родном городе Розы, немцы его сильно исковеркали. Был в городе недалеко от твоей родины, мамочка, про который ты упоминала в письме № 67. Я даже погулял в нем. Очень красивый город, немцы не успели его испортить. Теперь про немцев, которых проводили по Москве. Мамочка, в плен мне их брать нельзя, ведь я не в пехоте. Но и те, которые попадаются на глаза, тем уже капут. Насчет девочек, будь уверена мамочка, что все в порядке, я еще головы не потерял. По этому поводу ребята надо мной смеются, называя меня рыцарем «Каменное сердце», на это я им отвечаю, что сердце у меня может быть нежнее и мягче, чем у них, но сейчас война и надо придержать свой донжуанский дух. Живу по-прежнему отлично. Двигаюсь все время вперед на запад. На Германию! Очень рад, что вы, дорогие, ни в чем себе не отказываете. Справки из Академии я еще не получил, может быть в части получили? Но они бы сообщили бы мне тогда.. Если поймаю фотокорреспондента ТАСС, обязательно передам привет всем вам, дорогие. Рад, что имеете скидку на товары. Ради шутки напишу вам стишок про «усы». Называется «Посудите сами»:

1) Очень короток мой стих.
Посудите сами —
средь гвардейцев молодых —
многие с усами.
2) Хоть неловко говорить,
посудите сами —
водку тоже можно пить
без усов … с усами.
3) Если девушку любить,
посудите сами —
мне казалось можно быть
без усов… с усами.
4) Будем просто говорить,
посудите сами —
мне казалось, лучше быть
все-таки… с усами.

Вот пока все мои новости мамочка, я верю в нашу счастливую звезду и светлое будущее. Смотрите, не волнуйтесь. Будьте молодцы. Всем, всем привет. Целую крепко, крепко.

Яша.

P. S. Да, от дяди Фимы ничего пока не имею.

Письмо М. Я. Заславской однополчанам сына

22 августа 1944 г.

Дорогие товарищи!

Обращаюсь в часть, где служил мой сын лейтенант Заславский Яков Моисеевич, прошу вас, сообщите мне, кто знает что о его судьбе, так как не имею от него письма. Зная аккуратность своего сына, очень волнуюсь. Умоляю вас, дорогие, напишите подробно, я хочу все знать и должна все знать, т. к. мне будет легче, ибо неизвестность мне переносить труднее. Если случилось ужасное, не волнуйтесь мне сообщить, ибо я крепкая, стойкая мать, любящая своего единственного сына, вот поэтому хочу знать все. Еще раз, дорогие, умоляю вас не оставить мою просьбу без внимания, буду с нетерпением ждать ответа. Ваше сообщение не будет для меня неожиданностью. Заранее благодарю, желаю вам счастья, здоровья и успехов в боевых делах, счастливого возвращения к своим близ-

ким, родным. Еще и еще раз прошу, не оставляйте мою просьбу без внимания. Заранее благодарная мать.

Заславская М. Я.

Мой адрес: Москва, Сретенка, Пушкарев пер., № 11, кв. 3. Заславская.

P. S. Посылаю конверт и бумагу для вашего письма, товарищи, дорогие, пишите все, все, что знаете до последней минуты жизни моего дорогого сыночка.

Письмо Г. С. Еремина родителям Я. М. Заславского

5 ноября 1944 г.

Уважаемые товарищи родители лейтенанта Заславского!

Очень извиняюсь, что не смог вам ответить на ваше письмо своевременно. Ряд боевых причин не позволили мне этого. Итак, вас интересует, в каком состоянии был ваш сын после ранения. Он был в полном сознании, я с ним разговаривал. Он рассказал мне обстоятельства, при которых был ранен. При каждом ранении потеря крови неизбежна, а лейтенант Заславский потерял ее немало, так как он лежал под обстрелом и не мог сам выползти, пока его не вынесли. Особенно я ничего не могу сообщить о нем. Находились мы с ним вместе несколько месяцев. Не раз были в боях еще под Витебском и на подступах к границе Германии. Вместе были и в бою 25 июля 1944 года, где его ранило, но в момент ранения я его не видел, он отстал с комбатом и одним разведчиком, а мы прошли вперед. И всех их трех ранило, а разведчика после убило насмерть. Они встретили немцев, отступавших из лесу, и приняли с ними бой. Мы уже были впереди их схватки. Следовательно, я и не мог ему, своему другу по оружию, оказать помощь и увидел его там, но вечером, раненого. Человек он был, действительно хороший, веселый.

С приветом к вам — товарищ Вашего сына Еремин Георгий Степанович [Подпись].

Жив буду, обязательно побываю в Москве и к вам зайду, расскажу все подробно.

* * *

«Я ИЗ НАШЕГО РОДА ОДНА ДЕВУШКА-ВОЯКА»

Б. М. Зельбет, 1943 г.

Зельбет Бэла (Берта) Моисеевна *(1924 г. р.) родилась в г. Осипенко (ныне Бердянск, Украина). Училась в Московском институте стали им. Сталина (ныне Московский институт стали и сплавов). В сентябре институт эвакуировали в г. Сталинск (ныне Новокузнецк) Кемеровской обл. В марте 1942 года подала заявление в военкомат с просьбой отправить ее на фронт. Окончила 66-ю школу младших авиаспециалистов по специальности радиотелеграфист, была отправлена на фронт. Сержант. Воевала в Восточной Пруссии в составе авиационного соединения, затем — гв. танковой части, была ранена. Весной 1945 г. после госпиталя участвовала в штурме Кенигсберга.*

Письма адресованы отцу, Моисею Самойловичу Зельбету, младшей сестре Анне (Нюсе) и подруге Зинаиде, которые находились в эвакуации в г. Дербенте. Письмо из г. Осипенко (22 января 1944 г.) также адресовано Моисею Соломоновичу в г. Дербент, написано его соседкой.

Письма и фотографии передала автор (г. Москва).

25 мая 1943 г.

Здравствуйте, дорогие!

От вас, видно, не дождешься писем. Но чтобы вы не скучали, напишу сама. Живу там же. Ничего нового.

Вчера ходили на бывшие передовые, немецкие и наши. Картина боя во всей ее неприглядности, со всеми ее ужасами предстала перед нами. Здесь после изгнания немцев люди еще не ходили, да и ходить опасно — поле минировано. Трупы (уже изгнившие скелеты) так и лежат нетронутые. Огромное количество боеприпасов сохранилось в старых блиндажах, дзотах. Гранаты, мины, снаря-

ды, патроны, винтовки… Я научилась хорошо стрелять из боевой винтовки, и чем больше стреляю, тем больше люблю ее. Развороченные взорванные танки французские, немецкие, наши одиноко чернеют над зелено-рыжим полем. Ходишь по этому страшному кладбищу, смотришь на обуглившийся березовый лес и думаешь: сильна смерть, а все-таки жизнь пробивается сквозь ее черное покрывало. Все же на этом поле зеленеет трава, кусты, даже фиалки цветут под обугленной березой. И умереть не так страшно.

Хорошо, что вам ничего не приходится этого видеть, и такие мысли не приходят в голову.

Мне хочется, чтобы ваша жизнь была хорошей, светлой, чтобы никакие печальные мысли не приходили на ум, чтобы вы верили в свое хорошее будущее, чтобы Нюську не тревожили никакие заботы. Подробно пишите о вашей жизни, о здоровье. Не беспокойтесь обо мне, больше заботьтесь о себе, работе. Целую вас крепко-крепко, мои любимые.

Бэла.

17 августа 1943 г.

Дорогие Нюська и папочка!

Я сегодня получила от вас открытку и письмо. Письмо от Нюськи. Очень хорошо, что оба написали мне. Я последние дни так поглощена была работой, что забыла о письмах и долго никому не писала.

О своей жизни сейчас я не могу сказать ничего плохого.

Все как будто нормально.

Работы было по горло, сейчас меньше. Дежурю я с одной девушкой, которая только кончила курсы радистов, стажируется. Дежурим в две смены, особенно утомительно сидеть ночь — но я уже привыкла к новой работе. Остальное время уходит на беседы, политзанятия, боевые листки. Несмотря на большое количество разного рода политзанятий, я все же чувствую, что отупела, стала несообразительной, память — как решето.

Вы можете этому не поверить, но, к сожалению, это факт, неприятный и осознанный. Очевидно, влияет характер работы, а может и сама виновата, что так опустилась.

Главное-то работа, а с ней я справляюсь как-будто ничего.

Радует то, что в успехах, о которых ты и Нюська хорошо знаете, косвенная доля нашей работы есть. Люди, которых мы обслуживаем, — замечательные люди. Я считаю честью работать для них — все орденоносцы, герои.

Пишете, что Шура тоже получил медаль, а почему же не пришлете его адрес? Я хоть поздравлю его.

Я из нашего рода очевидно одна девушка-вояка. Как живет Алла, чем занимается? Скоро ее родной город тоже будет освобожден.

А когда же наш городок появится в списках освобожденных? Вот бы мне попасть на этот фронт, с которого начнется освобождение наших краев. Это только мечта. Еще я мечтаю увидеть вас, моих любимых, увидеть старых друзей, Романа Кондратьевича, Женю. Нюська стала совсем взрослой и самостоятельной — это я чувствую по письмам: жду фотографию пуськину и Нюськину. Мой совет, Нюсик — папу не оставлять одного, учиться в Дербенте. Если есть техникум — в техникуме. Нет — кончать школу. Но учиться обязательно, настойчиво и хорошо. Это не только совет, это мое искреннее желание.

Я не такая идеальная, как вам бы хотелось меня видеть — все та же маленькая Бэлка, у которой и всего-то достоинств, как говорят, глаза да волосы.

Но тебя я хочу видеть большой, здоровой, умной, решительной, подвижной. Ну, теперь напишу стихотворение, последнее из написанных.

ДЕВУШКЕ

Мы с тобою, девушка, где-нибудь встречались —
С золотыми искрами карие глаза,
Как лучи весенние весело смеялись,
И берет малиновый медленно сползал.

Может быть, весеннею ласковой порою
Ты случайно в Киеве улыбнулась мне.
А, быть может, девушка, встретился с тобою
В дни войны суровые в беспокойном сне.

Вдруг вчера увидел я твой портрет в газете —
К нам в землянку темную солнце ворвалось:

Та же, темноглазая, только не в берете,
А в пилотке летчика на шелку волос.

Вспомнили товарищи о своей дивчине
Вытер слезы радости твой отец-старик.
В этот час, наверное, ты идешь к машине
В шлемофоне кожаном, летчик-штурмовик.

Над тобою, смелою, тучи помрачнели
Их края свинцовые луч позолотил.
Поведешь уверенно и спокойно к цели
Свой дано изученный и послушный «Ил».

Дни пройдут суровые… Будут дни погожие!
По свободной родине я легко пройду.
И тогда тебя я, славную, хорошую —
Хоть за облаками — все равно найду.

Ну, всего дорогие. Жду писем, фотографий. Вы, вот пишете, мой портрет сделали. А мамочки портрет есть у вас? Обязательно сделайте.

Целую вас крепко, ваша маленькая Бэлка.

Письмо соседей семьи Зельбет из г. Осипенко

22 января 1944 г.

г. Осипенко.

Здравствуйте, Моисей Соломонович и Еничка.

Получили от вас две открытки. Вы очень счастливы, что уехали и потому остались живы. Вы спрашиваете насчет вашей квартиры.

Дело вот как было. С приходом фашистских шакалов все квартиры эвакуирующихся и еврейские квартиры были описаны, и вся мебель и вещи были увезены властями. Так же поступили и с вашей квартирой. Спасти что-либо из мебели было невозможно, потому что был строгий приказ, за утайку вещей эвакуирующихся строго преследовали, вплоть до расстрела. Относительно тех вещей, которые остались у нас, то нас ограбили румыны. Пришли в квартиру, стали шарить по шифоньерам, комодам и взяли то, что им понравилось.

Есть свидетели, которые видели в руках у румын ваши вещи. Часть же ваших вещей осталась, можете приехать и убедиться в этом.

Много пришлось нам пережить за годы хозяйничания немцев, а еще больше пережили за 5 дней эвакуации немцами населения города. 12 сентября был по радио сообщен приказ, чтобы всем жителям города на следующий день на 12 ч. дня собраться на базарную площадь для всеобщей эвакуации, а если кто будет найден в пределах город после 12 часов, будет расстрелян. Люди растерялись, в панике не знали, что брать с собой. И вот люди, дети, старики, матери с грудными детьми под проливным дождем, какого не помнят еще бердянцы, шли на верную гибель. Кто не хотел идти притаились на горищах, зарывались в ямы. Замуровывались в погреба, спасались, кто как может, рискуя жизнью. Кто не мог идти, выбился из сил, того немцы расстреливали, невзирая на возраст. 5 дней в городе творилось что-то жуткое. Город был сплошным заревом. Все вокруг горело, дымилось, гремело, взрывалось, от дыма невозможно было спрятаться нигде. Наша семья спаслась в больнице, которая, к счастью, осталась цела. Город весь сожжен, нет ни одного большого здания. Центр сожжен дотла. Жутко пройти по городу, со всех сторон зияют отверстия вместо окон и дверей. В нашем дворе остались целыми, не сожженными, ваша квартира, наша и Спичаковых. Остальные все сожжены.

Дом Ивановых тоже сожжен. Не описать всего того ужаса, который царил во время хозяйничания немецких шакалов.

Теперь немного о себе.

Я, Женя, работаю 3-й год в больнице, в инфекционном отделении. Недавно была в военкомате, взяли на учет, выдали документ. Папа и Ваня работают (кустарничают) дома. Мама по хозяйству. Вот немного о нашей жизни. Пишите, как здоровье Енички, где находится Бэла? Сразу всего не опишешь, в следующем письме напишу еще. До свиданья, с приветом от семьи Ершовых.

Письма Б. Зельбет родным

22 октября 1944 г.

Здравствуйте, дорогие!

Получила сразу две открытки от папы. Хорошо, что у вас все благополучно, поздравляю, хоть и поздно, с новосельем.

У меня тоже как будто все в порядке. Наш фронт пошел в наступление, и я горжусь тем, что являюсь участником этого наступления. Ведь нам первым суждено будет вступить на прусские земли. У моих товарищей так велико чувство ненависти к немцам, что они обещают застрелить первую же немку, которая попадется им на глаза.

Нет, слишком гуманный наш народ. Ведь мы никогда не станем истреблять немцев, как истребляли они русских. А следовало бы, они заслуживают самой жестокой кары и мучительной, какую только способен придумать человеческий ум.

Не будь войны, я уж закончила бы институт, а вы спокойно жили бы в Бердянске и ждали летних каникул, чтобы вместе провести замечательное лето…

Сейчас я работаю с летчиками, которые стояли на аэродроме в Осипенко. Эти люди прошли сквозь огонь Сталинграда, они освобождали наши родные места. У меня к ним особенное чувство уважения именно за то, что они были в нашем городе. Простые, но замечательные люди. Они живут в постоянном риске, но этого не заметишь ни в их поступках, ни в характерах. Слово «смерть» потеряло для них значение и не заставляет их вздрагивать, как нас. Они бесстрашны — без этого нельзя быть летчиком. И как замечательно они воюют. Несмотря на ураганный огонь зениток, они чуть не садятся на головы фрицам. Под их крыльями идут вперед наши танки, пехота. Я знаю все это из работы и по их рассказам, кратким и скромным. Впрочем, я увлеклась описанием летчиков, не замечая того, что вас это может и не интересовать.

Приеду, много расскажу: ведь из памяти не вытравишь эти военные будни. Целую всех крепко. Бэла.

<…>

30 января 1945 г.

Здравствуйте, дорогие!

Думал ли кто-либо из нас оказаться так далеко от родных насиженных мест?

В детстве я мечтала войти в города Германии путешественником, а сейчас вхожу хозяином. Впечатления о Пруссии: пустые разрушенные города, воздух, пропитанные запахом гари, хорошая

шоссейная дорога от Кибартая через Эйдкунен, Шталлупенен, Гумбиннен, Инстербург[1]…

Я пишу об этом потому, что обстановка такая, своеобразная, напоминающая о том, что ты в чужих местах, в чужом немецком доме, и все в нем чужое, непривычное.

Работа у нас, так называемой «армейской интеллигенции», не особенно много. Наш народ увлекся собиранием трофейного барахла — ведь немцы, убегая, бросали в панике абсолютно все.

Освобождение Прибалтики. 1945 г. На переднем плане М. С. Редькин. ЦАЭ и АДМ г. Москвы

Меня лично это увлечение почти не задело, и трофеи попадают ко мне случайно. Почему-то неприятно подбирать эти брошенные вещи, — кажется, мы напоминаем фрицев, когда они наполняли свои вещевые мешки русскими вещами.

Ничего. Возвращусь домой, и все найдется, все наживется со временем. Ведь жизнь устраивается не количеством вещей, а умением человека работать, найти интерес к работе.

Я всю свою жизнь ищу пути к правильному разрешению вопроса об умении жить, но, кажется, слишком часто ошибаюсь.

Потому от всей души хочу, чтобы Нюська сразу стала правильным человеком, чтоб жизнь ее сложилась хорошо, интересно, полезно.

Поздравляю Нюську с днем рождения, желаю многих-многих лет счастливой жизни. Крепко целую ее и папочку.

Привет всем нашим.

Бэла.

[1] Ныне — города и села Калининградской обл.: Чернышёвское, Нестеров, Гусев, Черняховск.

Письмо Б. Зельбет подруге Зинаиде

19 июня 1945 г.

Зина, милая, здравствуй!

Большое спасибо за внимание — я получила много пересланных тобою писем и одно большое лично от тебя; первое — до него ни одного не получала, не знаю, что с ними произошло.

Просишь поподробнее — пожалуйста. Вместо того чтобы ехать и долечиваться, ушла в действующую под Кенигсбергом часть. Госпитального лечения было уже достаточно, я чувствовала, что могу нормально работать. Попала в замечательную гвардейско-танковую часть и приняла участие в боях за Кенигсберг, работала на рации в подвале дома, который содрогался от разрывов снарядов. Потом была в боях за порт Пиллау, а оттуда ушли воевать на косу Фриш-Нерунг. Зиночка, я знаю теперь, как доставался нашим каждый метр земли, как нелегко дается это слово «вперед», что такое противотанковые рвы и завалы и как они форсируются. Я за эти полтора месяца боев узнала и пережила больше, чем за все время работы на аэродромах и считаю, что вполне окупила работой все три года пребывания на фронте. Можно много рассказывать и о боях, и о замечательных людях, воинах настоящих, черных от дыма, запыленных, но не устававших. Изумительное командование здесь. Они, командиры, всегда были на поле боя, на передовой; десятки раз раненые, награжденные не меньше, но простые, с золотыми и честными душами люди.

<…>.

Теперь о том, что сообщила мне ты. Смерть Вити — для меня такая же маловероятная новость, как смерть Викторова, Пильщикова и многих других замечательных людей. Если остались живы мы, значит должны быть живы и они, ведь они значительно больше заслужили это право наслаждаться удобствами мирной жизни, чем мы. Я стояла и стою на такой точке зрения: лучше бы погибнуть мне, но остаться в живых тому, кто больше меня достоин этой великой награды — жизни.

Но уж раз осталась живой, значит надо хорошо построить свою жизнь. Прежде всего — учиться, получить специальность. И остальное все приложится само собой.

Новинки маленькие есть, но сейчас под рукой нет ничего, а откладывать письмо не хочется, пришлю позже.

Ну, дорогая, желаю тебе успехов в волейбольном деле (а в остальных делах, я уверена, ты действуешь успешно).

Поцелуй Аннушку и передай мое искреннее пожелание ей не терять бодрости духа и не унывать, если какое-либо пятнышко упорно не хочет сходить с кожи — не в нем беда, не в нем и счастье.

Привет всем девушкам, ребятам.

Целую, Бэла.

* * *

«УЧУСЬ РАЗЛИЧАТЬ ВЫСТРЕЛЫ НЕМЕЦКИХ ОРУДИЙ ОТ НАШИХ»

Г. Е. Юрьев, 1940 г.

Юрьев Григорий Ефимович *(1921–1945) родился в г. Коканде Туркестанской АССР (ныне Узбекистан). В 1943 г. окончил Московский медицинский институт и добровольцем ушел на фронт. С июля 1943 г. — начальник медсанбата, с начала 1944 г. — главный врач полка. Майор медицинской службы. Награжден медалью «За боевые заслуги». Погиб 8 февраля 1945 г., похоронен у реки Одер в дер. Шторков (Бранденбург, Германия).*

Письма написаны родителям и младшим сестрам Анне и Бетти.

Копии писем и фотографии передала в Музей истории еврейской общины Нижнего Новгорода (проект «Память имен») младшая сестра Б. Е. Раснецова (г. Н. Новгород).

8 августа 1943 г.

Действующая армия.

Здравствуйте, мои любимые папа, мама, Аня и Бетти!

Работаю я по-прежнему в медсанбате. В работу постепенно втягиваюсь, делаю переливания крови, внутривенные инъекции, ас-

систировал на 3 ампутациях, делал обработки ран, в общем, готовлюсь к большой работе.

Здесь спокойно, далеко слышен орудийный гул, учусь различать выстрелы немецких орудий от наших.

Таких явлений, когда слышно свист снаряда, о чем я вам писал, сейчас нет.

Утром нам сообщили очень приятную новость — Красная Армия взяла Орел и Курск. Поздравляю.

Я еще из Москвы написал хирургу Кощееву. Здесь я встретил одного врача, который работал в одном медсанбате. Говорит, что хороший хирург, но ругали его там за флирт — как будто бы даже он там женился. Узнав такие сведения, я усомнился в том, чтобы он желал иметь около себя знакомых жен. Жду писем от вас. Целую, Гриша.

10 февраля 1944 г.

Нюре. Действующая армия.

Здравствуйте, мои любимые, дорогие!

Анечка, получил от тебя письмо, датированное 30 января 1944 г.

Поэтому я очень обрадовался, т. к. давно уже не получал.

Да, моя милая, время летит необычайно быстро, уже скоро семь месяцев, как я на фронте. Пообвык, пообтесался, работаю неплохо. За прошедшие боевые операции я награжден медалью «За боевые заслуги», которая новенькая и блестящая, сегодня первый день сверкает на груди. И в то же время мне обещают 10 суток ареста за то, что при проверке моих лошадей в конюшне оказалась не совсем в порядке кормушка, что ли. Говорят, но приказа я еще пока не видел.

Ты спрашиваешь, куда тебе подавать заявление. Я лично советую ехать учиться в Москву. Приложи усилия, чтобы выдержать конкурс, если тебе придется сдавать экзамен, и найти жилье. И институты хорошие, и жить там будет лучше, чем в каком-то другом городе.

Несколько дней назад ходил в роту на передний край к бойцам, чтобы опросить, осмотреть их жилища, питание и т. п. Пришлось идти ночью, т. к. днем подступы к траншеям переднего края просматриваются и простреливаются.

Была ясная ночь, наполненная мягким сиянием лунного света, придающего ландшафту безжизненный, рисуночный характер. Доехали до батальонного медпункта. Встретил нас батальонный фельдшер. Для теплоты опрокинули по 100 г. беленькой. Дали нам сопровождающего, и мы отправились. По дороге выяснилось, что сопровождающий плохо знает дорогу и совсем не представляет места, просматриваемые и простреливаемые противником, по которым осторожности ради надо идти быстрым шагом или ползти. Несмотря на довольно хорошую для ночного времени видимость, добрались мы благополучно. Походили по траншеям, капитан, с которым я ездил, пострелял из пулемета в сторону противника, расположенного на соседней сопке. Я ясно видел поле траншеи, занятой противником. Побывали в блиндаже у бойцов, поговорили, затем отправились обратно.

Живу сейчас спокойно (в смысле опасности, угрожающей со стороны противника), но работы достаточно, не всегда она гладко идет, поэтому неприятности.

Самочувствие хорошее, на здоровье жаловаться нет оснований. Только жду не дождусь, когда приеду к вам, обниму всех вас.

Пишите ответ быстрее. Обнимаю, целую крепко. Ваш Гриша.

P. S. Да, меня приняли кандидатом в члены ВКП(б)

* * *

М. М. Мирмович, 1942 г.

«В ДВУХ ШАГАХ ОТ МЕНЯ ВЗОРВАЛАСЬ МИНА»

Мирмович Моисей Яковлевич *(1922–1943) — родился в мст. Шумячи Смоленской губ. (ныне — Смоленской обл.). Ушел добровольцем на фронт. Лейтенант, помощник начальника штаба полка. Погиб в 1943 г. под Новороссийском. Упомянут: «Книга Памяти. Смоленская область. Хиславичский район, Шумячский район», «Книга Памяти воинов-евреев, павших в боях с нацизмом», (т. 2).*

Родители М. Я. Мирмовича погибли в мст. Шумячи.

Письмо адресовано брату, Иосифу Мирмовичу (г. Москва), который передал копию письма и фотографию в Центр «Холокост».

12 октября 1943 г.

Здравствуй, дорогой брат!

Начиная писать письмо, я хотел тебя выругать так, чтобы ты уж понял, как нехорошо ты себя ведешь, как нехорошо это переживать. Вопреки твоим увериниям в том, что будто бы ты послал мне столько писем, что из них можно было бы составить журнал, я за последние несколько месяцев на этой неделе получил только лишь 2 письма. Чем это объяснить, что такое «огромное» количество твоих писем до меня не доходит, я не знаю. Вероятно, заблудились. Ну ладно, я думаю, что в дальнейшем ты это дело выправишь. Живу я неплохо, недавно получил повышение в должности. С 9 сентября по 23-е участвовал в нескольких боях. Так же участвовал в высадке десанта. Если все это тебе описать, то это тебе доставит очень мало удовольствия. При высадке чуть не... <накрылось?>. В 2 шагах от меня взорвалась мина, и представь себе, ни один осколок меня не задел. Лишь волной отбросило и маленько оглушило. Дня два-три ничего не слыхал, а затем все прошло. И сейчас чувствую себя хорошо. В отношении того, что ты спрашиваешь, где я служу или вернее какой части, то насчет этого я тебе неоднократно писал, что служу я в пехоте. И с артиллерией никакого дела не имею. Какого Мирмовича твой подполковник имеет в виду я не знаю, ты между прочим поинтересуйся. Ну о себе я думаю хватит. Как тебе известно, родина наша уже освобождена. В то же день я на имя председателя райсовета написал письмо с запросом. Со дня на день жду ответа. Ну, что тебе еще написать? Можно было бы еще очень много тебе интересного и поучительного написать, но мне сейчас очень некогда, еле выбрал время это письмецо написать. Да, посылаю тебе свое фото, притом учти, что это второй раз я его посылаю, с Чкалова оно пришло обратно.

Ну, на этом кончаю, будь здоров. Твой брат [Подпись]. Жду ответа.

* * *

«МЫ — СЧАСТЛИВЫЕ ЕДИНИЦЫ, УЦЕЛЕВШИЕ ОТ НЕМЕЦКИХ ПАЛАЧЕЙ»

Письмо пионеров — учеников школы еврейского партизанского отряда №106 (командир Ш. Зорин), действовавшего под Минском, — отправленное в 1943 г. по воздушному мосту И. В. Сталину.

Подлинник хранился в Центральном музее Вооруженных Сил. Печатается по изданию: «Пока мы живы, надо помнить…» // Автор-сост. Евгения Буторина. — Новосибирск: 2009

[не ранее 7 ноября 1943 г.]

Дорогому другу и отцу, любимому Иосифу Виссарионовичу!

От детей далекого тыла, организованных в пионерскую дружину партизанского отряда № 106.

Рапорт:

В день нашего торжества — открытия пионерского лагеря и школы, шлем Вам, наш вождь и учитель, свой пламенный пионерский салют.

Два года, приравненных к десятилетиям, мы прожили за колючей проволокой в лапах кровожадного зверя.

На наших глазах зверски уничтожались в тюрьмах, на виселицах, в душегубках и на каторге наши родители, братья и сестры. Разрушен наш любимый город Минск.

После долгих пыток, ужаса и страха небольшой горсточке ребят, которые искали пути спасения из фашистских лап, удалось вырваться и взамен погибших родных обрести новых друзей в лице партизан Белоруссии.

Мы, счастливые единицы, уцелевшие от немецких палачей, с болью в душе вспоминаем свое недалекое кошмарное прошлое.

Цепляясь за жизнь, опухая от голода, каждый из нас старался добыть себе пропитание… Но нас, советских детей, фашистским варварам не удалось поставить на колени. Среди нас, имеется много беззаветных маленьких героев. Вот Рива, ей 13 лет, она единственная уцелевшая, выбралась из-под груды окровавленных трупов, были расстреляны 130 человек, среди которых погибла ее мать.

У входа в землянку. Партизанская база. Белоруссия. 1943 г.
Фото М. А. Трахмана. ЦАЭ и АДМ г. Москвы.

Из 350 детей, зверски уничтоженных в детском доме в июле 1943 года, остались только трое — Миша и два брата Волк Зяма и Самуил, которые находятся среди нас.

Октябренок Яша вылез из ямы трупов, расстрелянных 7 ноября 1943 года…

Многие из нас, ушедшие в партизанские отряды, стали проводниками, вырывая из рук фашистского гада сотни советских граждан.

Находясь в пионерской дружине, мы обещаем учиться на «отлично» в нашей школе и, наряду со взрослыми, мстить за нашу Родину, за разрушенные города и села.

* * *

«ЭТИ «НОСИТЕЛИ КУЛЬТУРЫ» УМЕЮТ ВЕЛИКОЛЕПНО ВОЕВАТЬ СО СТАРИКАМИ И ДЕТЬМИ»

Атт Илья Самуилович *(1897–1980) — родился и жил в г. Речице Минской губ. (ныне — Гомельской обл., Белоруссия.). С 1916 по 1918 г. воевал на фронтах Первой мировой войны, с 1919 по*

И. С. Атт. Восточная Пруссия, 1945 г.

1921 г. — на фронтах гражданской войны. В 1941 г. с семьей эвакуирован в г. Острогожск Воронежской обл. Участвовал в оборонительных работах. Добровольцем ушел на фронт. С сентября 1941 г. служил в Управлении командующего артиллерией 31-й армии. Участвовал в боях на Калининском, Западном, 1-м Украинском, 3-м Белорусском фронтах. Войну закончил в звании лейтенанта.

Письма адресованы жене, Гите Берковне Пинской и детям в эвакуацию в г. Ташкент. Копии писем и фотографий передала дочь, Р. И. Сорина (Израиль).

27 ноября 1943 г.

Здравствуйте, дорогие мои Гиточка и деточки!

Сегодня получил твое письмо от 4.11.

Дорогая Гиточка! Как печально, что нам в этом году еще пришлось праздновать 26-й год Октябрьской революции в такой обстановке. Ты, наверное, немало слез пролила. Как тяжело вспоминать об этом, что мы находимся на таком далеком расстоянии, и мы не можем друг другу помочь.

Дорогая Гиточка! Душа болит за тебя и деточек, что вы очутились в таком тяжелом материальном положении, и кто его знает, когда будет конец нашим страданиям. Враг еще не разбит. Снабжение еще, очевидно, не скоро улучшится. С твоим слабым организмом тебе трудно переносить такие лишения. Милая моя! Жизнь показала, что думать о будущем нечего. Если есть возможность сейчас жить, то надо жить. Поэтому мое мнение и мой совет таков. Если есть у тебя дома ненужные вещи, мои в особенности, продай или замени на продукты, и сохрани свое здоровье и деточек. Дорогая Гиточка! Я знаю, что Сонька больна и нуждается в усиленном питании. Если есть хоть небольшая возможность помочь ей, то

не задумывайся и продай мой отрез на костюм и еще что-нибудь, и покупай, в особенности муку, чтобы не голодали. Если жив буду, то будет и одежда, голого домой не отпустят. Я уверен, что ты сама без меня учтешь и сделаешь все, чтобы сохранить себя и деточек.

Напиши, чем болеет Сонька и как ее самочувствие сейчас. Зайди в райком партии, узнай результат по моему заявлению и отношению редакции «Московская правда». У меня особых новостей нет. Я далек пока от нашего родного города. Куда двинусь, неизвестно.

Будьте здоровы. Целую крепко.

20 января 1944 г.

Здравствуйте, дорогие мои Гиточка и деточки! Уже давно не получал от тебя письма. Последнее письмо было от 30.5. Хотелось бы знать, работаешь ли ты и улучшилось ли хоть немного твое материальное положение. Не знаю, дорогая моя, чем бы тебе помочь. Я на днях просился в отпуск к тебе, но мне пока не дают, предлагают ждать, а сколько — неизвестно. В общем, в недалеком будущем буду знать, куда меня судьба забросит.

Миленькая Гиточка! За меня ты не беспокойся. Я жив и здоров, чувствую себя хорошо, питание отличное, дышу сосновым воздухом. Смотри же, дорогая, сбереги себя. Уже не долго осталось тебе ждать.

Гиточка! У Фролы был на квартире мой сослуживец и передал ей личный подробный привет. Она тебе напишет об этом, и ты убедишься, что я живу не только материально. Очень только беспокоюсь за вас, в особенности за тебя. Хотя есть пословица, что хрупкое дерево долго стоит. Буду надеяться, что и ты сохранишься для меня.

Напиши, дорогая, получила ли ты в письме деньги в мае, 400 и 350 руб., и в июне 200 руб.

Милая Гиточка! Я написал было в Речинский Горисполком о высылке, вызова и документа на проезд тебя и деточек в Речицу, но я получил ответ, что горисполком вызова не дает. Я им раз напишу, чтобы мне сообщали, кто все же может выдать документы на проезд, если не ответят, то напишу в Москву.

Напиши, дорогая, получаешь ли ты что-либо из огорода, и ходила ли в горсовет и райком насчет помощи.

Гиточка! Передай мою благодарность деточкам за письмо и за успешное окончание учебного года. Пожелаю им дальнейших успехов в учебе, и быть здоровыми, хорошими деточками.

Нусь, пока всего наилучшего. Крепко, крепко целую. Илья.

Посылаю бумагу на письма.

2 февраля 1944 г.

Здравствуйте, дорогие мои, Гиточка и деточки!

Вчера получил от тебя письмо за 25-е и сегодня еще одно письмо за 25.I. Дорогая Гиточка! Прочитав твои письма, я пришел к заключению, что ты опять пала духом, опять начала трепать свои нервы и без того расшатанные. Милая Гиточка! Напрасно ты преждевременно делаешь заключение о судьбе нашей мамаши. Я не сомневаюсь в том, что эти фашистские палачи могли расстрелять десятки тысяч ни в чем не повинных стариков, женщин и детей в Речице, но никто же тебе точно не писал, что в числе расстрелянных твоя мамаша. Если ей суждено жить, то она могла спастись. Ведь бывали такие случаи. Как только продвинемся ближе к нашему городу, то обязательно буду настаивать, чтобы меня отпустили на пару дней.

Гиточка, сейчас ехать — это далеко, и начальство меня не пускает. Ведь я уже был в отпуске, а очень многие офицеры за все время войны не были дома. Вот почему сейчас не могу требовать.

Я написал еще раз в горисполком, чтобы сообщил мне о судьбе наших стариков и дома. Подожди еще немного, я потом напишу в горвоенкомат, у вас там есть кто-либо из знакомых. Как видишь, дорогая, мы в начале войны, и не только мы, рядовые, но более умные люди ошибались, считали, что немцы не будут расстреливать женщин, детей и стариков, мирных жителей, но получилось, что эти «носители культуры», сволочи высшей марки, что эти садисты умеют великолепно воевать с мирным, беззащитным населением, особенно со стариками и детьми. Эти негодяи сейчас расплачиваются за свои поступки. Если бы знала, на что способны эти негодяи, разве оставили бы им хоть одного человека. Не считались бы с тем, что наши старики умерли бы в дороге, ибо они все равно не выдержали бы трудности эвакуации, но ни коим образом не оставили в Речице. В общем, дорогая моя, война эта ошеломила очень

многих. Ведь рассчитывали, что она протянется неделями, месяцами, а получилось годами, и еще не известно, скоро ли кончится. Мы, конечно, двигаемся все ближе на Запад, но еще эти сволочи сопротивляются, боятся расплаты и поэтому цепляются за каждый вершок земли.

Дорогая Гиточка! Ты не стесняйся, хладнокровно заходи в райвоенкомат и проси помочь тебе, пусть выдадут жмых или что-либо другое. Не нервничай, скажи, что если не дадут, то ты снова мне напишешь.

У меня нового нет. Нахожусь на старом месте, жив и здоров, чувствую себя хорошо.

Пока. Всего наилучшего.

Крепко, крепко целую.

Илья.

Посылаю тебе бумагу, конверты. Пиши по возможности чернилами, а то стирается и непонятно.

13 февраля 1944 г.

Здравствуйте, дорогие мои деточки, Сонька, Борик и Ремка!

Не имея возможности отвечать на ваши письма каждому в отдельности, я решил написать вам общее письмо.

Во-первых, дорогие деточки, спасибо вам за письма, и прошу в дальнейшем так же писать. Дорогие деточки, ваше предложение — вызов меня на соревнование — принимаю. Приложу все усилия к скорейшему разгрому нашего врага, проклятого фашиста, а вы учитесь на отлично и помогайте мамашке в ее работе и вашем воспитании. Будьте послушными и примерными детьми. Учтите состояние здоровья мамаши и материальное затруднение. Вы, как молодежь, не давайте мамке скучать, думать и нервничать. В свободное время помогайте в хозяйстве.

Дорогие деточки! Я знаю, что вам живется несладко, что порой не доедаете, что не имеете учебные принадлежности, и одеваться, как другие дети. Но, дорогие деточки, не падайте духом. Вам уже недолго осталось терпеть. Нужно надеяться, что враг уже скоро будет разбит, и вы заживете новой счастливой жизнью.

Дорогие деточки! Пишите по возможности часто.

Дорогие деточки, Борик и Ремка! Вы как старший братик и сестричка следите за Яшкой, учите его, играйте с ним и не давайте его в обиду другим деткам.

Дорогая Сонька! Тебе, конечно, об этом писать не буду. Думаю, что вы теперь в трудные минуты тесно спаяны с Бебкой и совместно помогаете маме. Еще больше крепите маму дружбой. Этим вы облегчите свою жизнь. Только в беде, в трудные минуты познаются друзья. Живите единой трудовой семьей, вооружитесь терпением и ждите моего прихода домой.

Ну пока хватит об этом. Пишите о ваших успехах в учебе, на работе. Пусть Бебка мне тоже напишет.

У меня нового пока нет, живу по-старому.

Крепко целую вас. Илья

* * *

«УСПЕЛ ЛИ ТЫ ЗА СВОЮ КРОВЬ И МОИ СЛЕЗЫ ОТОМСТИТЬ ВРАГУ?»

А. В. Кац

Кац Арон Вольфович *(1900–1944) — родился в г. Могилеве-Подольском Подольской губ. (ныне — Винницкой обл., Украина). В 1928 г. переехал на ст. Тихонькую (ныне г. Биробиджан). До войны работал в авторемонтных мастерских. Во время войны предприятие выпускало корпуса для мин. До сентября 1943 г. А. В. Кац имел бронь. Затем был призван в армию. Воевал на Калининском фронте. Красноармеец-стрелок 1083 с. п. Был тяжело ранен, скончался 26 февраля 1944 г. в военном госпитале в г. Торжке Тверской обл. Похоронен там же в братской могиле на Богословском кладбище.*

Переписка А. В. Каца с женой, Броней Иосифовной Гольдштейн и сыновьями Владимиром и Леонидом.

Б. И. Гольдштейн

Копии писем и фотографии передала внучка авторов Л. В. Комиссаренко (г. Биробиджан).

Письмо А. В. Каца семье

14 декабря 1943 г.

Здравствуйте, мои дорогие! Спешу вам написать, что благополучно проехал и нахожусь в Калининской области, постоянно или временно буду здесь, пока что мне не известно, и по этой причине адреса не могу написать, как только узнаю, тотчас же напишу. Как хотелось бы получить от вас весточку, но, к сожалению, не могу ближайшее время этого ожидать, зато со своей стороны буду писать каждые 2–3 дня, если обстоятельства позволяют, ведь я знаю, что с момента отъезда со Свободного, ты ежедневно встречаешь почтовика, с надеждой что-нибудь получить, правда, я в пути тебе телеграфировал и одно письмо послал, больше не было возможности. Посылаю тебе справку для оформления пособия, а также можешь претендовать на льготы как жена фронтовика.

<…>

Дорогой сыночек Вовуля! Твою просьбу выполняю и пишу тебе крупными буквами, спасибо за письмо, которое ты мне написал, и прошу в дальнейшем также продолжать часто писать. Я очень рад твоим успехам в учебе, продолжай, сыночек, учиться в обеих школах на отлично и я тебя вызову на соцсоревнование: ты будешь добиваться быть отличником в школе, а я отличником-красноармейцем, пиши, принимаешь ли ты мой вызов. Прочти эти строки Леничке:

Милый сыночек, Ленчук! Поздравляю тебя с днем рождения и желаю тебе расти здоровым и веселым мальчиком, прости за то, что не посылаю подарка — здесь ничего нет, постараюсь что-нибудь достать и отправлю.

А теперь будьте мне здоровы, живите дружно, не докучайте маме. Целую вас тысячу раз. Ваш папа Арон.

18 февраля 1944 г.

Биробиджан

Родной мой, любимый Арон! Лишь только вчера я узнала о постигшем тебя несчастье из письма, которое написала медсестра… Как хочется подробнее знать о тебе! Насколько серьезно ранение и когда это случилось? Пиши, родной, успел ли ты за свою кровь и мои слезы отомстить врагу (даже Ленечка этим интересуется…). Дома у нас все хорошо. Сравнительно мы зиму прожили неплохо… Самое страшное время уже прошло, днем солнце уже хорошо греет и сильно тает. Я уже начинаю думать о приближении весны и обработке огорода. Но я не падаю духом… Единственные заботы и волнения — это только о тебе, о твоем здоровье… Дорогой мой! Как бы тяжело не было твое увечье, не скрывай от меня. Я ко всему готова, и ты навсегда останешься для меня таким же желанным, как и был <…>[1]

* * *

«ВЫ ЛЮБИТЕ МЕНЯ ЗА ТО, ЧТО Я — ЕВРЕЙ»

Э. Ривош, сер. 50-х гг.

Ривош Эльмар *(1906–1957) — родился в мст. Крейцбург Двинского уезда Витебской губ. (ныне — часть г. Екабпилса, Латвия). Скульптор. С октября 1941 г. — узник Рижского гетто. Гетто разделили на «малое» — для работоспособных мужчин, куда попал Ривош, и «большое» — для остального населения, откуда на казнь в декабре 1941 г. увели его мать, жену и сына. Бежал, два с половиной года провел в укрытии, которое ему предоставила Эмма Приеде. В этот период вел дневник,*

[1] Письмо вернулось с пометкой «Адресат выбыл».

одновременно переписываясь со своей будущей женой Людмилой Знотынь, которая навещала автора в его убежище. Публикуемый текст включает именно этот фрагмент дневника в письмах к любимой женщине. Дневник частично был использован при подготовке «Черной книги» В.С. Гроссманом и И.Г. Эренбургом.

Публикуется по кн.: Эльмар Ривош. Записки // Сост. Г. Смирин. — Рига: 2006.

[Б. д., 1943 г.]

Поцелуй

Я тоже считаю, что поцелуй в губы — это первый знак какой-то близости между мужчиной и женщиной. Живя среди людей, на все смотришь иначе и часто не придаешь значения тому, чему, живя в одиночестве, посвящаешь дни и ночи. Совершенно не думая об этом, Вы месяцев семь-восемь назад после прощания со мной задержались в дверях и умышленно меня поцеловали в губы. Этот ничтожный знак симпатии для меня вырос во что-то и стал почвой для чего-то. Вы поцеловали мне руку. Для меня это было обидно. Я для Вас — эмблема, символ. Если Вы бы меня любили (дружески) за то, скажем, что я большевик, — это не обидно, но вы любите меня за то, что я еврей (без моего в этом участия и без заслуг), то это обидно. Вы ударились в крайность, в любовь, так же как Гитлер — в ненависть. Нельзя так обобщать — это та же расовая теория. Вы должны освободиться от этого психоза. Мы все люди, и, может быть, я заслуживаю презрения, но во всяком случае не любви за то, что я родился евреем, к тому же плохим. Благодаря бедности языка миллионы ощущений и чувств обозначаются одним словом — любовь. Все, что вызывает в нас приятное ощущение и чувство, мы любим. Мы любим лето, музыку, хорошо поспать, покушать, мы любим мать, друга, детей, животных, женщин вообще и данную женщину (или мужчину) в частности.

На самом деле эти все чувства, кроме фактора положительности, ничего общего между собой не имеют. Бывает, что и этот положительный фактор отсутствует, когда дело касается любви, которая является средним между желанием обладания и ненавистью.

И все это — любовь. Оставим себе только любовь человека к человеку, и у нас будут миллионы различных чувств. Чтобы не копаться в джунглях, оставим себе только любовь мужчины к женщине (и наоборот). Дружба и любовь тут так тесно переплетаются, что их трудно разделить. Мне кажется, что в каждой дружбе разнополой имеется сексуальный элемент. Фрейд это, кажется, пересолил, но многое в нем правда. Брат и сестра при дружеских отношениях тоже имеют много общего с любящими. Если мы возьмем идеальную дружбу, так она должна быть чисто духовной; мужчине же, если он дружен с женщиной, приятны чисто платонические ласки, прикосновения, поцелуи и т. д. С другом-мужчиной этого нет. Как далеко до любви (в эротическом смысле)? Так называемая дружба между мужчиной и женщиной может быть, если оба стары (в переносном смысле); если оба, т.[е.] каждый, совершенно удовлетворены в смысле любви; если у обоих любовь друг к другу в прошлом.

По большей части бывает, что одна сторона любит, но скрывает это, а другая сторона ценит — эротика [слово неразборчиво — *Сост.*] на свой лад. Дружба бывает [там], где оба друга имеют свою любовь, но чего-то им не хватает, чего-то им еще надо; значит, неудовлетворенное чувство, искание чего-то — тоже эротика, примеров можно привести тысячи. Теперь получается такое положение. Предположим, молодой мужчина и молодая женщина любят друг друга, как друзья. Это дает им некоторые права на близость — ласки, братские поцелуи.

Мы знаем, что, по всем законам природы близость такая вызывает влечение. Хорошие друзья это подавляют, врут себе, а чего не хватает до настоящей любви? Дружба, желание добра, душевная близость плюс физическое влечение — все факторы идеальной любви.

Но тут-то и появляется загадочность всей постройки, что, несмотря на все факторы, это может быть и не любовь (в полном смысле этого слова), а чего там не хватает, словами не объяснишь.

Говорят, этот человек способен на такую-то и такую-то любовь. Человек никогда не любит одинаково одну и ту же женщину (или мужчину), тем более разных. Любовь двух людей — это как смычок и скрипка. Одна любовь всегда меняется в зависимости от другой. Мы никогда не можем питать одинаковых чувств к двум людям, потому что они не одинаковы.

Пусть это Вам не кажется парадоксом если я, несвободный, постараюсь Вас — свободную утешать и укреплять духом. У Вас,

милая, очень нежная и чуткая душа, и Вы, как видно, не можете справиться с положением. Для Вас жизнь приняла нереальный вид — Вы живете прошлым. Поймите, прошлого нет. Это был сон, Вы проснулись. Не забывайте, что живете один раз. Постарайтесь найти интерес в сегодняшней жизни, Вы ведь еще не стары, чтобы киснуть. Знайте, что скоро может наступить день, где придется многое заново строить. Раз Вы от ударов судьбы не погибли, вы должны стать здоровой духом, старайтесь думать не о тяжелом, а о приятном…

Вы не знаете, как Вы богаты. Если бы Вы хоть раз чувствовали, как она (т. е. жизнь), убегает и вот-вот ее уже нет, тогда Вы бы ее оценили и пользовались бы ею.

17 апреля 1944 года

11 часов. Тревога. Смотрел, смотрел, но очень мало удалось увидеть. Видел, как стало светло, как днем. Неустанно думаю о тебе, моя бедная девочка. Наверно, страшно. Гром гремит. То дальше, то ближе. Все боюсь, не ударила ли бомба в твоих краях, но, кажется, пока так близко не кидали, но в любую секунду могут. Теперь как раз какофония звуков, моя будка вся дрожит. Хотелось бы тебя успокаивать теперь. Только что прожужжал совсем близко самолет. Теперь опять немного дальше стрельба.

Страшно, я же ничем и никак не мог бы тебя защитить, а все же кажется, что должен был быть у тебя. Если бы хоть на расстоянии мог бы тебя ободрить! Все стреляют. Опять приближается. Видно, в бессистемности полета есть специальная система. Ну, началось опять как следует, стекла дрожат, даже уши забивает. Видно собираются всю ночь барабанить. На слабые нервы такие ночи не слишком приятные пилюли, главное то, что все время меняется интенсивность — то совсем тихо, то опять чертова музыка. Когда стихает, собираюсь тушить [свет] и спать, тут вдруг опять начинается. Меня это трогает совсем мало, но волей-неволей прислушиваешься, а это мешает. Все думаю, как ты. Скорее бы тебя прижать к себе. Родная, любимая, ненаглядная. Не знаю, каким словом тебя назвать, такого слова, наверно, нет.

Дали отбой большой тревоги. Пойду теперь спать, моя ненаглядная.

20 апреля 1944 года

Ненаглядная, родная, любимая! Лежу, взял книгу для чтения.

Не мог читать. Проходит передо мной чудная сказка — твой приход, часы с тобой. Я сегодня уже тебе писал, но зачем молчать, когда во мне такая радость. Последнее, что я от тебя видел, — твои ноги, они быстро и живо прошли над моим окном. Вот я думаю, если нам суждено будет быть всегда вместе, мы с некоторой жалостью будем сознавать, что такие минуты в прошлом. В совместной жизни не может быть таких счастливых моментов.

Так ждать и так переживать минуты близости можем только мы, мы теперешние. Жаль, что счастье сильнее всего испытываешь в несчастии. Богатства в богатстве не чувствуешь. У меня нет никого, ничего, но я себя чувствую таким богатым, еще сейчас, хотя уже 12 часов, все еще счастливым. Солнышко мое, трудно с тобой прощаться, тяжко, когда ты уходишь, но, может, без разлуки не было бы этих таких сумасшедших чувств при свидании. Люблю тебя так, что поцеловал волос, завалявшийся на моей подушке, такой светлый и мягкий. Что бы я ни писал, все равно не смогу написать, как ты мне мила и любима.

* * *

Пишу тебе сегодня во второй раз. Четыре года подряд писал о своей прошлой жизни. Тяжело все вспоминать, все мелочи. Понимаешь, чтобы это описать, нужно все заново пережить, все вспомнить, а это тяжело, несмотря на то, что я больше не я. Странно себя вспоминать другим. Все люди со временем меняются и становятся другими, но это происходит эволюционно, постепенно, и они сами этого не замечают. Я тебе уже кое-что в этом роде говорил, не помню только, в какой форме. Я вспоминаю свои чувства и переживания, но как будто вспоминаю чувства не мои, а героя моих мемуаров. Я вспоминаю, как он любил Алю, Диму[1], как он чувствовал, и он для меня не я, а символ человека в *его* положении. Пишу о его душевной жизни не как о моей, а как о переживаниях человека, пережившего то, что он. Вот, думаю, чисто теоретически, как

[1] Первая жена и сын автора, расстрелянные нацистами в Рижском гетто.

если бы вот сейчас, в данное время, я бы вдруг очутился среди своих? У меня чувство, что я был бы не свой, а чужой. Можно быть в разлуке с близкими много-много лет и остаться таким же родным, если ты их в мыслях не похоронил и не пережил их потери.

Вот я не видел сестру уже 10 лет, но если бы я ее встретил еще через 10 лет, она была бы мне такой же, как когда-то. Если бы я встретил мать и Алю, то не могу себе представить, что и как я бы переживал, знаю только, что это было бы что-то другое, новое. Глупо думать и писать о таких фантастических вещах. Мне так бы хотелось, чтобы не было тех глупых слов, сказанных тебе! Я тебя так люблю, а причинил боль. Прости.

«КАК ГОЛОВУ МНЕ ОТОРВЕТ, ТОГДА, ПОЖАЛУЙ, НАГРАДЯТ, ПОСМЕРТНО»

Красинский Илья Петрович *(1921–1945) — родился в г. Ленинграде. Призван на военную службу в 1939 г. Войну встретил под г. Брестом. В 1941 г. под Киевом, выходя из окружения, попал в плен, бежал. Был партизаном в Полтавской обл. В феврале 1943 г. вернулся в регулярную армию. Старший лейтенант, командир батареи 259-го минометного полка. Погиб в боях за освобождение Польши 28 января 1945 г. Упомянут в «Книге Памяти, Московская область», (т. 5, ч. 1) и «Книге Памяти, г. Ленинград», (т. 18).*

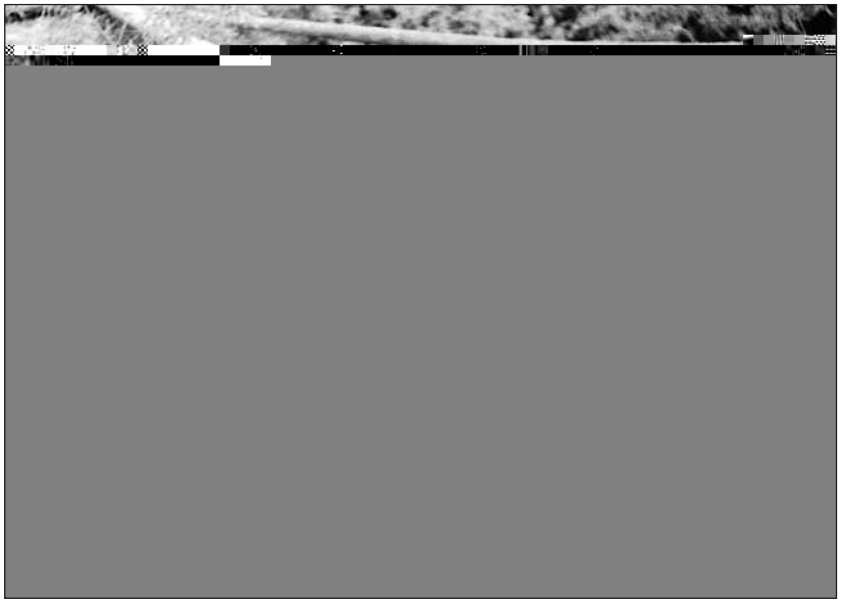
Письма, адресованные семье, передал А. Л. Красинский (г. Москва).

21 января 1944 г.

Фронт. Привет [слово зачеркнуто автором — *Сост.*]

Здравствуйте дорогие папа, братья Боря и Женя, все близкие и родные, которые живы и здоровы и которых судьба не бросила в руки фашистских бандитов. Я, ваш сын, брат и племянник Илья, жив здоров. Чувствую себя превосходно и готов сражаться до последней капли крови с гитлеровскими захватчиками, коих после ожесточенного боя нам все же удалось выбить из занимаемых им рубежей. Правда, вам сейчас это в письме читать неинтересно. Вас

больше интересует моя жизнь. Постараюсь описать по возможности подробно. 28 июня 1941 г. я вступил в бой с фашистскими бандитами под гор[одом] Брест-Литовск и к 28 октября я прошел почти всю Белоруссию и под гор[одом] Киев попал в окружение. Конечно, дорогие, если бы я был командующим армии или дивизии или, хотя бы полка, то я бы этого не допустил, что было допущено. Фронт оказался сзади меня более чем на 150 км. Я был вынужден принимать какое-то решение. Но единственно в этом случае могло быть только одно решение пробираться к своим. С командиром своей див[изии] капитаном Деминым мы переоделись в гражданские лохмотья мирных жителей и начали двигаться. Но не успели мы отойти от ст. Борисполь 45 км., как нас схватили фрицы и отправили в Киев, в лагеря, несмотря на наши возражения и сопротивления как «мирных жителей»! Там я пробыл два дня и встретил много товарищей и командиров из своего полка, в том числе ком[андира] и комиссара полка. Собрав вокруг себя группу людей в 47 чел. ночью мы из лагерей бежали и направились в Полтавскую область, где я был обитателем Деканьских лесов в партотряде капитана Демина. Очень долго, вам, дорогие, писать все пройденное мной, ибо я не



Партизанская засада. Белоруссия. 1942 г. Фото М. А. Трахмана. ЦАЭ и АДМ.

располагаю достаточным временем и условием для этого. Напишу лишь одно, что в 1943 г. в феврале месяце я, наконец, попал к своим, где после прохождения «прочистки» я был восстановлен в звании и направлен в часть. Военное звание у меня лейтенант, но на большее я не «бью», так как, если жив буду, в армии пожизненно оставаться не думаю. Работаю я нач. связи дивизиона. Сейчас 2 часа утра. Принесли мне бойцы 2 письма от Бориса. В своем подразделении объявил праздник и приказал греть чай. Рад так, как никогда в жизни не радовался. Подчиненные рады также за меня. Дорогие, как только я получу от вас письмо, я вам сейчас же отошлю пару тысяч рублей, они вам пригодятся. А потом пришлю и свой аттестат, только это позже. Жду от вас с нетерпением подробного письма и фотографий. Опишите все подробно обо всех. Вам посылаю свою скромную фотографию, которую я приобрел в Краснодаре. Ну вот пока все. Целую вас крепко, крепко. С приветом ваш сын, брат, племянник.

26 февраля 1944 г. Привет с фронта!

Здравствуй, дорогой брат Борис!

Твое письмо с фотографией получил и сейчас же, не откладывая в «долгий ящик», пишу тебе ответ. Я жив, здоров, чувствую себя хорошо. Новостей особенных нет. Все идет по-старому. Вчера получил письмо от Боци Гусакова. Хочу сказать, что это письмо произвело на меня очень хорошее впечатление и одновременно зависть. Какой-то Боца, и тот вышел в жизнь, как, пожалуй, никто, даже он сам, не ожидал. А я … Или моя судьба грешника такая, или вообще я больше ни на что не способен, как быть в армии… Эх, братуха, как бы я хотел сейчас учиться. Мне кажется, что я бы был круглый отличник! Да, все это только мечты. Вообще, дорогой брат, должен тебе признаться, ибо знаю, что это письмо будешь читать только ты, что с тех пор, как я вышел из окружения, все у меня в жизни идет прахом. Трижды меня представляли к прав[ительственным] наградам, и все безрезультатно. Вот и сейчас, меня представили к нагр[аде], но я прекрасно знаю, что мне ее не получить, разве только после того, как голову мне оторвет, тогда, пожалуй посмертно наградят. Так же обстоит дело с аттестацией, но на это я меньше всего стараюсь бить. Но, это все пустяки.

Воюю я не за ордена и медали, а за Родину, которая мне дала образование и самую замечательную жизнь, о которой только могут думать молодые люди других стран. Борис, ты мне ничего не написал о девушках, которых ты видел в Москве (я имею в виду землячек). Напиши обязательно. Родителям я уже послал немного денег. Скоро пошлю еще. В апреле думаю послать аттестат. Но, учти, дорогой брат, что у меня есть еще одна неприятность в жизни (не женитьба), о которой я не решаюсь тебе написать. В следующем письме, все же напишу. Целую тебя. Твой брат Илья.

26 марта 1944 г. Привет с фронта!

Здравствуй, дорогой брат Борис!

Два дня тому назад получил от тебя довольно подробное письмо, в основном касающееся твоей личной жизни. Да, там кое-что меня заинтересовало. Дорогой брат, не такой я уж счастья неудачник, каким ты меня считаешь. Наоборот, в некоторых случаях я исключительно счастлив. Ведь ты подумай, я был (как ты говоришь часто) в буквальном смысле на волоске от смерти и все же я остался жив и буду жить. Конечно, твои неудачи в жизни, как например, в академии с ростовской б……ю, они тоже являются трудноперенос[и]мыми и поучительными для жизни, но они ни в какой мере не могут быть сравненными с моими. Мне бы, конечно, хотелось узнать все это подробнее каким ты образом получил диплом, как тебе присвоили звание, с каким званием выпустили из академии и, последнее, подробнее о ростовской «мадам». Все это меня очень интересует, и я очень хотел получить об этом более подробные сведения. В моей жизни новостей нет. Фриц ведет себя «спокойно» и старается зарыться в землю но, ничего, мы ему зароемся, вернее, поможем в этом. Вчера получил письмо из дома от его «высокопревосходительства» Афанасия Львовича. Но он мне больше пишет о своей служебной деятельности, чем о личной. Дома все в порядке. Пока. Все. Целую тебя крепко, крепко, крепко.

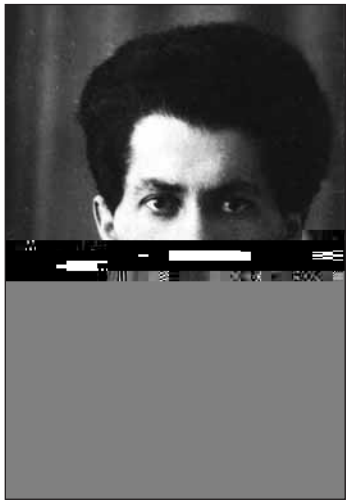
Твой брат (Подпись).

P.S. Борис, в адресе пиши одну фамилию, ибо это нужно для подчиненных. У меня есть старички и они просто начинают назы-

вать меня по имени отчеству. А за это меня ругают мои старшие начальники.

* * *

«МЕНЯ НЕ БЫЛО ПРИ ТВОЕМ РОЖДЕНИИ»



С. Г. Менделевич, 1942 г.

Менделевич Соломон Гиршевич *(1912–1980) — родился в мст. Красная Слобода Витебской губ. (ныне — Витебской обл., Белоруссия). Окончил девять классов и уехал в г. Петропавловск (Северо-Казахстанская обл.), где отбывал ссылку за участие в Первом съезде белорусских сионистов в Минске в 1923 году его старший брат Арон. Окончил Воронежский медицинский институт, до войны работал в Коробовской районной больнице. В 1941–1942 гг. — военврач III ранга, начальник инфекционного госпиталя. С 1943 г. — начальник санитарного поезда.*

Письма адресованы дочери Белле, родившейся в 1944 году, и жене, Асе Эммануиловне Павловской.

Копии писем и фотографию передала дочь, Б. С. Вишневская (г. Орел).

18 февраля 1944 г.

Добрый день, дочурка!

Сегодня месяц со дня твоего рождения. Хочется мне в этот [день] сказать тебе пару слов. Любимая, я тебя не видел, не знаю какая ты есть. То, что человек в продолжение длительного времени выстрадал, должно быть именно таким, каким он себе это представляет. Меня не было при твоем рождении, меня нет сегодня около тебя и, наверное, еще долго не буду с вами, но знай, что я всегда помню тебя, мечтаю о том, какая ты и как тебе живется.

Знаю, что тебе многое не хватает, что твои первые счастливые дни жизни омрачены многими неудачами — недостатками. Все это временные явления. Пройдет это кошмарное время и я вернусь к вам. Буду около тебя, и твое детство больше ни чем не будет омрачено. Ты будешь расти, развиваться, играть, шалить и веселиться так, как это положено ребенку. Подрастешь, тогда узнаешь и не будешь осуждать, почему первые дни твои протекали в таких условиях. Будем же надеяться, что к твоей годовщине не будет уже войны, и мы все будем вместе.

Асенька, прочитай дочке это письмо. Целую вас обеих.

Соломон.

18 января 1945 г.

Добрый вечер, мои дорогие!

Что вам сказать сейчас? Очень тяжело излагать то, что чувствуешь, о чем надо было бы говорить не через бумагу.

Можно поздравить с днем рождения в письме друга, знакомого, родственника.

Но поздравлять с первым днем рождения в письме родную единственную дочь, которую я даже не видел, очень тяжело.

Тем не менее, это факт и ограничиться надо только бумагой.

Белочка, поздравляю тебя. Желаю быть здоровой, нормально развиваться, расти и веселиться. Быть резвым, веселым, жизнерадостным и благоразумным ребенком. Скоро ты уже будешь хорошо ходить и разговаривать. Ты начнешь воспринимать окружающую жизнь. Так знай же, что мир и жизнь очень интересны. Люби их. Люби все красивое и веселое, люби людей-творцов этого красивого мира — тогда ты найдешь свое полезное место в обществе. Знай, что я здесь у переднего края помню тебя, и пусть это заменит тебе все то, что я должен был дать тебе в течение года.

Ася, сегодня послал тебе посылку. Подарок Белке ко дню рождения.

1) Шелковое пуховое одеяло. 2) Хром для ботиночек.

Тебе: 1) 3 пары подошв

Получил от Гордеева письмо из Москвы. Опять обещает работу в институте. Я ему почему-то верю и считаю это вероятной возможностью. Скоро здесь будет изобилие фруктов. Погода хорошая. Завтра сфотографируюсь для партийного билета и пришлю тебе фотографию. Пиши, дорогой, больше и чаще. Привет всем малышам и маленьким. Целую крепко. Твой Неня.

14 июля 1944 г.

Опять приходится извиняться за длительное молчание. За это время много пройдено и проделано. Чувствую себя хорошо. Природа здесь хорошая — леса, пески, болота с нависшими берегами. Скоро о нас услышите. Приближается 23 июля — день моего 25-летия. Оказывается, что я уже не мальчик, и даже не молодой человек, а взрослый, у которого много еще неразрешенных задач и невыполненных заданий. Эти три года, которые вырвали из жизни войной, придется спешно прожить в последующие годы.

Теперь совершенно ясно, что дело идет к концу — к победе. От тебя сейчас письма редко получаю. Больше писем ни от кого нет. Сообщи, начали ли выплачивать дяде Вениамину деньги по аттестату. От Жени писем нет. Получил недавно письмо от Саши Познанского.

Напиши, как твое здоровье сейчас, как материально обеспечены.

Будь здоров и счастлив, целую крепко.

10 августа 1944 г.

Дорогой папа!

Получил твое письмо и поздравление с 25-летием. Спасибо за хорошее, умное письмо. Читал с удовольствием.

Жизнь моя идет обычным порядком — работа, разъезды и походы, «маленькие страсти». 23 июля был вдвойне необычный день. Во-первых, мне исполнилось 25 лет, а во-вторых, в этот день переехал через Западный Буг. Страна, в которой сейчас живем, встретила нас приветливо. Хорошей погодой, прекрасными дорогами и исключительно хорошим отношением населения. Встречают с цветами, и это искренне. <…>

Пиши больше и чаще. Будь здоров и счастлив.

Целую крепко, Неня.

Майданек. У печей крематория. 1944 г. Фото М. А. Трахмана. ЦАЭ и АДМ.

20 сентября 1944 г.

Дорогой папа!

Надо много и долго извиняться за столь долгое молчание. Пойми и извини. Конечно, не нежелание и не сильная занятость, а простая лень и откладывания со дня на день привели к столь большому перерыву. Да и ты не сильно меня балуешь частыми письмами. Письма, на которые я не отвечал, я кладу отдельно, и сейчас у меня на столе 2 твоих письма и 2 письма от Жени.

Сейчас могу и тебе, и Жене.

Я по-прежнему здоров и хорошо себя чувствую.

Недели 3 тому назад был в Майданеке и видел собственными глазами, все, что ты, вероятно, читал, в газетах. Картина действительно потрясающая. Погода здесь еще летняя. Стоит сухая и спокойная осень. Листья чуть-чуть начинают желтеть. Вероятно, еще одну осень придется провести далеко от дома. Но сейчас уже совсем скоро приедем домой и займемся своими «нерешенными задачами».

От дяди Вениамина и от тебя подтверждения о получении аттестата еще не получил. Прошу сообщить. Мне не нравится, что Алик не пошел в этом году в школу. Обязательно и ты ей напиши, и что на домашние занятия в этом случае надо обратить самое серьезное внимание. Я хорошо знаю, что все дальнейшие успехи зависят от этого первого шага и от того, насколько эти первые зачатки знаний будут не формальными, а глубоко осмысленными. Пиши чаще и подробнее о своей жизни и работе. <…>

Привет всем нашим. Будь здоров и счастлив. Крепко целую. Неня.

* * *

«ФРИЦ ТАК И НЕ ДОБИЛСЯ УСПЕХА»

Эстерейх Георгий Исаакович *(1924–2008) — родился в г. Москве. В 1941 г. направлен в артиллерийское училище. Командир огневого взвода 409 гв. с. д. Воевал на Степном и 2-м Украинском фронтах. Участвовал в боях под Сталинградом. Войну закончил в звании гв. лейтенанта. Демобилизовался в 1946 г. Письмо адресовано матери, Ольге Георгиевне Эстерейх.*

Г. И. Эстерейх, 1946 г.

Копию письма и фотографию передала жена, Н. И. Дитковская (г. Москва).

15 июня 1944 г.

Дорогая мама! Вчера получил твое письмо от 26 мая, в нем носовой платок, 2 воротничка и белые и зеленые нитка — все дошло. <…>

Из газет ты можешь понять, что бои на нашем направлении стихли, фриц так и не добился успеха. На поле боя лежат груды немецких танков, трупы немцев и румын, жара стоит большая, и трупы воняют, хотя их и закапывают, недалеко от меня стоит дьявольский «тигр» — да, страшный он. Здесь нет живого места, на каждый квадратный метр поля или оврага, виноградника или ячменя приходится не меньше воронки, и они различные от 5 см до 5 метров. Да, 12 дней здесь стоял ужас. Как я уцелел, не знаю. Да, третьего дня был убит мой близкий друг лейтенант Левинман, с которым вместе были в училище. За час до того я с ним говорил. Он пил чай, стоя в траншее, голова высовывалась наружу, было 3 часа ночи, вдруг шальная пуля ударила в мозжечок, он только охнул и упал. Последний мой друг из училища. А было 5. Одного в прошлом году убило около Харькова, другого там ранило, это где 2 раза меня легко ранило одного, теперь один уехал учиться дальше, остался я один. И у меня очень паршивое настроение. Мрачно на душе от всего. Ты спрашиваешь, насчет моей контузии. Объясняю. Это было в январе 44-го. Когда мы брали Кировоград, вышли его танки, один снаряд с его танка разорвался в 1 метре от меня, сильно оглушив. Я пролежал 6 дней в хате и все — ничего страшного.

Мама, за май и июнь денег не посылаю, расплачиваюсь за заем, решил сразу, чтобы целый год не платить. В июле вышлю деньги.

Питаюсь хорошо, но аппетита нет. Дают масло, печенье, сахара полно, консервы американские. В день съедаю хлеба граммов 300, масло 50 граммов, сахара столько же и консервов граммов

200, и все. И чай. Курить тоже стал мало, накопилось много табака. В общем, понемногу стал успокаиваться после ужасов прошедших боев и в голове проходит шум разрывов. Наслушался вдосталь, как играет «катюша», как верещит «ванюша»[1] и сыплются с неба «гостинцы». Ну вот и все мои новости. Если нет бумаги, не посылай, у меня много трофейной. Как ты живешь? Когда кончатся твои фурункулы? Плохо, что в Румынии нет овощей. Ну а так ничего. Вероятно, зимой жди меня. Скоро Гитлеру капут. До свидания. Крепко целую. Твой сын Георгий.

Румыния.

Мама! Важник пишет, что кто-то убит в квартире напротив нас. Напиши кто?

* * *

«Я НИ РАЗУ НЕ ДУМАЛ О СМЕРТИ»

Коган Семен Михайлович *(1925–1945) — родился в г. Сызрань Ульяновской губ. (ныне — Самарской обл.). С 1943 г. воевал на Карельском фронте, потом в Белоруссии и Венгрии. Сержант-десантник. 20 марта 1945 г. был ранен в бою под дер. Фехерварт в Венгрии, умер от ран. Упомянут в Книге Памяти «Самарская область» (т. 13)*

Письма передала сестра, М. М. Богоявленская (г. Сызрань).

25 июля 1944 г.

Здравствуйте, дорогие мама, папа и Миночка!

Шлю вам свой пламенный привет и только наилучшие пожелания. 18 числа (августа) я входил в Могилев. Сейчас нахожусь недалеко от него. Да, должен вам написать, что я [слово зачеркнуто военным цензором — *Сост.*] нахожусь в десантной части, на днях будем прыгать. Адрес мой ПП №70951 «Б». Много пришлось повидать, испытать, но все же лучше, чем остаться в Финляндии, как Майоров, Салмов, Вуйлин[2], ибо если бы мне кто-нибудь сказал,

[1] Германский буксируемый реактивный миномет.

[2] Майоров, Салмов, Вуйлин — товарищи Семена Когана, погибшие в Финляндии.

мамочка, что через 2 месяца я буду жить спокойно, без выстрелов, взрывов, не видать болот и едва проходимой тайги, не ждать, что вот-вот застрочит «кукушка», не ожидать минного поля, не буду штурмовать дотов и ждать смерти, то я бы плюнул в глаза и сказал «давай не будем», а сегодня я имею орден (жду второй), и я дежурный по пищеблоку. А я сам не ожидал от себя, мамочка, что я таким окажусь, ведь я ни разу не думал о смерти. Сколько раз я вам писал письма перед боем, и всегда писал «после боя напишу подробнее». Присвоили мне звание. Какое — еще не знаю Ну, о себе все. Как у вас, как Миночка, ведь скоро в школу. Надо готовиться. Как, мамочка, с работой? Есть ли дрова на зиму? Огород, наверно, не завели. <…> Пусть Мина передаст всем привет. Теперь передо мной стоит задача удачно прыгнуть и написать вам о прыжке. Не знаю, какое будет ощущение, нервы ведь не лучшие стали. Ну, до свидания. Кончаю. А то у меня что-то кухни не [неразборчиво — *Сост.*] Пойду гнать наряд, чтоб шуровали, а то обед опоздает. Целую. Ваш Семен.

* * *

НИЧЕГО ВЕСЕЛОГО ВОЙНА ЧЕЛОВЕКУ ДАТЬ НЕ МОЖЕТ»

А. В. Перштейн, 1940 г.

Перштейн Арон Владимирович *(1923–1945) — до войны — студент Ленинградского военно-медицинского училища им. Щорса. В Красной Армии с 16 сентября 1941 г. Старший лейтенант, командир взвода санитаров-носильщиков мед. батальона 1206 с. п. Погиб в бою 13 марта 1945 г., похоронен в г. Модлин (Польша). Упомянут в «Книге Памяти воинов-евреев, павших в боях с нацизмом» (т. 3).*

Письма адресованы находившимся в эвакуации в г. Челябинске ро-

дителям и брату. Письма и фотографию передал Ю. С. Лурье (г. Москва).

12 августа 1944 г.

Добрый день, мои дорогие!

Не помню когда, но знаю, что недавно я вам писал. Сегодня хочется написать еще пару слов.

Последние дни все время находился в движении, несколько раз были в боях. Работать приходилось немало. Не было еще целого дня, чтобы мы стояли на месте.

Вот выдержка из моего дневника:

6.08 День отдыха. Расположение в сосновом бору.

7.08–16.00 Марш.

8.08–2.00–6.00 Ночевка в лесу.

8.08–6.00–23.00 Марш на передний край с привалом на обед и ужин.

10.08 и 11.08 Наступательные бои. Занятие 10 населенных пунктов. Работа по оказанию помощи раненым.

12.08 Преследование противника. Отдых в лесу.

Вот на этом отдыхе я вам пишу это письмо. Примерно в таком стиле я и веду все эти записи в дневнике. Подробности я всегда буду помнить, главное записать основные моменты.

Что вам еще писать?

Все делается на ходу. Даже газеты, и те в ходу. Конечно, о художественной литературе и речи быть не может в таких условиях. Несмотря на такую обстановку, я стараюсь ходить чистым, хотя многие об этом забывают.

Во время пришиваю подворотнички, для этого использую каждый десяток минут отдыха.

Вот пока все.

В день своих именин напишу еще раз.

Будьте здоровы и счастливы.

С фронтовым приветом, Арон.

19 сентября 1944 г.

Доброе утро, мои дорогие!!

Только что позавтракал. Сейчас без пяти девять; пока все спокойно, и я думаю написать вам несколько строчек. Хотелось бы почитать от вас что-либо интересное, но что-то давно от вас нет писем. О себе почти и нечего писать.

Только вчера вечером прибыли на это место и, кажется, как будто уже несколько дней здесь стоим. Мы, фронтовики, привыкли за время войны быстро привыкать к новой обстановке и новым местам. Вчера получил одно письмо из Москвы от девушки. Ничего особенного не пишет. Я не завидую ее жизни, работает все время на заводе, не отпускают даже поступить в институт. Лучше уж воевать.

После войны хоть если не учился, то воевал.

И то успокоение будет для сердца. Я считаю, что хотя в тылу спокойно, но жить гораздо тяжелее, чем на фронте.

Вообще, «там хорошо, где нас нет». На войне, конечно, всегда плохо; но мы ведь, перенося эти трудности, воюем за прекраснее будущее, и это будущее должно быть лучше, чем до войны.

Вот как будто бы и больше мне нечего писать.

Перевозка раненых на собачьих упряжках. Под Ленинградом. 1943–1944 гг. Фото М. А. Трахмана. ЦАЭ и АДМ.

Письма получаются короткие, но лучше писать короче, но чаще. Пока всего хорошего, мои дорогие. До следующего вашего письма. Крепко вас обнимаю всех и целую.

Ваш сын Арон.

21 сентября 1944 г.

Здравствуйте, дорогие родители!

Вчера вечером получил от вас два письма: одно от мамы, другое от папы. Спасибо, что пишете, а то я уже беспокоился из-за отсутствия ваших писем.

Мои дорогие, у меня все без изменений. Сейчас стоим в первом эшелоне, на переднем крае обороны. Немцы ведут себя на редкость спокойно; видимо, жалеют расходовать напрасно боеприпасы, ожидают нашего наступления. Вчера наши разведчики захватили в плен трех немцев, которые дали очень ценные сведения. Перед вашими двумя письмами я получил письмо от девушки из одного тыло[во]го госпиталя Белоруссии. Сейчас после этого письма буду отвечать ей.

Время идет быстро, но я бы не сказал, что весело. Подчас даже бывает очень скучно. Люди на фронте разбросаны, часто не приходится общаться с кем бы хотелось. Да и вообще, ничего веселого война человеку дать не может.

Единственным проблеском, свежим ветром нашей фронтовой жизни являются письма и газеты.

И поэтому, с каким нетерпением они ждутся всеми. Я переписываюсь с несколькими девушками не с целью какого-то заочного знакомства, а только с целью интересного времяпрепровождения. У меня письма заполняют больше половины свободного времени, и всегда, когда мне нечего делать, я обращусь к переписке. Я также увлекаюсь заполнением журнала «Выражения из современной и классической литературы». Сейчас уже я собрал сто пять таких выражений; получился довольно интересный журнал.

А если бы не все это — тоска заела бы.

Пап, ты почему адресуешь свои письма на букву «е». Мой адрес по-прежнему старый: п/п 68483Л

Если я написал «е», то просто ошибся. Если будет изменение в адресе, то я не только слева об этом напишу, но и сделаю оговорку в письме.

Пока всего наилучшего.

Целую вас крепко,

ваш сын Арон.

9 ноября 1944 г.

Добрый день, мои дорогие родители и брат Холик!

Перед праздниками получил два письма от мамы, на которые теперь отвечаю. Вас, наверно, будет интересовать, как я провел праздник, и меня тоже интересует, как вы провели праздник. Вечером 6-го у нас было торжественное заседание, такое же, какие все заседания в тылу.

Потом офицеры все собрались на слушание доклада т. Сталина. Коллективное слушание прошло в торжественной обстановке, слышимость была безукоризненная.

После передачи доклада долго мы еще не расходились, слушали концерт. Следующий день 7-го почти ничем не отличался от обыкновенных будничных дней, только вся разница в том, что мы получил по 100 г. водки, и было улучшенное питание. Для аппетита я выпил не больше 50 г. (вообще не думаю привыкать пить водку).

Почти весь день читал художественную литературу. 8-го день прошел так же. Мало что было праздничного, да в этой обстановке лучшего ожидать не приходится. Еще хорошо, что мы находимся не на переднем крае, здесь хоть свободнее и спокойнее себя чувствуешь.

Вечером 8-го у командира батальона был организован торжественный ужин, на который был приглашен и я.

Время прошло весело, культурно; ужин был из 3 вкусно приготовленных блюд. Поздно вечером мы разошлись по своим блиндажам. Вот так и прошли у меня эти праздники.

Надеюсь, что это были последние праздники в военное время, а 28-ю годовщину я думаю встретить вместе с вами, мои дорогие. И в тот день 7 ноября 1945 г. Приятно будет вспомнить все прошедшее и пережитое за эту проклятую войну.

Сегодня по-прежнему продолжается жизнь, как была до праздников.

Каждый занят своим, у каждого свои служебные заботы. И у меня тоже, сегодня думаю начать мыть в бане личный состав. Понемногу то то́, то другое, и работы наберется на весь день, а вечером отдыхаю. Вечера теперь темные, «хоть глаза коли», так что все мы проводим в своих землянках; кто за чтением книг и газет, кто за письмом родным.

Пишите, что нового у вас.

Как провели праздники?

Будьте здоровы и счастливы.

Целую вас всех крепко.

Ваш Арон.

26 января 1945 г.

Добрый день, мои дорогие!

Условия в этой обстановке не позволяют писать мне вам часто, как бы я этого хотел. На марше, во время движения при всем желании не напишешь, когда замерзли чернила; руки не двигают от холода карандаш по бумаге. Но все это чепуха, ведь это временные явления. Почти каждую ночь я провожу в теплом месте, и когда находишься в помещении, садишься на стул, то так клонит в сон, что забываешь про все. Сейчас нахожусь очень далеко от того места, где был до 14.01.1945. Теперь нам до германской границы осталось совсем немного, скоро и наша часть, как и другие, вступит на территорию этой проклятой страны. Уже здесь отовсюду веет близостью Германии, часто попадаются помещичьи имения немецких колонистов. Обилие скота, всякой дичи, всяких богатств прямо поражает меня.

В отношении питания прямо не знаю, как охарактеризовать его. Никогда в жизни я так прекрасно не кушал, как последние 6–7 дней. Уже не лезет в рот мясо, в том числе и курятина (гуся пока кушаю). Часто кушаю излюбленное блюдо — жареный лук. Сахар, варенье, различных польских сладостей очень много. Никто не хочет кушать из кухни, хотя она готовит значительно лучше.

Последние 2–3 дня мы освободили один город, владельцы магазинов бежали, и бери что хочешь. Один раз я чуть не утонул в рассыпанной манной крупе. Это все еще цветочки, а ягодки будут в Германии. От немецких магазинов останется только пепел.

Сейчас продолжаем наступление. Противник, огрызаясь, отступает. Вчера вели бой с одним заслоном противника с участием самоходной артиллерии. Может быть, удастся до утра отдохнуть в этом брошенном панском имении, где пишу сейчас это письмо. В свободное время буду всегда писать. Что нового у вас?

С фронтовым приветом, крепко целую, ваш Арон.

6 февраля 1945 г.

Добрый день, мои дорогие!

Недавно, кажется, я вам писал, но сегодня хочу написать более подробно. Уже несколько дней после полумесячного наступления мы расположились в одной богатой польской деревне; небольшое расстояние отделяет нас от польско-германской границы. Трудно гадать, сколько здесь пробудем, но возможность отдохнуть от 15-дневного движения и напряжения всей психики имеется, и я стараюсь ею пользоваться. Сегодня был в бане, оборудованной в одной из комнат. Как приятно действует горячая вода на кожу после того, как почти месяц не был в бане. Правда, белье менял раз, но это все же не то. Эти пару дней пребывания в деревне являются большим контрастом с моей жизнью за период с 14.01 по 3.02.45. Это какой-то резкий скачок из худшего в лучшее. Если в период наступления иногда приходилось спать на ходу, используя 15-минутные привалы ночью, то теперь сплю в теплой комнате на перине. Дело в том, что большинство жителей здесь были немцы, и они ушли со своей армией, оставив в своих квартирах буквально все, начиная от постельных принадлежностей и кончая различными настойками. Вот в одной из таких квартир разместил я свой санитарный взвод. В нашем распоряжении все удобства, и мы используем их для своего отдыха. Вы не думайте, что мы живем далеко в тылу. Нет. Здесь все настороже, противник совсем рядом, и эта роскошная жизнь может в любую минуту прерваться продолжением нашего наступления. Конечно, когда вы будете читать это письмо, меня уже здесь не будет в этой деревне. Может быть, в это время буду идти по немецким лесам или переходить польско-германскую границу, а может быть, буду еще в лучших условиях, чем сейчас. Насчет питания даже не стоит писать. Как ни странно, не все свободное время

проходит в изощрениях по оборудованию комнат и приготовлению пищи. Когда я кушаю жареный лук, который подает на стол мой санитар, я вспоминаю свои школьные годы и тебя, мама, когда ты мне жарила лук к завтраку перед уходом в школу. И сразу всплывают в памяти подробности: страх перед уроком физики и литературы, когда надо было учить наизусть стих.

Одним словом, кушаю то, что хочу. Не хватает только «птичьего молока», даже несколько дней были свежие яблоки.

Сейчас, когда я пишу эти строки, уже вечер. Слева топится голландка, и от нее идет приятное тепло. Столы письменный и столовый покрыты вощеной бумагой; у стен стоят несколько венских стульев.

Вот так я живу на сегодняшний день. Вчера нам сообщили, что наш полк представлен к присвоению наименования Торунского полка и к награждению орденом Красного Знамени.

Пишите, что у вас?

Как дела у Холика с учебой?

Будьте здоровы и бодры.

Крепко вас целую.

Арон.

16 февраля 1945 г.

Здравствуйте, мои дорогие!!

Наконец-то сегодня имею возможность ответить на все ваши письма. Вот уже больше месяца, как мы в наступлении. Несколько дней тому назад нам была поставлена задача овладеть одним польским городом, стоящим невдалеке от немецкой границы. В прошлом письме я вам писал на конверте привет с польско-германской границы. Сейчас мы действуем севернее и пока еще на немецкую территорию не вступили. Последние дни проходили в боях за прилегающие к городу деревни, и наконец вчера начались бои за город. Решающую роль при овладении этим городом сыграли [неразборчиво — *Сост.*] артиллерия. Вчера мы вошли в лес, и по лесу незаметно подошли на расстояние 1,5 км от города, потом с боем заняли кирпичный завод, который находится на окраине. В это время танки ворвались слева, а через час мы уже догоняли свои роты, вошедшие в город. В город ведут два почти параллельных широких шоссе, да и сами улицы довольно красивы.

Здесь мы пока остановились, и вот теперь я имею возможность писать вам эти строки. Прежде всего выбрал подходящую комнату; как полагается, немного отдохнул и вот принялся за письмо.

Я спешу написать это письмо, потому что не знаю, сколько времени мы здесь будем. Может получиться так, что еще столько времени буду в боях и некогда будет писать письма.

Ну что вам писать о своей жизни?

Внимательно слежу за газетами. Теперь ожидаю претворения в жизнь результатов конференции в Крыму. Конечно, в нашей фронтовой жизни бывает трудно, опасно, рискованно, но раз дело победы требует, значит, все должно быть подчинено этому. Вообще, признаться говоря, бывалые фронтовики мало думают о риске для жизни, ибо во время боя в голове нет места таким мыслям, а есть более важные думы. Ко всему должна быть привычка, так и здесь.

На этом кончаю. При первой возможности напишу.

Желаю вам всего хорошего.

Крепко целую,

ваш Арон.

3 марта 1945 г.

Мои дорогие, добрый вечер!

Вчера с почтой получил письмо от мамы, на которое сейчас отвечаю. У меня почти все по-старому, без изменений. По-прежнему, та же боевая обстановка, движемся по польскому коридору. Вчера ночью пришли на это место, здесь сплошные леса с озерами, населенные пункты уже попадаются реже. Конечно, условия жизни в лесу хуже, тем более что не знаешь, сколько времени пробудешь на этом месте, и только построишь себе шалаш, как приказ двигаться вперед. Сейчас пишу это письмо в одном из таких шалашей, сверху сыплется [неразборчиво — *Сост.*], но я привык на это не обращать внимания. Слов нет, писать неудобно; но я знаю, что вы ждете, а поэтому пишу эти строки, несмотря на неудобство.

Сегодня почти весь день провел за чтением центральных газет. Особенно понравилась статья Ильи Эренбурга в «Красной звезде» «В Германии». Конкретные факты, запечатленные им, очень интересны.

В «Комсомольской правде» интересен раздел писем из действующей армии. Когда читаешь воспоминания фронтовиков о школьной жизни, то думаешь, что кто-то отобразил именно мою жизнь. На днях у нас демонстрировался фильм «Зоя». Вы, может быть, удивитесь, что в боевой обстановке можно посмотреть кино. Смотрели мы этот фильм, можно сказать, на ходу и только кончился последний кадр, как мы сразу пошли вперед. «Зоя» произвела большое впечатление, и даже я не нахожу слов, чтобы охарактеризовать это кино. Здесь все истинная правда, до мельчайших подробностей: и школьные годы Зои, и ее стремление к борьбе с фашизмом, и ее мучительная смерть.

У вас это кино уже шло, и если не смотрели, то плохо сделали. Особенно для молодежи полезна эта вещь.

И когда кончилось это кино, то я почувствовал, что такой разный контраст кадров фильма, изображающих Москву, встречу Нового года, с моей действительностью в польском коридоре. И чем ближе мы шли к переднему краю после этого фильма, тем больше каждый из нас чувствовал этот контраст.

В общем уже прошло три дня после просмотра этой картины, а его кадры не выходят из сознания.

Сейчас бы с удовольствием просмотрел еще раз!

Вот и все мое новое, о чем я хотел написать.

Мне интересно знать, видел ли Холик это кино и каково его впечатление?

Читает ли он центральные газеты?

При мне ведь он еще не читал.

Вот у меня и все.

Будьте здоровы. Обнимаю и целую всех.

Ваш Арон.

* * *

«ЖИВ, НО НЕ СОВСЕМ ЗДОРОВ»

Цвей Александр (Израиль) Юрьевич *(1925 г.р.) — родился в с. Волонцы Гомельской обл. (Белоруссия). В 1941 г. был эвакуирован из Москвы в Оренбургскую область. В январе 1943 г. призван в армию. По окончании Уфимского пехотного училища направлен на*

А. Ю. Цвей. 1945 г.

1-й Белорусский фронт. Старший лейтенант, командир взвода батальонных минометов 40-го Амурского с. п. 102-й Дальневосточной с. д. Воевал в Белоруссии, Польше, Восточной Пруссии. Закончил войну под Кенигсбергом. В настоящее время — руководитель ветеранской группы «Россия-Израиль» при Российском комитете ветеранов войны. Автор книги «Вспоминая мгновения войны и мирные годы (автобиографические заметки)». М.: 2005.

Письма адресованы матери, Циле Израилевне Цвей и двоюродной сестре Лине Перловой.

Копии писем передал автор (г. Москва).

25 августа 1944 г.

Здравствуй, дорогая мамочка! Сообщаю, что жив, но не совсем здоров. Расскажу о вчерашнем дне. С утра мы с боями продвигались вперед. Около часа дня остановились в одной деревне. Не прошло и двадцати минут, как прямо по нам стала бить фрицевская пушка. Я прыгнул в какой-то окопчик. Снаряды падали все чаще и ближе. Вдруг я почувствовал сильный взрыв, и меня засыпало землей.

При помощи своих хлопцев я вылез из-под земли. Кругом — дым и гарь. Снаряд угодил в угол дома, от которого я был в пяти метрах. Двух человек убило, одного ранило. Убило моего бывшего помкомвзвода. Я просто чудом остался жив. А через час у меня очень сильно заболела голова, и поднялась температура выше 40 градусов. В общем, направили в санроту. По дороге еще фриц, обстрелял. Но ничего, доехали более или менее благополучно.

Из санроты я попал в санбат, где нахожусь сейчас. Сегодня приступа нет. Так что совершенно здоровый человек, только болит голова. Сейчас направляют в госпиталь. Вообще-то ничего опасно-

го, но направляют на стационарное лечение. Так что письма пиши на старый адрес, а мне оттуда их будут пересылать. Пиши о себе. Пока все. До свидания. Крепко целую. Привет всем родным и знакомым.

1 декабря 1944.

10 часов вечера.

Здравствуй, дорогая мамочка!

Достал листок бумаги и тотчас пишу тебе письмо. У меня все по-старому. Волнуюсь, что долго не получаю писем от тебя, что то ты редко и мало пишешь. Чем это объяснить?

Я тебе пишу почти каждый день. Вот как я провел эти сутки. Вчера в 10 часов вечера пошел на передовую со своими хлопцами на саперные работы. Работали всего метрах в 200 от фрица. Все сделали хорошо, вернулись домой, легли спать. Хорошо пообедали. Кулинарить взялся сам. Положил на сковородку 200 г. сала, жареная картошка получилась очень вкусная. К вечеру собрались друзья. У нас уютно и тепло. 3 кровати, столик, окошечко, печка. Вот так и живем.

А как ты? Пиши о родных и знакомых, о Москве, о том, что идет в кино. Пиши каждый день. Пришли бумаги и две три папироски. Привет всем. Целую крепко.

3 декабря 1944 г.

Привет с фронта.

Дорогая мамочка!

Вчера ночью принесли пять писем (3 от тебя от 13, 21, и 22 XI, от Назарова и от исполкома Моссовета по поводу жилплощади).

Я был очень рад твоим письмам и письму Назарова, а письмо исполкома посылаю тебе.

Отвечаю на твои вопросы. Я здоров, нахожусь на передовой, живу неплохо. У нас землянка на троих, кровати, столик, окошечко и печка. «Так что тепло, светло и мухи не кусают». На чем мы спим? Кровать из досок, на ней солома покрыта палаткой, укрываюсь шинелью, под голову кладу обмундирование, ибо зачастую спим раздетые, так как жарко. Это, конечно, мамуся, не всегда.

В боях спишь на земле, под небом: шинель — матрас, и подушка, и одеяло, и все что хочешь. Так что наша жизнь очень разнообразна. Сколько я получаю? Оклад мой 650 р., из них 400 р. я посылаю тебе по аттестату. 250 рублей идут на уплату взносов, на займы, иногда посылаю их тебе. Получаю полевые 325 р. Их я получаю злотыми. Они идут на водку, одеколон, и прочие мелкие вещи. Дают нам ½ литра за 50 руб., одеколон — 80 руб., носки, расчески и т. п. Достал я себе часы ручные, они у меня ходили, а теперь стоят, ибо починить некому. Но это все ерунда. Скоро будут и часы, и все что хочешь, лишь бы голова была цела. Что тебе еще написать о себе?

Питаемся неплохо. Одеты хорошо. Шапка, шинель, полушерстяной свитер, меховой жилет и т. д.

У нас снега еще нет, и не холодно. Получаю письма от Сычева, он в госпитале в Гусь-Хрустальном. Если у тебя есть возможность, навести его или напиши. Остальные товарищи со мной. Пиши о себе чаще и присылай бумагу. Привет всем родным и знакомым. Целую, твой Саша.

23 января 1945 г.

Фронт. Германия.

Здравствуйте дорогая мамочка и родные!

Сообщаю, что пока жив и здоров. Это самое главное. А об остальном... Можно написать целую книгу о предыдущих 10 днях.

Трофеи! Вчера [был] в боях в немецком городе Хохенштейн. Вино, ром, консервы, конфеты, шоколад. Я уже не говорю о разном барахле. Свиней, коров, кур!..

Пока идем с боем, так что посылку не могу соорудить. В будущем это сделаю.

Все свое население фриц угнал к себе, никого не оставляет. Ничего, скоро они почувствуют русского солдата. А он пришел в Германию как воин-мститель.

Вчера достал бутылку самодельного рома. Хлопцы несут закуску. Сейчас вышли из боя и пока гуляем, но сегодня поедем на танках вперед. Ну, пока хватит. Крепко целую. Ваш Саша.

28 января 1945 г.

Германия.

Дорогая сестричка!

Вчера получил от тебя письмо, чему был очень рад. Десять дней когда не приносили писем в связи с наступающими боями. Можно о них столько написать!

Пока сообщаю, что жив и здоров. Нахожусь на территории Восточной Пруссии. Сколько трофеев! Я уж не говорю о военной технике, разное барахло валяется под ногами. Едим и пьем все, что хотим. В общем живем, как бароны, только каждую минуту грозит смерть.

Позавчера фриц пошел в контратаку с танками. 6 самоходок подошли к нам вплотную. Одним снарядом вывело у нас из строя 10 человек. Я чудом остался жив. Мы не покинули поле боя, и противник отступил. Вот пока все. Скоро будем двигаться вперед. Привет всем. Крепко целую. Саша.

* * *

«БРАНЬСКИЕ ЕВРЕИ УЖЕ ЗНАЛИ, ЧТО ЗАВТРА ОНИ БУДУТ ВЫВЕЗЕНЫ»

Цукерман Лев Лазаревич *(1917–1993) — родился в г. Брянске Бельского уезда Гродненской губ. (в 1920–1939 гг. и с 1945 г. — г. Браньск, Польша). Офицер железнодорожных войск. Удостоен многочисленных наград. Вышел в отставку в звании полковника, прослужив в Советской Армии 30 лет. Письмо с фронта адресовано семье — родителям и сестрам, находившимся в эвакуации в г. Сталинске (ныне — Новокузнецк Кемеровской обл.).*

Копии писем передала сестра, Д. Л. Минская (г. Курск)

14 сентября 1944 г.

Вчера возвратился из консерватории и получил ваши письма от 20 и 24 августа. Очень рад, что вы все здоровы. Будучи в командировке, заезжал в Брянск и узнал о трагической судьбе наших. Я знаю, что вам тяжело будет читать это письмо, но все же решил

написать все, что мне удалось узнать, т. к. даже горькая правда лучше, чем красивая ложь.

Когда я приехал в Брянск, то прежде всего узнал, есть ли здесь евреи, так как во многих местах, где мне приходилось бывать, после немецкого разбоя не осталось ни единого еврея. Оказалось, что после изгнания немцев в Брянск вернулись из лесов и деревень около 60 евреев, преимущественно молодежь и почти все из разных семей. Все вернувшиеся в Брянск живут в домах бывшего гетто. Когда я пришел туда, весть о моем приезде быстро облетела всех. Большинство пришло повидаться и поговорить со мной. Все они прекрасно знали дедушку, Бенциона, Рахиль, Рувиньку и Лейзерку. Многие также хорошо знали Иосифа и некоторые видели тебя, папа, в 1941 году.

Со слезами на глазах мне рассказывали о черных днях кровавого немецкого произвола. Все евреи из Брянска были собраны в гетто, где они пробыли до 7 ноября 1942 года. В этот день всех их вывезли на подводах под охраной в Бельск и оттуда поездом на ст. Треблинка, находящуюся в 3 км. от узловой станции Малкиня-Гурна (90 км. от Варшавы). Последняя партия евреев, собранных из всех окружающих местечек, была вывезена из Бельска 29 ноября. О Треблинке вы уже, возможно, слышали. Там, как и в лагере на Майданеке, двуногие немецкие звери занимались массовым истреблением людей. Рассказывают, что в Треблинке уничтожены несколько миллионов евреев. Я разговаривал с людьми, которые видели дедушку, Бенциона и Рахиль и их детей, сидящими на подводах перед отправкой в Бельск, и с тех пор из оставшихся в живых их больше никто не видел. Я был в доме Хаим Ейсефа Шапиро по Советской ул., № 67, где жил дедушка с семьей в гетто, я сидел на кушетке, где спал дедушка, и за столом, где наши последний раз ужинали в Брянске в пятницу 6 ноября 1942 г., меня угощали завтраком. В эту пятницу брянские евреи уже знали, что завтра они будут вывезены. Нескольким сотням людей удалось удрать в леса из деревни, но уцелело только 60 человек. Из семьи Шапиро, где жил дедушка, остались живы два сына. Старший из них, Файфель Шапиро, 1907 года рождения, записал ваш адрес и возможно еще напишет вам. О судьбе Иосифа в Брянске ничего не знают, но на хорошее надеяться трудно, т. к. там была еще более жестокая расправа с евреями. О родственниках Бенциона Когана, живших в местечке Наревка, рассказывают, что они погибли.

Я пробыл в Брянске несколько часов и, хотя давно был подготовлен к тяжелому сообщению о судьбе наших, все рассказанное людьми произвело на меня ошеломляющее впечатление. Папа, тяжело, очень тяжело, но духом падать не следует. Ведь ты сам писал, что общее несчастье — полутешения. Уверен, что за все свои злодеяния немецкие изверги понесут жестокую кару.

Мама, очень благодарен тебе за подробное письмо. Я согласен с тем, что торопиться с отъездом не следует, и уже писал об этом в предыдущем письме. Оставайтесь до весны в Сибири, а уже к лету можно будет переехать. Молчание Баси и Рожанских меня удивляет, но я думаю, что и набиваться не следует.

У меня все без перемен. Живу я хорошо. Что нового у вас? Дусенька, как прошла у тебя зачетная сессия, Юдя, как ты поживаешь? Пишите обо всем подробно.

Желаю всего наилучшего! Крепко целую. Лева.

* * *

«ОБРАБОТАЛ ПЛЕЧО, СДЕЛАЛ АМПУТАЦИЮ»

Шевелев Абрам Саулович *(1917–1994) — родился в мст. Ляды Могилевской губ. (ныне — Витебской обл., Белоруссия). В 1940 г. окончил Смоленский государственный медицинский институт. В октябре 1941 г., несмотря на освобождение от призыва, добровольцем ушел в армию. Врач-ординатор эвакопункта № 24 Западного фронта. С сентября 1942 г. — командир санитарного взвода медсанбата 53 с. д. Воевал на Западном, Юго-Западном, Степном и 2-м Украинском фронтах. Демобилизовался в мае 1946 г. в звании майора. Вел дневник.*

Копию дневника передал сын, А. А. Шевелев (г. Москва).

20 октября 1944 г.

Вот уже 31 день движемся по венгерской равнине. Проезжаем города, фермы, церкви, виноградники, поля с кукурузой.

Вчера остановились в Сачхалли [одно слово неразборчиво — *Сост.*], я принял его за город, но жители говорят, что это деревня с населением 10000 человек. Домики аккуратные, красивые, большей частью в виде коттеджей. Врачи все остановились на квартире у местного учителя ботаники и географии. Учитель занимает уютный коттедж из 6 комнат с верандой. Полы покрыты масляной краской, мебель новая, покрытая лаком. На кроватях белоснежные простыни. Письменный стол. Электричество. Рояль венской фирмы Андерсон. Мы попросили хозяйку сыграть на рояле. Она исполнила недурно несколько вещиц Мендельсона. Грига, Шопена. Потом вальс исполнил ее одиннадцатилетний сын.

Младший мальчик перед сном переоделся в шелковый комбинезон и пижаму. После этого я сел за рояль и аккомпанировал Володе Арзамасову, который пел русские песни.

Тут мы вдруг обнаружили, что нас здесь сидят 7 человек врачей, и все разных наций: узбек, татарин, армянин, еврей, русский, белорус и азербайджанец. Любопытная деталь: среди нот, лежащих на столе, я заметил русское издание прелюдий Лядова 1938 года.

Вторая деталь: хозяйка сыграла нам на рояле «Синий платочек» и «Катюшу».

Заснули мы на белоснежных простынях. В 6.30 нас разбудили, и мы поехали в Эндред. Эндред — большая деревня с 16 000 населения. Здесь, как и в других деревнях Венгрии, чистота в домах, какой-то особый уют.

Колонна пленных румынских солдат, г. Плоешти (Румыния). 1944 г.
Фото М. А. Трахмана. ЦАЭ и АДМ.

За время войны я уже проезжаю третью нерусскую страну, и в каждой стране есть присущие только ей особенности.

Бессарабия — много вина и мамалыги, но мало хлеба. Безукоризненная чистота в домах. Обилие собак: почти в каждом дворе 1–2 собаки. Типичное расслоение деревни на кулаков, середняков и бедняков. В отношении культуры и чистоты городское население не резко отличается от деревенского.

Румыния — оставляет впечатление блестящего мыльного пузыря, блеск и помпезность снаружи, бескультурье и ничтожество внутри. Показной блеск городов и мотыги, вши, [неразборчиво] в деревнях.

Венгрия — здесь пока у меня впечатления противоречивые.

Общий культурный уровень населения значительно выше, чем в Румынии. Деревни мало чем отличаются от городов. В большинстве деревень электричество, домики типа коттеджей с весьма культурной мебелью. Характерно устройство печей — в Бессарабии печи построены по типу русских печей, но с витиеватыми колонками, полками, с пестрой раскраской.

В Трансильвании во всех деревнях имеются стандартные железные печи — плиты.

В Венгрии печи своеобразны — по форме напоминают половину эллипса, причем топка — снаружи комнаты.

Люди одеты прилично, большей частью со вкусом.

Дома большей частью опрятны и снаружи и изнутри.

Люди — моложавые, с чуть приплюснутыми широкими носами. Женщины не блещут фигурами, но имеют довольно правильные черты лица. К советским офицерам предупредительны, вежливы.

Вчера мне однако пришлось убедиться в некотором своеобразии здешней культуры. Отправился я побриться в парикмахерскую. Приятная дама с пикантной фигурой и приятным манерами предложила мне сесть в кресло и повязала на мою шею салфетку. До меня у нее брился венгр типа люмпен-пролетарий.

Приятная дама, мило улыбаясь, не потрудилась даже не только помыть кисточку, но даже мыльную воду после моего предшественника не вылила. Поболтав в ней кисточкой, она с таким усердием стала мылить мне щеки, что я чуть не охнул. С покорностью подопытного кролика я ждал, чем меня моя дама еще порадует. Ждать пришлось недолго. Когда дело дошло до усов, моя пикантная мучительница стала размазывать мне мыльную пену по верхней губе пальцем. После этого ее заменил мужчина, конечно, без халата, который меня довольно быстро обрил.

Не успел я опомниться, как ко мне опять подошла дама, и с молниеносной быстротой растерла по лицу мокрой губкой. После этого с меня попросили рубль и наконец-то оставили в покое.

Таким образом, в венгерской культуре есть какой-то существенный изъян. У нас все же таких вещей не встретишь. Каждый мелкий собственник здесь может выкидывать подобные колена, т. к. должного государственного контроля над ними нет.

Валюта в почете больше русская. К бумажным деньгам население относится с недоверием, метр шерсти стоит 150 рублей.

А до войны стоил 80 копеек. Хорошие сапоги стоят 50 рублей, а до войны стоили 25 рублей. В освобожденных нами селах организуются комитеты, компартии и сельсоветы.

Любопытна ненависть, с которой относятся друг к другу венгры и румыны. У нас работает в МСБ один шофер — румын. Сегодня он немного выпил, и его неприязнь к мадьярам выражена особенно ярко. У нашей кухни группа мадьяр жарила картошку. Наш румын долго терпел, но когда они кончили жарить картошку, он подошел к ним с метлой и стал их гнать, подкрепляя свои слова крепкими русскими матерными ругательствами.

27 октября 1944 г.

Сегодня с Шестаковым ездил на переправу через р. Тиса. Переправа представляет собой паром на понтонах. На этом понтоне можно одномоментно переправить только или одну автомашину, или одну пушку.

Процесс погрузки и разгрузки одной пушки длится около 3 часов. Река в этом месте довольно широкая, быстрая.

Левый берег покрыт кустами. Погода пасмурная, беспросветно серая. Все время идет мелкий надоедливый дождик.

Противник этот участок обстреливает слабо: за время нашего пребывания здесь только три раза разорвалась шрапнель, 500–600 метров от нас.

Решили переправиться на лодке. На лодках переправляют боеприпасы, медикаменты.

Идем к лодке по скользкому грязному берегу. Около лодок стоит небольшой плот на железных бочках.

У плота сидит знакомый старшина из полка Фельдмана.

— Ваш плот? — спрашиваю его.

— Наш.

— Что же можно перевезти на таком маленьком плоту?

— Да вот, одну кухню уже перевезли на дно, — с невозмутимым спокойствием говорит старшина. Переправляемся на лодке на правый берег.

На правом берегу стоит под деревом палатка, которая представляет собой правобережный эвакопункт для эвакуации раненых.

В палатке работают Пирков, Увров и Сушко. Они оказывают раненым необходимую помощь, обогревают их, поят горячим чаем.

Когда раненый готов к эвакуации, его переносят вниз, к самой реке, где для них приготовлены агитки, прикрытые плащ-палатками. Оттуда раненых переправляют на пароме или на лодках.

Здесь как на ладони виден наш передний край — лесок не дальше, чем 1,5 км. от правого берега.

После нас перевез Сидоренко обратно на левый берег.

Здесь находится левобережный эвакопункт, организованный медсанбатом. Около палатки дежурят лошади из санрот.

Вспоминаю, что в октябре прошлого года мы форсировали Днепр.

Тогда на Бородаевском плацдарме мы стояли 18 дней.

12 ноября 44 г.

Одиннадцать дней не писал дневник, и с тех пор много воды утекло.

Во-первых, за это время я успел сделать фотографии — достал фотоаппарат и фотографирую. Сделал уже несколько посредственных негативов и карточек.

Во-вторых, за этот период мы сегодня уже переехали на четвертое место дислокации. 1. х. Безымянный 2. Яскорени 3. г. Абонь и сегодня. В г. Абонь мы прожили 4 дня.

Я еще больше убеждаюсь, что культурный уровень населения здесь весьма высок. Об этом говорит хотя бы тот факт, что нигде в квартирах я еще вшей не набрался, хотя часто сплю в гражданских постелях — правда, на своей простыне и под своим одеялом.

В г. Абонь скопилось очень много войск — пехота, казаки, танкисты. Видимо, народ почувствовал конец войны: органы юстиции расстреляли в городе двух бойцов за изнасилование местных женщин.

По ночам раздаются пьяные песни — это чаще всего горланят казаки и танкисты.

На днях группа танкистов и казаков напилась, сняла часового в корпусном прачечном отряде и изнасиловала там 12 девушек. Что же будут делать эти «славяне», когда будет объявлено об окончании войны? Я все же на войне 4-й год, но с такой грандиозной распущенностью встречаюсь впервые. Видно, война скоро кончится.

В предгорьях Карпат. Казаки-гвардейцы на привале. Румыния. Сентябрь 1944 г. Фото М. А. Трахмана. ЦАЭ и АДМ.

13 декабря 1944 г.

5 декабря началось наступление. Утро началось двухчасовой артиллерийской канонадой.

В замке в Туре рядом с нашим местом находились Шумилов Малиновский и Тимошенко[1]. Первый день наступление дало мало — продвинулись на 3 км. Но 6 декабря фронт был прорван. На дорогах по шоссе стояли по нескольку километров пробки из машин, танков и повозок.

[1] Известные советские военачальники.

На улицах Дебрецена (Венгрия). Февраль 1945 г.
Фото М. А. Трахмана. ЦАЭ и АДМ.

Еще 3 декабря пробки были такими, что по шоссе трудно было пройти пешком. Теперь это оказалось опасным, т. к. раненых эвакуировать в МСБ было очень трудно — раненые проезжают 8–9 км за сутки.

16 января 1945 г.

Со времени последней записи много воды утекло. С тех пор как мы постояли около 10 дней в обороне, затем опять наступление. МСБ переехал в Мари-Нейтрл в помещение единственной в мире женской тюрьмы. Там я провел первую ночь в карцере, а потом переехал в прелестную виллу на горе — 400 м. от тюрьмы.

Перед этим неудачно спрыгнул с машины во время поездки в Верюге к Лившицу — получилось растяжение. Несколько дней просидел. Затем МСБ переехал <…> в здание духовной семинарии. В семинарии находились 22 монаха — преимущественно доктора, философы и математики. Один монах служил 30 лет в Королевской Будапештской опере — солистом на виолончели. Поступил в монахи этим летом, т. к. умерла его жена. Я затащил его в комнату врачей и он чу-

десно исполнил ноктюрн Шопена, несколько других классических вещей. Когда он кончил, я его поблагодарил. Он попрощался со мной, затем протянул руку Козловскому — тот демонстративно отдал честь и повернулся спиной — старик остался с протянутой, как нищий. На Новый год монахи сервировали в зале нижнего этажа столы.

За столом сидел весь личный состав МСБ — за исключением девушек — все они, за исключением двух, были разобраны кавалерами в другие места. В 24.00 по радио часы кремля пробили 12 ударов, я выпил свой бокал и сразу уехал к Фельдману в Юран-Невский — за 12 км. Туда приехал в 1.30 ночи <…>.

* * *

«2 МЕСЯЦА, 1500 КМ, ТРИ ЕВРОПЕЙСКИХ ГОСУДАРСТВА»

Б. А. Слуцкий

Слуцкий Борис Абрамович *(1919–1986) — родился в г. Славянске Харьковской губ. (ныне — Донецкой обл., Украина). Учился в Московском юридическом институте в 1937–1941 гг. и одновременно в Литературном институте им. Горького. Старший офицер 7-го отделения Политотдела 57-й армии. Войну закончил в звании майора. Публиковался с 1941 г. После войны вышло несколько сборников его стихов: «Память» (1957), «Время» (1959), «Работа» (1961) и др.*

Письмо адресовано его другу, П. З. Горелику на фронт.

Копию письма передала семья генерал-майора в отставке П.Л. Богрsuperа (г. Москва)

4 ноября 1944 г.

Дорогой Петя!

Давно уже тебе не писал и давно не получал от тебя писем, причем на этот раз твое молчание гораздо менее оправдывается сводками, чем мое. Мы проделали мощный поход — 2 месяца, 1500 км, три европейских государства (+ наша Бессарабия). По ряду причин

Советские танкисты и жители Бухареста. 1944 г.
Фото М. А. Трахмана. ЦАЭ и АДМ.

мне пришлось наблюдать события с довольно удобной подставочки, и вот розумем (понимаю) по-сербски, малко разбираем (немного понимаю) по-болгарски и ной ынуеледжи романешти (ничего не понимаю) по-румынски. Изъездил задунайскую Румынию, Северную Болгарию. Был в Белграде весь бой. Сейчас пишу тебе из захудалого городишки на боснийской границе, где живу в комнате, ранее занимавшейся Ахмедом Зогу I — албанским королем.

Дабы окончательно не впасть в хлестаковский тон, перехожу к прозе. Анкетные изменения за этот срок — получение майорского звания (карточку высылаю старую). Семейные: родители переехали в Харьков, с некоторой натугой вселились в известную тебе Конную площадь, 9, и устраиваются.

Братец[1] переживает медовый месяц, т. е. совместно возделывает картофельное поле и т. д. Письма получаю: от Сергея, из института и от домашних. Дома у нас была мать Кульчицкого[2] и плакала о том, что от сына по-прежнему никаких вестей. Вот и все.

Целую тебя. Пиши поподробнее. Борис.

* * *

[1] Брат Б. Слуцкого — Ефим, после окончания Артиллерийской академии испытывал на Щуровском полигоне под Москвой новейшие образцы стрелкового минометного вооружения.

[2] Михаил Валентинович Кульчицкий (1919–1943), поэт, погиб на фронте.

«ПОЗНАЛ СПОЛНА ВСЮ ЭТУ ЖИТУХУ»

Самойлов *(Кауфман)* ***Давид*** *Самуилович (1920–1990) — родился в г. Москве, учился в ИФЛИ. Поэт, принадлежал к группе «поколение сорокового года». В 1941 г. добровольцем ушел в армию. С 1941 года начал печататься. После войны — автор сборников стихов «Ближние страны» (1958 г.), «Второй перевал» (1962 г.), «Дни» (1970 г.), «Волна и камень» (1974 г.), «Весть» (1978 г.), «Залив» (1981 г.), «Голоса за холмами» (1985 г.) Удостоен Государственной премии СССР (1988 г.).*

Письмо адресовано его другу П. З. Горелику на фронт.

Копию письма передала семья генерал — майора в отставке П.Л. Боград (г. Москва).

[1944]

Дорогой Петька! Много раз пытался установить твои координаты. Наконец недавно от Борьки узнал твой адрес. Оказалось, что ты даже не так далеко от меня. Говорят, что ты в чинах и регалиях, так что неудобно теперь именовать тебя Петей. Позволь уж это, ради старой дружбы.

Обо мне рассказывать долго. Вкратце — воюю с 42 года, солдатом, был ранен, полгода отвалялся в госпитале, познал сполна всю эту житуху, но, говорят, характером изменился мало. Вкусами тоже. Впрочем, Комиссии по лишению меня невинности, коей некогда ты был председателем, уже нечего делать. Война есть война.

В данный момент работаю штабным в весьма интересном месте. Стих[ов] одно время не писал. Теперь пишу снова.

В Москве за всю войну был один раз. Мои старики теперь там, на старом месте. Будешь — заезжай, они рады будут. Прежние знакомые разбрелись. Вика Мальт[1] замужем, Ленка[2] где-то воюет. Из ребят никого нет. Насколько я навел справки, твой штаб подчинен нашему (I Белорусский). Если бываешь здесь, можешь найти меня. Для этого спроси, где находится Р[азвед] О[тдел] и там найти Левку Безыменского[3], он в чине капитана. Сей последний меня тебе укажет.

[1] Сокурсница Д. Самойлова в ИФЛИ.

[2] Е. М. Ржевская, военный переводчик, писатель, автор книг о войне.

[3] Л. А. Безыменский, в годы войны — военным переводчик, писатель, журналист, историк.

А вообще, хоть ты, наверное, и занят сейчас, черкни пару слов о себе.

Жду вестей и крепко обнимаю.

Твой Дэзька.

«БЛИЖЕ УЖЕ ВРАЧЕЙ НЕТ»

Ф. А. Паперная

Паперная Фрида Абрамовна *(1919 г. р.) — родилась в г. Чите. В 1942 г. окончила Свердловский мединститут. После практики в госпитале г. Камышлов призвана на фронт. Прошла путь от г. Сухиничи до г. Грац (Австрия). Гв. старший лейтенант мед. службы. Проживает в г. Иерусалиме (Израиль).*

Письма адресованы отцу, Абраму Хаимовичу Паперному и родным в г. Москву.

Письма и фотографию передала автор и ее брат, М. А. Паперный (г. Москва).

6 ноября 1944 г.

Югославия.

Здравствуйте, дорогие!

Первый день на новом месте. Приехали сегодня с тем, чтобы завтра отправиться в путь. Путь далекий, но от фронта мы уже близко. Сегодня за много времени первый раз уже опять слышали артиллерийскую канонаду, от которой успели отвыкнуть. Сколько, сколько всего насмотрелась за это время. Различные страны, обычаи, нравы и устои. Сейчас мы в одном доме с партизанами Тито. Сербы, югославы, болгары, русские — все смешалось вместе. Много, много интересного.

Немецкое население на разгрузке раненых. 1945 г. Музей еврейской общины Великого Новгорода. (Из семейного архива М. М. Шапиро)

Скоро будем опять воевать. Отдыхали недолго. Теперь опять пройдем пешком, а там и передовая. Сюда ехали на поезде, конечно, в теплушках. Проезжала Пловдив, Софию, вообще самые крупные болгарские города. В Софии уже видны следы войны. Предполагали ехать не сюда, я вам писала об этом, но судьбе было угодно занести нас сюда. Завтра праздник. Но встречать его не придется — будем в пути. Сегодня, как пришли, устроили митинг, вот и все. Была в одном из югославских городов. Кое-что можно купить, но безумно дорого. Шелковые чулки стоят 70 рублей. Купила две пары простых носков и два бюстгальтера за 110 рублей. Обо мне, дорогие, не беспокойтесь. Я жива, здорова, хорошо себя чувствую. Пишите больше о себе, теперь письма будут идти долго. Это письмо не знаю, когда придет. Пишите, дорогие. Жду писем. Целую вас крепко-крепко. Фрида.

12 декабря 1944 г.

Дорогой папочка!

Получила сегодня днем сразу шесть писем, и пять из них из дома. Очень рада, что вы мне пишете. Получила также письмо и от Нюры. Живу я, папочка, по-прежнему. Воюем в Венгрии, видели

тяжелые упорные бои. Пока жива и здорова, чувствую себя хорошо. Далеко-далеко от вас всех, от родной земли, а поэтому естественно и то чувство тоски, которое иногда нападает на нас всех. Сегодня получила в письме вырезку из газеты, которую посылал ты. Короткая статья «Жизнь», читали ее и все мои коллеги. Что я могу сказать по этому поводу? Я два года на фронте, два года в передовом пункте, там, где на первом пункте медицинской помощи есть враг. Ближе уже врачей нет, есть только фельдшер и санинструктор. За два года войны я была во многих боях. Видела много того, что никогда не забуду, чего нельзя забыть, много пережила. И я могу сказать, что статья написана красиво, но нереальна. Такую статью написал [неразборчиво — *Сост.*] сидя в глубоком тылу, в спокойной обстановке, не видя фронта, не зная условий переднего края. Сейчас у меня много работы, ты сам понимаешь, какие бывают случаи и много таких, о которых писалось в статье, но все это безвозвратно. Сколько было у меня таких случаев. Вот и вчера, и сегодня, а всех этих людей я знаю, все он знают меня, и от этого вдвойне тяжело. Жизнь и условия фронтовые не подходят ни под какие статьи и правила [неразборчиво — *Сост.*]. Уже за нами инстанция, за нами медсанбат, они и то не знают и не представляют себе нашей жизни, т. к. находятся за 15 км от переднего края. Вот я пишу письмо, а рядом в палате лежат раненые, на улице гул артиллерийских залпов и разрывных снарядов, в 2,5 км противник. А я сижу и спокойно пишу. Ты не можешь этого представить, но это так. [неразборчиво — *Сост.*] между работой я сплю. Не побывав в условиях фронта вблизи переднего края, нельзя этого понять. Пройдет время, может быть, я не поверю, что так было, а вам, когда я буду рассказывать, покажется это невозможным. Но мне хочется сказать словами одного поэта:

Под воющими бомбами в лесу,
Под пулями в пылающем дому
Я молча кладь солдатскую несу,
На тяжесть не поплачусь никому.

Вот, папуся, какие делишки. Обо мне не беспокойтесь, лишь бы вы все были живы и здоровы, только этого я хочу. Привет маме, Фенюше, я им тоже напишу. Целую вас крепко-крепко.

Фрида.

* * *

«НЕ ДУМАЛА, ЧТО ПРОЕДУ ВСЮ ПОЛЬШУ И ПОПАДУ В ГЕРМАНИЮ»

Х. И. Идельчик, июль 1945 г.

Идельчик Хася Исааковна *(1921 г.р.) Родилась в 1921 г. в г. Нижнем Новгороде. В 1944 г. окончила 1-й Московский медицинский институт. На фронте с ноября 1944 г. Старший лейтенант мед. службы 16-й штурмовой инженерно-саперной бригады 1-го Украинского фронта. Войну закончила под Прагой.*

Письма адресованы семье — отцу, Идельчику Исааку Абрамовичу и матери, М. Идельчик.

Письма и фотографии передала автор. (г. Москва)

28 декабря 1944 г.

Село Альфредовка

Дорогие мои!

Сегодня наконец-то после столь долгого ожидания получила целую пачку писем — 6 ваших, одно от Вали, одно от Тани из госпиталя (она и переслала их оттуда). Ваши письма от 27/12; 30/12; 3/12; два от 10/12 и от 12/12–44 г. Вот было радости! Теперь уже думаю, что начну получать чаще и более регулярно. Теперь вы, наверное, уже знаете мой новый адрес и уже писали мне сюда. Получила письма днем и прочла их все залпом; теперь вечером сижу и перечитываю их, как говорят, «с чувством, толком расстановкой». Меня очень огорчает и беспокоит твое, папа, здоровье. Хочется знать, чем закончился вопрос с больницей и был ли ты у профессора Владос? Советую обратиться к Михаилу Борисовичу Когану. Может быть, он посмотрит тебя — ведь он считается большим специалистом. Да и в отношении клиники может быть он посодействует. Можно подъехать прямо к ним на квартиру, и если его не заста-

нешь, поговорить сначала с ней. Я думаю, что они не откажут <…>. Вы просите, чтобы я писала подробнее о себе. Вот сижу и думаю, с чего начать? Ведь всего подробно в письме не напишешь. Живем в польской деревне, в более или менее приличном домике. На днях произошли маленькие изменения — сменился наш начальник санитарной службы — этот, кажется, менее симпатичный и более строгий, чем прежний. Тот был замечательный человек, пожилой мужчина, очень симпатичный. К сожалению, его по состоянию здоровья переводят на другую работу. Живем пока все вместе — старый и новый начальники, еще одна женщина-врач — мой непосредственный начальник — и я. На днях прибыла сюда еще одна врач — девушка, с которой мы вместе учились — с нашего курса, но она, видимо, здесь временно и скоро уедет на другое место. Распорядок дня здесь уже не тот, что был в госпитале, — свободного времени здесь гораздо меньше. Почти целый день занят на работе. Должна признаться, что работа мне не совсем нравится, но что же делать? Ведь всегда получается не так, как хочешь — вот Ольга так не хотела иметь дело с хирургией, так как раз она попала в госпиталь и пришлось стать хирургом, несмотря ни на что. А здесь ни хирургии, да собственно почти никакой настоящей лечебной работы, т. к. все понемножку и ничего как следует. Боюсь что забуду то, что знала. Но ничего не поделаешь — ведь на то и война, чтобы делать то, что нужно, а не всегда то, что нравится. В отношении моего питания и обеспечения можете быть совершенно спокойны — питаемся очень хорошо и даже не в столовой, а дома. Во-первых, столовая довольно далеко (это не всегда так, а временно), а во-вторых, есть возможность самим готовить, так почему же нет? С нами на квартире живет женщина — санинструктор, украинка (так что умеет хорошо готовить) — так мы получаем на всех нас сухим пайком, и она на всех готовит — на всю «семью». Кроме этого получаем дополнительный офицерский паек. Так что вполне достаточно, даже много — а хлеб вообще без всякой нормы, сколько надо, столько и едим. Из обмундирования пока получила только сапоги и теплые чулки и рейтузы, да кроме этого меховую безрукавку под шинель. Но ношу пока ватник, не потому что холодно, а потому что шинель слишком широка. Со временем и это все уладится — или перешью эту, или новую дадут. Сапоги взяла побольше размером, чтобы можно было больше надеть. Пока этого не требуется, т. к. здесь очень тепло. Снега почти нет, да и морозов не было. Погода очень хорошая. С 1-го числа я начну получать жалование и тогда вышлю вам аттестат. Хотя вы и просите, дорогие мои, об этом не думать, но я все время думаю, т. к. знаю, что это вам необходимо. Не знаю еще не сколько я смогу выслать, но думаю, что руб. 600–700. Оклад, кажется, будет 1275 руб. На руки здесь выдают только злотые, а покупать особенно нечего, так что мне здесь много денег не надо, и сколько можно будет, перешлю вам. Идут разговоры, что с 5 января можно будет отсюда в тыл посылать посылки. Придется мне тогда в первую очередь отослать все лишнее, что взяла с собой — а такое есть, и за дорогу я не раз ругала себя, что не послушалась тех, кто советовал брать как можно меньше вещей. Папа! Относительно Калийниковской я даже не знаю, что тебе сказать. Я писала туда, ответа пока нет. Здесь говорят, что там еще не присвоили — в Москве это быстро не делается, и что здесь это в свое время все оформят. Так что если тебе некогда и трудно, так и не стоит ходить. А вот копию диплома отошлите мне, она может мне пригодиться. Ну, кажется, написала так подробно, что уж дальше некуда. Очень плохое перо — поэтому так накарякала. Да, относительно моей фотографии — как только будет возможность, я это сделаю. Получила вчера так же письмо от Вали, и мне понятно стало, почему она не заходила к вам все время. У нее большие неприятности с Виктором, и она, бедняга очень переживает все это. Я-то думала, что с его приездом у нее камень с плеч долой и кончатся все ее мытарства, а вчерашнее ее письмо прямо ошарашило меня. Кто бы мог подумать, что с его приездом ей станет еще тяжелее, не материально, а морально?! Ну вот и все, мои дорогие, на сей раз хватит. Послезавтра наступит новый год — он должен принести конец войне! Привет всем, всем. Постараюсь постепенно всем написать. Целую вас крепко и желаю здоровья. Не волнуйтесь за меня, всего хорошего.

Ваша Хася.

4 февраля 1945 г.

Дорогие мои!

Давненько уже не писала вам. Знаю, что это вас очень беспокоит, но, к сожалению, это молчание было вынужденным, и я ничего не могла сделать. Сейчас объясню все. Вы ведь в курсе событий на

фронтах и знаете, что наши войска успешно продвигаются вперед уже на германской территории. Так наши тоже быстро двигаются вперед, а мы, т. е. санчасть, немного от них отстали и долго сидели в ожидании машин далеко позади всех. Почта, конечно, тоже ушла вперед и мы очутились в таком положении, что были лишены возможности писать и получать письма. А вот сегодня и мы уже покинули Польшу и сейчас находимся на территории Германии. Только сегодня приехали и целый день устраивались. Устроились замечательно — сидим сейчас в замечательной квартире покинутого фрицами дома (немцы бегут — только «пятки сверкают»). Квартира из 4 комнат и кухни. В одной комнате разместили больных, в другой — перевязочная, в третьей — я и Людмила Ивановна (это моя коллега и начальник). Везде масса трофеев и многие занялись ими. Ехала с надеждой получить сразу много писем — ведь за 2 недели их должно было скопиться много, но почему-то сегодня не получила ни одного. Меня это очень волнует. Ведь я уже так давно не получала от вас писем и не знаю, что у вас там делается, как здоровье, как дела у папы с больницей. Последнее письмо я получила 19-го числа от 8 января. А сегодня уже 4 февраля. Очень хочется знать подробнее о вас; думаю, что завтра должны быть письма. И вообще уже должны быть ответы на многие мои письма — я писала в Ленинград, в Горький, Давиду и др. И ни от кого ее не получила.

Да, мои дорогие! Итак, я в Германии — раньше это казалось, говорилось все в шутку, и никогда не думала, что проеду всю Польшу и попаду в Германию. А теперь вполне реально, когда говорят, что будем в Берлине. Недалек и этот час. В общем, скоро, скоро уже победа будет за нами — так оно и должно было быть!

Уже 2 раза писала с надеждой, что удастся с кем-нибудь переслать, но мы сидели, как отшельники, и так и не удалось их отправить — таскала их в кармане все время, так они так истрепались, то посылать уже нельзя.

За эти 3 дня мы проехали на машинах около 300 км; проехали много польских сел и городов, многое повидали. Теперь будем ездить по немецким городам и селам. Долго ли пробудем на этом месте, неизвестно.

Ну, дорогие, я кончаю. Что-то очень нескладно написала — ну ничего, надеюсь, все поймете. Жду с нетерпением ваших писем. Пишите подробно о себе, как здоровье.

На границе Германии. 1945 г. Фото М. С. Редькина. ЦАЭ и АДМ.

Кто бывает у вас, кто пишет. Заходит ли Валя? Как отношения с Яромицкими? Я ответила Саше на ее поздравление с Новым годом, получила ли она ее? Пользуетесь ванной? Если нет, то напрасно. Ну, все. Будьте здоровы. Целую крепко! Привет бабушке, Оле и всем, всем остальным.

Получили ли перевод 1000 руб.?

P.S. Только что узнала, что с зарплатой опять осложнение, и перевод не отсылали. Так что я ввела в заблуждение, а на самом деле и ждать пока нечего. Оказывается, и здесь такая же волокита со всем, а я думала, что только в тылу.

Спешу открыть письмо, сейчас еду на почту.

Всего хорошего. Целую. Хася.

13 мая 1945 г.

Из Слаки (Чехословакия)

Дорогие мои!

Вот уже 4 дня прошло, как произошло то, о чем так мечтали все мы, все услышали эту радостную весть об окончании войны! Как-то даже трудно себе представить, что все это — настоящая действительность! А я только сегодня имею возможность написать вам — все эти дни мы находились в движении, и писать письма никак не

могла. Вот уже 3 дня, как мы выехали из Германии и находимся теперь в Чехословакии. Замечательная, красивая страна и очень хорошие люди. Встречают нас здесь очень хорошо — все от мала до велика радостно приветствуют — чувствуешь себя много лучше, чем в Германии.

Представляю себе, как Москва встретила известие об окончании войны — салют, наверное, был исключительный.

Не знаю, что теперь предстоит нам — судьба еще не выяснена. Все надеются попасть скоро домой — увидим, что будет. От вас давно уже писем нет, но это по вполне понятной причине, все передвигаются и потеряли связь с почтой. Наверное еще несколько дней писем не будет, но зато потом надеюсь получить сразу несколько.

Погода здесь очень хорошая, жарко в гимнастерке и сапогах — я ведь еще не привыкла к такому обмундированию летом.

Не знаю, как будет этот месяц с зарплатой — пока я еще ничего не получала, — и тоже по той же причине — мы оторвались от наших хозчастей и не знаю, когда теперь встретимся.

Хочется, чтобы это скорее наладилось, чтобы можно было посылать вам деньги — но видите, как все это медленно делается.

Ну, дорогие, как у вас там дела? Как здоровье? Работаешь ли ты, папа? Трудно тебе ездить теперь в Химки, может быть, можно устроиться поближе?

Кто бывает у вас из наших?

От кого есть письма? Что слышно с приездом Сони?

Получили ли хоть одну посылку?

Теперь, наверно, уже больше посылать не удастся.

Ну, все. Больше нового нет.

Всего хорошего. Целую крепко.

Привет всем.

Хася.

* * *

«ТЕПЕРЬ ОНИ ПОПРОБУЮТ, ЧТО ТАКОЕ ВОЙНА»

Шейнин Зиновий Маркович *(1923 г. р.) — родился в г. Почепе Черниговской губ. (ныне — Брянской обл.) В марте 1941 г.*

был призван в ряды РККА. Курсант военного училища связи в г. Орджоникидзе. На фронте — с октября 1941 г. Участвовал в первом освобождении Ростова-на-Дону (28.11.1941). Воевал на Северо-Западном, Брянском, 1-м Украинском фронтах. С марта 1943 г. — в 17-й Киевско-Житомирской арт. див. 7 арт. корпуса. Был дважды ранен и дважды контужен. Закончил войну под Берлином в звании младшего лейтенанта.

Письма адресованы родителям и сестре; также публикуется письмо, полученное Зиновием Шейниным от брата И. М. Шейнина.

Копии писем передал автор (г. Почеп).

31 декабря 1944 г. или 1 января 1945 года

Дорогие папочка, мамочка и сестрица!

Поздравляю вас с наступившим 1945 годом, как его назвали, годом Победы! И желаю здоровья и счастья на долгие лета.

А также скорейшей победы над немецко-фашистскими захватчиками, и встречи нашей с Победой! Только что приехал с передовой, был там, где нам придется работать, и спешу поздравить вас с Новым годом. Да! 42-й год я встречал в боях под Москвой! 43-й — под Ленинградом, 44-й — под Житомиром. 45-й — год я встречаю далеко от наших мест, в Польше, за р. Вислой, не знаю, что грядущий год мне готовит, но знаю, что победа будет наша, а это главное, за это я дерусь 3,5 года. 1945 год застал меня относительно в полном благополучии и здоровье. Провожу его с 100 г. Но удовольствие известное; далеко от родных и родины, с готовностью к большим испытаниям! Конечно, мы можем сказать: самое страшное позади. Впереди Победа!

Дорогие родные! Пишите, как вы провели новый год, как ваше здоровье.

В ближайшие дни, будет с письмами труднее.

Но я постараюсь по возможности писать.

Не беспокойтесь обо мне. Будьте здоровы, целую ваш (подпись)

Поздравьте от моего имени Мотю с Женей и ее родных, а также семью Мовшица с Новым годом.

26 февраля 1945 г.

Германия

Дорогие папочка, мамочка и сестрица!

Наконец представилась возможность написать вам пару слов и сообщить что я жив и здоров чего и вам желаю. Сегодня получил несколько писем от Моти Фейгина дяди Ромы и тети Веры. Но, к великому удивлению, от вас нет, меня это очень волнует, немного успокоил Мотя привет от вас передал. Писать я вам и никому не мог, почта сюда не шла из-за быстрого продвижения, Моте я подробнее описал свой пройденный путь, прочитайте его за 15 дней мы дошли до германской границы и сейчас бьем зверя в его собственной берлоге. Теперь они попробуют, что такое война.

Здоровье нормальное, изменений нет, кушаем очень хорошо, всего хватает. Но сволочь сопротивляется очень <…>. Будем надеяться на скорую победу. Дядя Рома, пишет, что ему вы тоже не пишете.

Пишите мне сейчас — же подробнее обо всем жду ответа с нетерпением.

На этом кончу, не беспокойтесь. Будьте здоровы и счастливы

Целую ваш (подпись).

26/II-45 г.

1 мая 1945 г.

Район Берлина.

Дорогие родные!

Поздравляю вас с днем первого мая и с водружением знамя Победы над Берлином!

Дорогие родные! Трудно описать испытываемые чувства, после таких испытаний, да и зачем, т. к. вам все известно.

Мы еще воюем, они еще сопротивляются (эсэсовцы), но тщетно.

Я вам последние письма писал до прорыва на реке Нейсе, за это время многое изменилось в деле окончательного разгрома врага. Мы форсировали Шпрее и 26 апр. вышли на р. Эльба, где и встретились с нашими союзниками и друзьями 1 УК ф., встреча была очень теплая, плоховато только что английского языка не

Встреча на Эльбе. Фото М. С. Редькина. ЦАЭ и АДМ.

знает почти никто, правда, они немецкий знают относительно и кое-как могли поговорить. Вот здесь бы сестрица нужна была б. Если вы читаете приказы т. Сталина, то мы 2 раза отмечались при прорыве на Нейсе и Виттенберг, артилеристы генерала Волкенштейна. А сейчас нахожусь в р-не Берлина, города убийц и матерого фашизма. Вчера было водружено знамя Победы на рейхстагом. В предыдущем письме я вам писал что надеюсь, пока письмо дойдет до вас, мы встретимся с союзниками, а теперь я надеюсь, что пока это письмо дойдет до вас, мир свободолюбивых народов восторжествует об окончательной Победе. Дорогие родные! Вы все беспокоитесь за письма, но я думаю что вы получили мои письма и успокоились, писать нет времени. Не столько воюем последнее время, сколько находимся все время на колесах в движении. Здоровье мое в настоящее время хорошее. На своем пути чего только не встречал. Очень много русских освобожденных и с других стран. Да! А в отношении немцев могу сказать, что эти немцы, кто видит это войну с Россией, воевать не станут и закажут впредь.

От вас я также давно не имел писем, последнее от 1/IV-45 г.

Получил письма от дяди Ромы, Моти Фейгина <…>

Пишите подробнее о себе, о здоровье и жизни. На том кончу, желаю здоровья и счастья.

Целую вас, ваш сын и брат (подпись)

Письмо Шейнину Зиновию Марковичу от брата Шейнина И.М.

10 мая 1945 г.

Поздравляю!

Поверь, дорогой брат, что слезы радости и глубокое душевное чувство гордости за вас, дорогие воины, за тебя, родной братец, за великий Праздник Победы (обведено несколько раз — *Сост.*), который вы нам завоевали, не позволяют мне много писать, но ведь и так ясно?!

Теперь осеняет единственная мысль встречи с тобой. Мама тоже хочет тебя видеть уже. Не веришь?

Правда, в общем, приедешь, поговорим обо всем подробно. А когда встречать?

Сегодня или дней через 5?

Рано? Нет, пора

Ты забываешь, что я из дому 4 года. Будь здоров.

16 мая 1945 г.

Мои дорогие, пишу вам еще, но это трудно, ведь настал не обычный день — день Победы — жизни над смертью.

Я никогда не верил, что я такой счастливый человек, что останусь жив после столь не имеющих слов для выражения испытаний войны. Сейчас мы празднуем нашу Победу, мы еще находимся в Чехословакии, где нас встречают очень хорошо. Отдыхаем в полном смысле этого слова с вином и пивом.

Я хочу, чтобы это письмо скорее дошло до вас, быть может, оно самое дорогое за время войны, вы празднуете победу, не зная обо мне, ведь в последний день и даже час погибли тысячи.

Хотелось бы дать телеграмму, но нет здесь возможности. Но ничего, лишь бы все хорошо. Скоро, наверно, вернемся в Германию, а потом и на родину. А потом мы встретимся <…>.

Привет и поздравляю Мотю и Женю с Победой. Извините за грязь, ведь все похмеляемся — празднуем Победу. Желаю здоровья и счастья, до скорой встречи, ваш сын и брат. (Подпись)

Победа!

* * *

«ВПЕРВЫЕ ЗА 4 ГОДА В ФАШИСТСКОЙ НЕВОЛЕ ПОЦЕЛОВАЛ ДЕВУШКУ»

А. Б. Вейгман, 1945 г.

Вейгман Александр Борисович *(1916–2000) — родился в г. Староконстантинове Каменец-Подольской губ. (ныне — Хмельницкой обл., Украина). До войны жил в г. Москве. В июле 1941 г. вступил в Московское народное ополчение, позднее служил в 1288 с. п. 113 с д. 33-й армии. Старший лейтенант.*

В плен попал 24 апреля 1942 г. под Вязьмой, при выходе из окружения. В плену взял имя Арбеков Николай Петрович. Содержался в различных лагерях военнопленных на территории СССР (Вязьма, Каунас) и в Германии (Франкфурт-на-Майне, Бад-Орб, Мюльхайм). Освобожден войсками союзников в марте 1945 г. В мае 1945 г. снова призван в Красную Армию, замполит батальона. После июня 1945 г. проходил проверку в Алкинском лагере под г. Уфой. В январе 1946 г. прошел вторичную проверку в проверочно-фильтрационной комиссии в Москве.

С января 1945 г. вел дневник. Отрывки из дневника были впервые опубликованы в книге А. Шнеера «Плен», т. 2., Иерусалим, 2003.

Копию дневника, рисунков и фотографии передал сын, П. А. Индурский (г. Москва).

О незабываемых памятных днях в моей несчастливой и счастливой жизни 1945 г.

5 января 1945 г.

В 6 часов утра прибыли в последнюю рабочую команду, офицеров русских в/пленных. Команда небольшая, в основном из народностей нашего Кавказа, армяне, азербаджаны (так в тексте — *Сост.*), грузины и т. д. Теплая встреча товарищей по неволе, ждущие близкую свободу, тем более что мы прибыли из ареста шталагеря за совершенный 2-й побег из фашистского плена с Володей Храмовым. Команда Z 96 при городке Гельхаузене, Франкфуртской области при фабрике Еранс.

6 января.

Суббота — фабрика не работает, отдыхаем, знакомство с товарищами по плену. Читал газеты, переводил сводку Информбюро (лживой геббельсовской пропаганды) для примерного знакомства с состоянием положения на фронтах. Наша победоносная Красная Армия наступает, радости пределов нет. Ждем освобождения, когда кончатся мучения, хотим свободу.

8 января.

Первый день вышли на новую работу на рабский принудительный труд под силу фашистского оружия. Гнетет эта работа, неохотно работаешь под конвоем, когда кончится эта несправедливость? Наверное, скоро им хребет сломают. Он встанет на колени, гитлеровский зверь. Я в шлифовальном цехе, знакомлюсь с обстановкой, в цехе один вредный фашист. Ребята прозвали его «Марюски», зверь.

13 января.

Первый разговор с Володей Храмовым о побеге. Надо готовиться к решающему побегу. Жизнь или смерть. Наступил предел терпения. Володя целиком меня поддерживает. Окружение товарищей пока опасное, однако хорошие ребята Даждамаев Николай — осетин и др.

Опасный тип Мусаев! Азербайджанец. Продолжаю усиленно работать над переводом сводок о ходе наступления Красной Армии. Сегодня читал листовку англичан о ходе наступления на Западе. Близится к нам фронт. Усилились бомбежки, ежедневно тревоги «Аларм». Хорошо.

28 февраля.

Среда. Сегодня не работали весь день. Тревоги. Хорошо слышно было гул самолетов. Пролетело более 1000 самолетов американских.

25 марта.

Воскресенье. Сегодня предел. Необходимо бежать. Американцы во Франфурте-на-Майне.

Почти опоздали с побегом из-за подготовки группового побега всей команды. Владимир злится. Поругался с Сашей Савченко. Он не наш человек, антисоветские мысли. Нужно было бы его убрать, однако поздно. Ночью на 26 марта решен вопрос — бежим. Жизнь или смерть, счастье в наших руках. Мы победим. Свобода.

26 марта.

Понедельник. Живем на новом месте, ибо опасно. У станции бомбежки днем и ночью. Рано утром с подъема хотели убежать, но опоздали. Нас оцепили конвоиры, страшно, что делать, но сердце ждет свободы, она будет найдена. Нас будут эвакуировать. Фронт близок, в 65 км. Утром открыли продовольственный склад фабрики. Набрали по 2 буханки хлеба и по килограмму маргарина. В 12 часов дня я, Володя Храмов и Даждамаев убежали из колонны. Удачно скрылись в лесу. Слышен гул артиллерии. Фронт приближается. Маленькая неудача. Нас встретил немецкий комендант лагеря. Я успел скрыться, а моего лучшего друга по несчастью Вову Храмова заметил и повел под оружием. Это были самые тяжкие минуты за все время. Это мой родной брат, так мы жили...[1]

27 марта.

Вторник. Находились в пути следования к фронту. Шли лесом между деревней Виртейм и Кассель. По пути встретились немецкие солдаты-дезертиры — они нам не страшны.

[1] В. Храмову удалось убежать от коменданта. В лесу он опять встретился с А. Вейгманом.

28 марта.

Блуждаем по лесу. Сильная артиллерийская стрельба.

Страшновато. Неясная картина. Где же американцы — наши освободители. Встретились с двумя гражданскими поляками, присоединились к ним, ибо у них документы, а мы беглецы-пленные без документов. Жили в шалаше, холодная ночь, голодно...

30 марта.

Пятница 31 марта. Весь день лежим голодные в лесу у цели. Сильная артиллерийская перестрелка. Снаряды падают почти рядом. Американцы с полкилометра, однако пройти невозможно — сплошной огонь из всех видов оружия. Ночью на 1 апреля определили гул танков на шоссе к Вестербаху.

1 апреля.

Воскресенье. Сегодня самый исторический день в моей жизни. Я перешел фронт к американцам с Володей Храмовым. Мы освобождены из фашистской неволи. В 3 часа дня (15 часов по военному времени) вошли в дер. Кассель, восточнее Гельхаузена, где находились передовые части американцев. Танки, теплая встреча, рукопожатия, объятия, даже поцеловались. К вечеру направили в г. Гельхаузен, где были последний раз в рабочей команде. Встретились с Артчаванидзе — грузином из нашей команды, и расположились ночевать в бараке, где жили.

3 апреля.

Вторник. Посетил коменданта города Гельхаузена, американского майора по вопросу быстрейшей эвакуации к своим в Советский Союз. Переоделись. Все новое со складов. Сапоги, брюки. Мне и Володе Храмову дали временную работу. Я — по репатриации советских граждан, а Володе в легковом гараже комендатуры. Согласились.

4 апреля.

Среда. Сегодня памятный день. Я случайно впервые в Германии познакомился с освобожденной нашей русской девушкой — Марией Григорьевой из Пскова, насильно вывезенной в Германию в 1943 г. Очень симпатичная, разговорчивая грамотная девушка. Пригласила на вечер к себе на квартиру...

К 18 часам был у нее. Я ее вначале пригласил к себе, где познакомил с моими товарищами, в особенности с Вовочкой — моим «братом». Выпили за дружбу, за нашу свободу и быстрейшее возвращение на родину. Вечером пошел дождь. Однако, захватив полбутылки спирта, направился с ней к ней домой, где нас уже ждали французы, зная, что я принесу выпить, и им охота поговорить свободно по-простому с советским человеком. Ведь за спиной свободно: ни полицая, ни вахмана с винтовкой. Как хорошо и сладко свободно жить и мыслить. Подняли бокалы за свободу и дружбу народов всего мира, за Великого Сталина, за бойцов и офицеров Красной Армии, за наших девушек. Впервые за 4 года в фашистской неволе поцеловал невинную девушку нашей родины. Это был поцелуй всех девушек, переживших фашистский плен и ждущих свободу и любовь.

Ночевал у Марии на свободной чистой постели. Давно так не спал. Приятно и хорошо, сладко спал. Приснился замечательный сон: любовь и родные.

23 апреля.

Понедельник. Весь день провел по подготовке к поездке к тов. Григорьину в г. Оффенбах п/м в СПП. Вечером посетили меня знакомые немецкие коммунисты Гельхаузена. Особое впечатление сделал на меня Густав Репет, лет 48 человеку, 8 лет сидевший в концлагере Дахау, несколько дней возвратившись из Дахау, освобожденного американцами. Бывший секретарь партийной организации Гельхаузенского округа, член партийного комитета Франкфурта-на-Майне, хорошо знал и дружил с Карлом Либкнехтом и Розой Люксембург. Имеет фото, где сидит с Карлом Либкнехтом. Беседа затянулась допоздна, решили начать восстанавливать районную коммунистическую организацию Гельхаузена, пока подпольно, так как от американцев разрешения не было.

25 апреля.

Среда. Встал пораньше, ибо спешил в клуб слушать утренний выпуск последних известий по радио. Особо знаменательно сегодня — это обыск в 15 часов квартиры СС-коменданта лагеря военнопленных г. Киева. Мной были найдены подтверждающие документы и фотоснимок его деятельности, издевательств и уничтожения советских военнопленных, особенное впечатление оказал на

меня разрушенный памятник В. И. Ленина в г. Киеве, где на пьедестале памятника встал этот деспот, фашистский изверг, комендант лагеря Киев-Дарницы.

Однако немцы донесли на нас в американскую полицию, что мы якобы собрались грабить квартиру, и их полиция, не разобравшись, нас — Володю Храмова, Григорьина и меня арестовали и на машине «виллис» отвезли в тюрьму г. Оффенбах. Посадили нас в камере, где сидели еще два бывших военнопленных. Так как это было перед первомайским праздниками, мы решили разукрасить камеру к 1 мая, имеющие только карандаш нарисовали звезду, лозунги на стене. Я лично написал первомайские лозунги на бумаге. Сидеть томительно и обидно, что сидим у союзников в тюрьме, и за что, за правду. Разные мысли о сроках сидения в тюрьме. Но мы спокойные, ибо знаем, за что сидим, а следовательно и нас освободят, однако помним, что это американцы, а не советские органы. С такими мыслями легли на полу спать все вместе.

26 апреля.

Четверг. С утра в тюрьме. Сидим, скучно, томительно и разные мысли в голове кружатся. Ведь скоро 1 мая, праздник весны и освобождения из фашистской неволи. Но, увы, опять тюрьма. Получили завтрак: 250 г. хлеба, 30 гр. колбасы и пол-литра воды (чай). Однако в 2 часа дня нас вызвали на допрос в следственный отдел. Беседовал с нами американский унтер-офицер, по национальности — поляк. Он разговаривал на ломаном русском языке. Читал нам неуместную нотацию. И нас в 3 часа освободили. К вечеру пришли в СПП г. Оффенбах. Встреча с ребятами. Сергей подготовил выпивку, выпили, плясали, ребята из оркестра и сам руководитель оркестра играли нам всевозможные романсы.

1 мая 1945 г.

Вторник. Международный пролетарский праздник. Встал рано, настроение праздничное, как в мирное время. Я, Володя Храмов и Иван-грузин позавтракали и направились слушать передачу с Красной площади в Москве, парад и демонстрацию. Слушали выступление начальника штаба Красной Армии — генерала армии Антонова — на Красной площади в Москве. В 12 часов собрались все члены партии Гельхайма, в праздничном убранстве, сами мастерски убрали

цветами. Присутствовали 18 членов коммунистический партии. Т. Ренат сделал небольшой доклад о 1 мая и задачах ком. орг. Гельхаузена. Выступили 3 члена коммунистической организации о Красной Армии и советском народе, заполнившие первую авангардную роль в разгроме фашизма и стойкость русского народа в достижении цели. <…>

* * *

«ЭТО ПРЕЖДЕ ВСЕГО НЕ ЛЮДИ — НОМЕРА»

Слободкин Григорий Соломонович *(1920–1980) — Родился в г. Ростове-на-Дону. Сержант. Письмо впервые опубликовано в газете «Еврейское слово» №17 (240), 2005.*

18 марта 1945 г.

Львов… Все вокзалы загружены огромным количеством людей, гражданами, возвращающимися на Родину из Германии; изможденные, часто оборванные. Представь, встретил «вставших из гроба» 2 евреев. Старика и 17-летнего парнишку. Из Волковыска и Белостока. То, что пережили они, не поддается описанию. Это прежде всего не люди — номера! Старик — №100626, парень — 1419-В. Эти номера вытатуированы вместе с шестиконечной звездой на руках, на лопатках и на бедрах. Работали они по 18–20 часов в сутки на тяжелых работах — таскали камни, рубили лес, восстанавливали жел. дор. пути. Кормили их искусно — утром кусок хлеба 200 г., с маргарином в 4 часа утра. Днем — в час — брюквенная похлебка и вечером — опять только хлеб — 200 г. ... Так организм постепенно истощался… Истощавшихся живыми сжигали… Одежды зимней не было, ничего, кроме выкрашенной в сине-белое мешковины.

В первый раз по прибытии в Аушвиц были сожжены 2901 человек и только 4 тысячи оставлены…

9 мая 1945 г.

Победа! Победа! Дорогая — мы победили, мы выстояли! Победа! В этот день я должен был написать тебе. Смерть, ужас, все

зло, страх и трагедии тысяч людей — позади, а впереди — радость, добро, любовь, счастье — счастливая жизнь ждет нас теперь! Какая счастливая жизнь!

* * *

«АРИЙСКОЙ КРОВИ ИСПОРТИТЬ ПРИДЕТСЯ ПОРЯДОЧНО»

Рапопорт Илья Исаакович *(1924–199?) — родился в г. Одессе (Украина). В 1941 г. эвакуирован с семьей в Джалал-Абад (Киргизская ССР), в 1942 г. призван в армию. Окончил курсы радиотелеграфистов. Командир отделения радиосвязи зенитно-артиллерийского полка 2-го гв. кавалерийского корпуса, сержант. Принимал участие в боях на Степном, Брянском, Белорусском и 1-м Белорусском фронтах.*

Письма адресованы его другу, Исааку Хитрику.

Копии писем передал сын В. И. Раппопорт (г. Люберцы, Московской обл.)

15 марта 1945 г.

Померания.

Здравствуй, дорогой друг!

Бесконечно обрадовался твоему сплошь исписанному листку бумаги. Не думал, что у тебя такой жестокий бумажный кризис — чувствую, что не все, о чем хотел, ты написал, что ж, придется принять тебя на бумажное довольствие, чтобы ни одна твоя мысль, ни одно слово не повисли в воздухе, ведь все, что связывает с другом, а сейчас поневоле приходится ограничиться письмами, все бесконечно дорого, вызывает вновь волну чувств, которых ни время, ни расстояние не уменьшат, не говоря уже о том, что твой образ изложения и стиль делают чтение твоих писем просто удовольствием. Пожалуй, не следовало бы мне сейчас начинать писать, уж слишком погано на душе. Ты пожалуй, не поверишь, а между тем это так. Что ж, поделюсь с тобой, мой друг, авось станет полегче. Мое несчастье заключается в том, что я, если можно так выразиться, работник «сезонный», т. е., когда идет стремительное наступление, мы, прикрывая кавалерию, всегда так идем впереди, то работаешь

вовсю, проволоки ведь не протянешь, тогда ты и работник замечательный, и человек нужный, и никто тебя не ругает, не за что — но только призадержались, натянули нитку — баста, обязательно поругаюсь с начальством, ну а сам знаешь — солдат никогда прав не будет, особенно, если два просвета с минимумом звезд замешаны, значит вновь страдаю. В общем, делай тысячу раз хорошо, а потом один плохо — конец, ты уже совсем плох и не нужен. Ну, а как в бой, обязательно вспомнят, да еще и похвалят. Вот и сейчас, повторяю, то же самое, и, в общем, настроение отвратительное, тут еще и погода — дрянь какая-то балтийская: зимой — весна, весной — зима, а сегодня весь день сыплет какой-то противный осенний дождичек. Приятная сторона, что говорить! А на днях меня вовсе «обрадовали». Встретил я землячку, пока единственную. Может быть, кто ее и знает — морда что-то знакомая. Лиля Басюк жила на Успенской, угол Преображенской. В гитлеровской неволе успела схватить ревматизм — представь себе молодую девушку на костылях. Так она мне заявила, что за два года не видела здесь солнца с восхода до заката. Приятно, что и говорить. Ну ладно, ведь не сидеть же мне здесь, еще придется увидеть много и многое.

Уже сейчас много перемен: пустынные области, где мы не встречали ни одного немца, сменились людными городами и селениями — поняли, гады, что удирать некуда. Нужно только посмотреть, как трясутся они и раболепствуют при одном только нашем появлении, как сидят они, понурив головы, словно к смерти приготовленные, довоевались, пожалуй, больше не полезут — даем им духу. Ни белые повязки, ни белые тряпки в окнах — ничто не поможет. Напрасно ты боишься, что я последую примеру Арона — на немке жениться что ли, хотя арийской крови испортить придется порядочно, если начали — не остановимся. В общем, не бойся, [конец отсутствует — *Сост.*]

24 марта 1945 г.

Померания

Добрый день, дружище!

Надеюсь, что ты уже отогрелся после первой своей мартовской поездки в Москву, а там, получив такое «замерзающее» письмо, написанное тобою по пути из Волоколамска в Москву, серьезно

В освобожденной Одессе. 1944 г. Фото М. С. Редькина. ЦАЭ и АДМ.

обеспокоился. Кстати, я всю зиму прошагал в сапогах, и шинели поверх ватника ни разу не надел. Порой так жарко доставалось, что и последний сбрасывал. В Европе находимся, что и говорить, климат другой, правда, очень скверный.

Сегодня первый истинно весенний день, солнышко припекает, что в одной гимнастерке жарко, но завтра, наверное, вновь посыплет дождичек, и т. д. и т. п.

Жаль, до моря, виновника всей этой небесной кутерьмы, дойти не успеваю. Хотя всего 20 км. осталось, да, марш был замечательный и без твоей напыщенно-восторженной оценки. Ребята из соседних частей, побывавшие в Кольберге, рассказывали, что американцы, бомбившие город и порт по нашей заявке, буквально камня на камне не оставили. Ну, и дают!

Что-то я заскучал — охота в последний бросок пойти, хотя после всего скучища у нас не хуже вашей наступит, а Европа надоедает, хотя учиться есть чему.

На днях пришлось смотаться по тылам, километров 200 объездил, но по асфальтовым магистралям это ерунда (зажили наши шоферы после полесских болот!)

Осваивают территорию наши замечательно. Кругом группы немцев вкалывают так, что любо глядеть. Интересно, что нет и попыток саботажа, подгонять не нужно, знают, что с ними шутить не намерены. В городах электрический свет, кое-где налаживаются мастерские, а тыл нашего соединения целый пивоваренный завод пустили, поставили солдата директором над немцами, ну и нам иногда пивко перепадает. Только оно на наши спиртованные глотки не действует.

В Драмбурге я чуть не растерялся. Идешь по улице — дома, как дома, все под один казенный немецкий стандарт, но кругом русская речь, горланят ребятишки, совсем, как в России — это вчерашние рабы заняли дома бывших хозяев, а те сейчас усердно работают под присмотром. Может быть, наши русские хозяйки чему-нибудь да научатся здесь, а немцы пожрать любят и, главное, умеют. Нет, внешней культуре во всем поучиться нужно, особенно нашим топорным мастерам.

В последнее время я решил о своей будущей жизни не думать — перспективы отнюдь не блестящие, едва ли скоро придется скинуть нынешнюю шкуру. Так что завидовать никому не собираюсь, да и бесполезно все это. Единственной мечтой осталось вырваться недельки на две, на три, повидаться с родными, с друзьями, побывать в Одессе, кстати, там сейчас веселье в международном масштабе, так что я уже подумываю о том, чтобы отправлять письма с оказией. Интересно, какая из национальностей добросовестнее исполнит просьбу, а то я уже на почту не надеюсь — что-то нет писем от ребят. Как они там живут? Как ты живешь, мой дорогой? Мне кажется, что хотя служба твоя весьма однообразна, но есть же и внеслужебные черты, ты ведь не солдат!

Между прочим, раздумывая о «мирной» жизни, я никак не представляю, чем занимаются радисты, интересно, какими премудростями ты их пичкаешь, а то, когда во время передышек меня заставляют заниматься с моими ребятами, то ничего не надумаешь, кроме формального повторения давно приевшегося, ведь работаем давно и совсем неплохо.

Ну ладно, чувствую, пора кончать, надоели уже тебе мои каракули. Надеюсь получить от тебя подробные письма, как видишь, я не ленюсь, когда есть время, между прочим, я видов «ка-

ких-нибудь» городов не присылаю, ты достань карту поподробнее.

Жду изложения «роя невысказанных мыслей», согревших тебя в нетопленом вагоне, согрей и меня.

Ну всего, передавай привет ребятам, особенно Арону, Коле, Галке. Будь здоров.

Целую, твой Илья.

P.S. Прилагаю образец неудачной продукции нашего «фотоателье», созданную и существующую на средства Гитлера. Извини, что без «парада», некогда было.

29 марта 1945 г.

Померания

Здравствуй, дорогой друг!

Очень благодарен за открытку с видом на Василия Блаженного, живо она напомнила мне место, где: «…некогда гулял и я…» Пока же в ожидании лучших времен приходится довольствоваться видом островерхих кирх и прочими «прелестями» немецкой архитектуры, которая никогда особым разнообразием форм не отличалась, да еще, просматривая бюргерские библиотеки, искать изображения российских мест и местностей. Кстати, найти их совсем нетрудно, так что копаться в книгах люблю, хотя дальше чтения заголовков идти не пытался. Любопытные вещицы попадаются во всех смыслах.

О себе писать нечего, вернее, боюсь, что, написав о сегодняшних условиях сразу, не оставлю себе материала на будущее. А условия эти совсем неплохие, пожалуй, сейчас с твоими волоколамскими земляками поспорить нужно. Боюсь только оказаться не у дел, а это вполне возможно.

Нужно кончать, а то разболтаю все враз. Чего тебе пожелать? Ты уж сам определи сообразно с моментом, а я от души подтвержу.

Привет ребятам. Целую.

Пиши! Твой друг Илья.

P.S. Получил ли ты мою морду?

* * *

«ИСТОРИЯ ДАЛА ИМ ЕЩЕ ОДИН УРОК»

Б. Д. Цозик, 1945 г.

Цозик Борис Давыдович *(1924–2009) — родился в г. Ростове-на Дону. 12 июня 1942 г. призван в армию из г. Хабаровска. Воевал на Карельском, Волховском и Ленинградском фронтах в составе 23-го отдельного дивизиона бронепоездов (старший радист бронепоезда № 776), 126-го отдельного гвардейского бронетанкового батальона. Войну закончил в Латвии (г. Тукумс) командиром танка Т-34 в звании гв. старшего сержанта.*

Письмо адресовано родителям, отцу — Давиду Павловичу и матери —Ревекке Михайловне.

Копию письма и фотографию передал автор (г. Москва).

Письмо впервые опубликовано в газете «Еврейское слово» №17 (240), 2005 г.

[9 мая 1945]

Поздравляю с победой!

Дорогие папочка и мамуля!

Около четырех лет мы ждали этого дня, дня, когда мы услышим это прекрасное слово — победа! И вот час тому назад радио принесло нам эту радостную весть в город Тукумс, за день до этого освобожденный нашими войсками. Трудно описать, с какой радостью мы встретили это известие. Еще до сих пор раздаются крики «Ура!». У всех на лицах улыбки, и мне кажется, что за эти четыре года люди впервые такие веселые. Теперь день встречи с вами, дорогие мои, не так далек. Скоро передо мной откроются двери новой жизни, уравнение которой я уже решил, значение неизвестных — желание, настойчивость, и теперь я твердо могу сказать, что они у меня в полной мере есть, и, пожалуй, даже больше, чем надо. Сейчас нахожусь на территории, где находилась Либавско-Тукумская группировка, которая сейчас складывает оружие, вере-

Бронепоезд ведет огонь 1941 г.
Фото М. А. Трахмана.
Архив НПЦ «Холокост»

ницами они двигаются по дороге. Какой жалкий вид у этих «завоевателей». Как-то я спросил одного немца: «Зачем пришел к нам?» — а он отвечает: «Lin ist soldaten». В 1941 г. он безусловно кричал: «Я немец! Я ариец!». Теперь же он — солдат. Ну что ж, пусть этот солдат — бандит, восстановит все, что разрушил, а потом накажет своим внукам и правнукам отрешиться от таких прогулок. В общем, история дала им еще один урок и, должно быть, последний.

В предыдущем письме все просили купить кое-что, к сожалению же, там, где я нахожусь в данный момент, ничего достать нельзя. Быть может, в ближайшее будущее мы переберемся в другое место, тогда я постараюсь сделать все возможное. Деньги высылаете напрасно — я в них нисколько не нуждаюсь.

Вот пока и все. Привет всем знакомым.

До скорой встречи!

Крепко целую — Борис.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Письмо М. Л. Бершадского[1] *А. Л. Гольдиной*

12 июля 1939 г.

Здравствуй, Асенька, любимая!

Я пишу и смотрю на тебя — мне хорошо и грустно. Грустно оттого, что ты такая родная и близкая — так далеко от меня, а хорошо потому, что люблю тебя, и как бы ты ни была далеко от меня — ты всегда со мной. Я весь переполнен тобой, любовью к тебе, у меня нет стремления, как в плохих романах, совершать сказочные подвиги, но для тебя, ради твоей улыбки, я сделаю все, пойду, куда захочешь. Ты — единственная, у меня нет никого кроме тебя, помни это. Мне все время приходится бороться с сумасшедшим желанием бросить все и приехать к тебе. Это трудно. Я получил твое письмо, спасибо, родная. Мне как-то лучше, теплее делается от твоих писем — как от твоего взгляда. Вчера получил извещение из ИФЛИ: «Уваж. тов. извещаем Вас, что к приемным испытаниям Вы допущены, необходимо явиться…» и т. д. Прислали расписание испытаний. Для меня новость — испытания с 11 по 16, с днями подготовки почти по всем предметам. Это лучше, я доволен. Немецкий — последний — это тоже хорошо если у меня будут хорошие отметки по остальным, то, может быть, усовестятся засыпать по немецкому. Впрочем, на это надежда слаба. Уповаю на бога (которого нет) и на свою счастливую звезду (которая, возможно, уже давно упала).

Теперь слушай, моя хорошая, добрая, ласковая, — 13-го я не приеду: не успею ничего кончить — а хочется. Скорее всего, я приеду 15 или 16-го. Ничего, родная, что ты устанешь после Москвы-реки, лишь бы видеть тебя, быть с тобой. Филя тоже, вероятно, захочет поехать со мной, он уже спрашивал, куда я собираюсь. Кстати, он обижен на меня, в первую очередь, и на нас всех за то, что его не пригласили принять участие в поездке по каналу. Разрешился новым опусом — вчера читал мне рассказ-новелла «Кусок (!) жизни». Конечно, главный герой рассказа — Михаил Северов (имеч-

[1] Сведения об авторе см. на с. 53.

ко-то каково!) «гордо шагает, устремив глаза вдаль, а ветер играет его вьющимися волосами», конечно, героиня — Вера — «девушка с прелестным личиком и нежными голубыми глазами, тоже смотрящими вдаль (почему-то все филькины герои смотрят вдаль, а вот если бы он сам смог посмотреть дальше своего носа, то увидел бы, что сочиняет шаблонную и потрепанную пошлятину). Ну, бог с ним, с Филей. Поймал себя на том, что грызу левый мизинец. Прости. Надо кончать, написал порядочно, опять же учебник химии зовет тореадора в бой: «там ждет тебя азот!».

До свидания, моя хорошая. Обнимаю тебя крепко, целую в твои коричневые глаза. Ты помни: глаза твои целованные — ни на кого не смотри.

Люби меня. Любишь? Знаю, любимая, любишь. И я тебя люблю. Нам хорошо, и будет хорошо.

До свидания, хорошая, скоро увидимся.

Еще целую, и еще, и еще.

Член-корреспондент акционерного общества «Искатели счастья» с равным и смешанным капиталом в сердечной валюте. Твой Марк.

Привет Леве, Бениамину Ильичу маме и всем вашим.

Письмо Л. М. Барона[1] отцу, М. И. Барону

12 сентября 1940 г.

Дорогой папочка!

Уже второй день, как я дома. 10-го я выехал из Москвы, а одиннадцатого приехал в родные края совершенно неожиданно узнал, что Аркаша поступил в военное училище. Собственно, это и является причиной моего письма. Аркаша сделал совершенно правильно, ибо 1) училище хорошее и 2) он получает полную независимость от семьи и избегает лишних разговоров Дины (к сожалению, они бывают). Его жизнь вполне определена. «Гет зол энс мацлиех зайн!»[2]

[1] Сведения об авторе см. на с.28.

[2] Дай бог, все получится (*идиш*).

Мое пребывание в Москве, разговоры с Аликом, знакомство с Михоэлсом (да, да, с народным артистом СССР) уверило меня в том, что я для военной карьеры на всю жизнь не гожусь, в том отношении, что я больше «нужен сцене». Имея (в чем меня убедили) некоторые способности актерские, я буду их развивать, усидчивость у меня твоя, и я своего добьюсь! Я буду наконец актером.

Другое дело: моя служба в армии. Одно тебе скажу: «Не такие мы, Бароны, люди, чтобы в армиях пропадать!» Это звучало в разговорах Израиля. Хороший он человек. А кто плохой? Все хорошие. Ты не знаешь, как они ко мне относились. Эх! Жалко, что был всего 25 дней. Мог бы еще пожить. Но маме одной скучно, потом товарищи догуливают последние дни, — вот и приехали.

Так вот, папа, не думай больше об училищах. Отслужу срок, вернусь в добрый час домой, и все будет хорошо! С тобой мы, конечно, еще увидимся и поговорим.

Передай самый горячий привет всем родственникам и знакомым в Москве и отдыхе от бойца РККА. Л. Барона.

Целую тебя крепко, любящий сын Лева.

P. S. Нина подарила мне часы. Вот добряк. Целую, Лева.

Папочка, если тебе будет нетрудно, купи нам на прощальный вечер 1,5 кг. селедок, 1,5 кг. колбасы и сыра 300 г. Деньги отдам тебе сразу.

19 декабря 1940 г.

Наконец сумел собраться написать вам подробное письмо. Сейчас идут политзанятия в красном уголке. Тепло, светло, уютно; сижу и, как Цезарь делаю две работы: слушаю и пишу. Что я услышу, не знаю, но что напишу, то будет вполне осмысленно и обдуманно. Итак, дорогие мои, я — связист.

Вчера после завтрака начался медицинский осмотр, после чего проходил мандатную комиссию. Вошел я в кабинет командира полка, майора Васильева, доложился и сел. «Ну, товарищ, — говорит мне майор, — куда же вам хочется?» Я говорю: «Вам виднее, товарищ майор». Он улыбнулся и начал: «Это вы вчера выступали на вечере самодеятельности, ваша фамилия Барон?». Я говорю: «да». «Так мы с вами вчера говорили, вы работаете в театре? Ну вот, мы

вас и пошлем в такую часть, роту, где бы у вас могло быть больше свободного времени».

У меня сердце екнуло от радости. А майор все улыбается. Я ему очень понравился еще на вечере. «Я вас зачисляю в связь, чтобы вы могли заправлять у нас самодеятельностью. Согласны вы?». Я, конечно, ответил: «Есть!» и вышел.

Таким образом, в нашем полку теперь кроме пехотной школы есть школа связи, саперов, артиллерии и др. <…> Я очень доволен зачислением в связь, т. к. служить придется два года и еще более рад тому, что нравлюсь майору. Ребята замечательные: веселые, умные, есть о чем поговорить. Командир нашей «ротки» прекрасный молодой младший лейтенант. В общем, все хорошо пока, только не нужно распускаться, и все пойдет тогда. Пишите мне, дорогие, как у вас, что ли?

Мамочка! Напиши мне хоть привет.

Папочка! Ты напиши подробное письмо.

Женя! И ты напиши.

Ну пока, целую вас всех крепко, ваш Лева.

Привет Жене, Челову, Алику и всем-всем.

«Я ПИШУ НАСКОРО — ЭТО ПИСЬМО УЖЕ УХОДИТ»

Треппер Леопольд *(Домб Лев Захарович) (1904–1982) — легендарный советский разведчик, организатор и руководитель советской разведывательной сети в Западной Европе во время Второй мировой войны, известной как «Красная капелла».*

Родился в г. Новы-Тарг (Австро-Венгрия, ныне Польша). С 1936 г. сотрудничал с Главным Разведывательным Управлением РККА. В декабре 1938 года прибыл в Бельгию, где начал создавать разведсеть против Германии. После оккупации Бельгии жил во Франции под именем Жана Жильбера.

В мае 1941 г. передал Центру сведения о массированной переброске немецких войск к западной границе Советского Союза, а в июне сообщил точную дату предстоящего нападения Германии. 24.11.42 Треппер был арестован гестапо, но ему удалось бежать. В январе 1945 г. вернулся я в Москву, где был арестован. В 1947 г. осужден « за измену Родине» на 15 лет; позднее срок сократили до

Л. Треппер с сыновьями, Варшава, 1958 г.

10 лет; реабилитирован в 1954 г. В 1957 г. Леопольд Треппер уехал с семьей в Польшу. С конца 1973 г. жил в Израиле, где в 1978 г. издал на идиш книгу ««Красная капелла» («Ди ройтэ капэле»), которая была переведена на многие языки мира под названием «Большая игра».

Письма адресованы жене, Любови Евсеевне Бройде и сыновьям, Эдуарду и Мартину, которые находились в Москве. Перевод с польского Я. С. Ставицкой (г. Москва).

Копии писем и фотографии передал В. Р. Томин (пос. Малаховка Московской обл.).

2 декабря 1940 г.

Л-ка, моя любимая, пользуюсь оказией, чтобы послать несколько слов. Я нахожусь в поезде и только через несколько дней вернусь в П. Поэтому так и сложилось, что я до сих пор не получил от тебя писем, кроме твоего первого письма (три месяца назад). Я уверен, что после моего возвращения в П. я получу все твои письма и, кро-

ме того, живые приветы от нашего знакомого, который был у вас и который, наверное, в это время уже возвратился.

Л-ка, ты представляешь, с каким нетерпением я жду вестей от тебя и детей. Трудно, очень трудно жить в одиночестве, не имея от вас ни живого слова, ни известий о том, как сложилась ваша жизнь.

<…> Как я очень (хотя бы на минуту) хотел бы быть с вами и крепко, крепко прижать вас к сердцу. Но что же делать. Надо вооружаться терпением, наверное, уже вскоре встретимся.

Моя любимая, пользуйся каждым случаем, чтобы послать хотя бы несколько слов — это приносит мне много радости, это хотя бы на минуту помогает забыть об одиночестве.

Вуб, мой дорогой, я очень сильно переживал день рождения Эда. Мыслями и сердцем своим я был с вами. Напиши, как наш малыш акклиматизировался, как с языком, как сдружился с Мартиком. С нетерпением я жду твоих писем, они уже, наверное, пришли и через несколько дней они будут у меня, — и тогда при ближайшей оказии я напишу больше писем обо всем.

Эти несколько слов я посылаю тебе, моя любимая <…>

Знай, что все у меня в порядке, что жив, здоров и работаю, как всегда. Во многих отношениях здесь жизнь становится все тяжелее, но далеко еще не исчерпаны всевозможные сюрпризы, которые еще может принести война. Ну и поэтому, разумеется, и работы больше и заданий.

Вуб мой, — напиши сразу, пришли несколько фото, — пусть и Мартик напишет несколько слов, это принесет мне много радости, — той радости, которой у нас так мало в этой жизни. Я пишу наскоро — это письмо уже уходит, и если оно недлинное, — однако я радуюсь, что ты его быстро получишь, а у меня будет такое чувство, как будто я не письмо послал, а тебя, моя любимая, встретил, и крепко прижал к своему сердцу тебя и наших малышей.

Крепко, крепко, Вуб мой любимый, целую тебя.

Всегда твой...

7 февраля 1941 г.

Л-ка, моя любимая!

Месяц тому назад я получил твое письмо, написанное, вероятно, в начале декабря. Это было, фактически, твое первое письмо после приезда с курорта. Теперь уже февраль, — и, представь, моя Л-ка, как долго нужно было ждать, чтобы получить от вас знак жизни.

Разумеется, что этот план совершенно от нас не зависит. Я, например, писал при каждой оказии, и ты, наверное, получила несколько писем сразу.

Вуб, любимый, что же делать, возможности переписки такие маленькие, что я твои письма принимаю, как добрый сердечный подарок, которому можно долго — долго радоваться, вспоминать каждое слово, переживать каждую весточку, чувствовать минутами как бы совсем дома, ну и ожидать долгие недели такой же маленький подарок, который приходит на смену предыдущему.

Л-ка, дорогая, я слышал, что по приезде с курорта ты заболела гриппом. Почему ты мне об этом не писала? Я очень боюсь, что ты опять начнешь работать, учиться до самозабвения, сверх своих сил.

Наверное, ты еще хорошо помнишь, как это было несколько лет назад, — а поэтому не повторяй прежних привычек, которые не только тебе, но детям и мне ничего дать не могут. Меня тревожит также вопрос квартиры. Хочется верить, что это уже решено. Я писал об этом нашим друзьям, но нужно, чтобы и ты энергично занималась этим вопросом. Я знаю, что жилищный вопрос — дело нелегкое для решения, но ведь у меня, как у каждого из нас, есть более трудные и сложные проблемы, которые, однако, решаются. Вуб, дорогой, я представляю себе твои ежедневные трудности жизни с детьми в гостинице. Но как, вообще, ты устроилась с детьми? Где Мартик? Дома или там, где был раньше? Как малыши? Как со здоровьем детей, как акклиматизировался Эдик? Если бы ты могла понять, моя дорогая, как я ужасно тоскую о тебе и детях... У меня как всегда. Работаю, чувствую себя в последнее время здоровым — ну и, несмотря на отсутствие писем от вас, чувствую себя постоянно с вами, думаю и живу вашими радостями и верю, что скоро снова будем вместе. А может быть, это произойдет ко дню рождения Мартика <...>.

Ну, будьте здоровы, целую вас много-много раз и еще раз прошу, Л-ка, береги себя и работай так, как ты умеешь работать, но не сверх своих сил, и тогда все будет хорошо. Прощай, Вуб, любимый, целую тебя крепко, крепко. Всегда твой Л.

б. д.

Л-ка, моя любимая!

Сердце мое радуется при мысли, что через несколько дней это письмо будет в твоих руках. Вуб, любимый, как трудно с того момента, как ты уехала. Каким долгим мне кажется это время, как тяжело жить совершенно оторванным от тебя и наших малышей, не имея известий от вас. За все это время я получил единственное письмо, которое ты написала перед отъездом с детьми на море. Может быть, хоть одно мое письмо ты уже получила, но я не уверен, ведь такие колоссальные трудности, что, написав письмо, я не знаю, дойдет ли оно и когда. Поэтому ты поймешь мою радость, что через несколько дней, благодаря поездке нашего друга ты получишь это письмо и, что через некоторое время ты можешь тем же самым путем мне написать.

Л-ка, любимая, мне трудно выразить мою тоску по тебе и малышам. Что же делать, это не вещи, которые можно в себе подавить, уничтожить; чем длительнее время нашей разлуки, тем глубже моя тоска, тем ближе мои мысли, тем сильнее всем сердцем я чувствую тебя в себе. Вуб, мой дорогой, постоянно я вижу тебя и детей в моем сердце, переживаю вместе с вами ваши радости, ваши повседневные заботы. Прошу тебя описать мне, как с работой, где и чему учишься, как дети, где живете, как акклиматизировался Эдик, как с французским, как он сдружился с Маратиком, эти все вопросы постоянно стоят передо мной. Мне тяжело беспокоиться, не зная всего, — как вы живете, как устроены. Ты ведь знаешь, Вуб, как я ценю твою смелость в жизни, стремление постоянно идти вперед, работать, учиться, быть активным, уметь отдаваться работе, делу. И именно это глубокое чувство, испытываемое в течение многих лет совместной работы и испытаний, дает мне уверенность и надежду, что теперь, как и всегда, опять будет все хорошо, и снова встретимся, и вместе будем полной грудью жить и работать так, как мы это умеем.

Да, Л-ка моя, наверное, вскоре опять будем вместе. На это короткое время...

* * *

НАШИ ШИНЕЛИ ОБЛЕДЕНЕЛИ И ЗВЕНЯТ, КАК МЕТАЛЛИЧЕСКИЕ»

Д. А. Малкес

Малкес Даниил Абрамович *(1913–1975) — родился в г. Москве. Призван в 1941 г. Был ранен в боях под Старой Руссой (Северо-Западный фронт). После ранения, находясь в госпитале в г. Ярославле, написал воспоминание об этом бое.*

После выздоровления окончил курсы морских офицеров, служил на Черноморском флоте в звании лейтенанта.

Копию передал сын, М. Д. Малкес (г. Москва).

Под Старой Руссой

После разгрома немцев под Москвой наша бригада была переброшена на Северо-Западный фронт.

В один из январских дней 1942 г. с наступлением темноты — «боевая тревога!» Бригада построена, зачитан приказ. Мы выступаем походной колонной. От здания Горной академии у Калужской площади (где мы размещались) идем по Якиманке, через Каменный мост по улице Горького. Глаза привыкают к темноте. Вот она, Москва, на улицах сугробы снега. Витрины магазинов забиты досками. Заложены мешками с песком. Темные окна квартир заклеены крест на крест полосками бумаги. На площадях противотанковые «ежи». Зенитные орудия, защищенные стенками. Движутся другие военные части — лыжники в белых маскировочных костюмах, артиллерия, танки.

Я москвич. Здесь прошли мое детство и юность. Школа, институт, работа. Все это, кажется, было давным-давно, и даже не верится, что это было… Война нарушила весь ход жизни. Я знаю улицы, по которым мы идем. Но город стал незнакомый, суровый, настороженный. Ленинградское шоссе. Вышли за город, идем очень долго. Прошли километров 30–40. Вот и ст. Крюково Октябрьской

ж.д. Сюда подали ж. д. составы. Быстро идет погрузка. Через короткие промежутки времени отходит эшелон за эшелоном с подразделениями нашей бригады. Едем. Утомлены походом, под стук колес сразу засыпаем.

Наш эшелон стоит. Изредка доносятся выстрелы зениток, глухие взрывы авиабомб. Впереди — Бологое — крупный ж. д. узел, который немцы ежедневно бомбят. Томительно стоим. Наконец тронулись. Поезд набирает скорость. Вот уже Бологое позади. Узнаем неприятные новости: наш первый эшелон попал под бомбежку, есть раненые, несколько убитых. Скорее бы добраться до фронта, чем так погибнуть, ничего не сделав для победы… Приехали. Ст. Любница.

В темноте быстро идет выгрузка, и снова на марш в район Старой Руссы. Здесь уже несколько недель ожесточенные бои. Идем только в темноте — время суток, чтобы скрытно подойти и избежать бомбежек. Деревни забиты воинами и ранеными. Короткий дневной отдых, хорошо, если находим место в избе, а нет — в сарае, а чаще — на свежем воздухе — в лесочке, на еловых ветках. И снова марш. Идем дней пять. Наши шинели, ушанки, рукавицы прожжены после таких дневок и костров. Лица и руки почернели от легкого обморожения. И вот перед рассветом — совхоз Хмелево — там немцы: дома укрепили мешками с землей, устроили амбразуры, установили пулеметы и минометы, ждут нас… С утра наши части должны наступать на Хмелево.

Я старший сержант, командир орудия батареи РС (реактивных снарядов), так назывались «катюши». Но нам не подвезли материальную часть. Дали несколько небольших пушек, «сорокапяток». До рассвета тащили их на себе по глубокому снегу, через кустарник, на огневые позиции. Но только по 10 снарядов на орудие. Разведка дала цели: расположение пулеметов, минометов противника. Утро, по сигналу открываем огонь. Снаряды экономим. Нас «засекли» и через короткое время накрыли плотным огнем. Оглушительно рвутся снаряды и мины. У нас снарядов больше нет. Ранен наводчик, убит заряжающий. Лежим в окопах, вокруг почерневший от взрывов снег, валяется пушка, разбитая прямым попаданием. Наступавшим подразделениям совхоз взять не удалось.

Вечером снова наступление. Наша батарея будет действовать, как пехотное подразделение; получаем «катюши» и гранаты. На-

капливаемся в кустарнике. Перед нами заснеженное поле, примерно 700–800 метров, а за ним в лесочке совхозные постройки и избы.

Немцы знают, что мы будем наступать и открывать отчаянный огонь по нашим позициям. Лежим на снегу уже несколько часов, мороз 15–20°. Наши шинели обледенели и звенят, как металлические. Но мы не чувствуем холода. Нас засыпают «винегретом». По-солдатски это пулеметно-минометный обстрел. Противно визжат и оглушительно рвутся мины, на разные лады свистят пули, стреляют и разрывными и зажигательными. Шелестят пролетающие снаряды, они почему-то рвутся сзади наших позиций. Огонь усиливается, сквозь грохот взрывов слышны стоны раненых. Мы несем потери. Ранило командира нашей батареи Чуринова, разрывом снаряда ему оторвало ногу. Он пожилой офицер из запаса, прошедший гражданскую и финскую войну и немало повидавший на своем веку. Санитары выносят его с позиции. Прямым попаданием мины разорвали живот связисту, он совсем молодой парень, его окровавленные внутренности повисли на заснеженных кустах. Мы делаем бросок вперед, чтобы выйти из зоны плотного огня. В сумерках все поле пронизывает огненный, стремительно-летящий пунктир трассирующих пуль.

Продвигаемся к немецким позициям где ползком, где короткими перебежками. Немцы навешивают осветительные ракеты. Нас стало видно, ползем по-пластунски. Все чаще натыкаемся на тела погибших бойцов, запорошенные снегом. Они наступали на совхоз сегодня утром и здесь сложили свои головы. Некоторые из них, утомленные переходами и потеряв при ранении много крови, заснули и замерзли. Вот лежит заснувший вечным сном солдат; чтобы было удобнее, он, наверно последним усилием, снял каску и подложил под голову. Теперь мы должны взять совхоз, должны довести наше общее дело до конца, разгромить врага. На нас надежда народа, ведь мы его вооруженные силы. Немцы, чтобы лучше осветить подступы к совхозу, подожгли скотный двор. Ползем вперед, вот уже близко фашистские блиндажи, слышим их нахальные выкрики: «Русс, давай!» Сейчас дадим! Мы на рубеже атаки. Трудно оторваться от земли, побороть инстинкт самосохранения, встать во весь рост и сделать последний бросок — пробежать под огнем эти несколько десятков метров до врага. В такой момент нужен при-

мер. И среди воинов всегда найдутся сильные духом люди, которые первые встанут и пойдут в атаку на врага, увлекая за собой других, с криком: «Вперед! Бей гадов, смерть фашистам! Бей!» Ругаясь крепкими словечками, мы ринулись в расположение немцев. В окопы и амбразуры дзотов полетели гранаты. Несколько человек упали, прошитые автоматами, кто-то подорвался на минах, раскиданных перед немецкими позициями. Но мы уже ворвались в окопы и дзоты, идет рукопашная схватка. Бойцов охватила ярость. Фашисты бегут! Их добивают штыками, прикладами, ножами. Совхоз наш!

Д. Малкес.

* * *

Список сокращений

арт. — артиллерийский
АССР — Автономная Советская Социалистическая Республика
БССР — Белорусская Советская Социалистическая Республика
ВГИК — Всесоюзный государственный институт кинематографии
г. р. — год рождения
гв. — гвардейский, гвардии
ГВК — городской военный комиссариат
ГКО — Государственный Комитет Обороны
ГЛАВПУР РККА — Главное политическое управление Рабоче-крестьянской Красной Армии
Губ. — губерния
ДВК (ОКДВА) — Особой Краснознаменной Дальневосточной армии
ДКА — Дом Красной Армии
ДП — Ручной пулемет Дегтярева
ЕАК — Еврейский Антифашистский Комитет в СССР
ИТЭФ — Институт теоретической и экспериментальной физики
ИФЛИ — Институт философии, литературы и истории
КПП — контрольно-пропускной пункт
МВВКУ — Московское высшее военное командное училище
МГЛУ — Московский государственный лингвистический университет
МГПИИЯ — Московский государственный педагогический университет иностранных языков
мед. — медицинский
МИСиС — Московский институт стали и сплавов
МСБ — медсанбат
Мст. — местечко
обл. — область
ПВО — противовоздушная оборона
пос. — поселок
ППЖ — походная полевая жена
ППС — полевая почтовая станция
ПУРККА — Главное политическое управление Красной Армии
РВК — Районный военный комиссариат

РККА — Рабоче-крестьянская Красная Армия
РО — разведывательный отдел
Р-н — район
с. — село
с. д. — стрелковая дивизия
с. п. — стрелковый полк
САСШ — Северо-Американские Соединенные Штаты
СибВО — Сибирский военный округ
ССР — союзная советская республика
ст. — станция
ТАСС — Телеграфное агентство Советского Союза.
у. — уезд
ФЗУ — фабрично-заводское училище
ХППГ — хирургический полевой подвижной госпиталь
хут. — хутор
ЦАЭ и АДМ — Центральный архив электронных и аудиовизуальных документов г. Москвы
Цв. — цветная
ЧГК — Чрезвычайная государственная комиссия по расследованию злодеяний немецко-фашистских оккупантов и их пособников
Ч.б. — черно-белая

* * *

Перечень авторов писем и дневников

Из действующей армии

Аникст А. А. 5, 6, 84
Анишкин 171
Атт И. С. 218
Барон Л. М. 5, 6, 15, 28, 241, 300
Барон Н. М. 5, 6, 17, 241
Басс Л. П. 183, 184, 195
Безпрозванный С. Л. 5, 9, 124
Бершадский М. Л. 6, 10, 15, 53–56, 61, 67–70, 299
Биневич М. Л. 9, 12, 86
Бойко И. 159
Ганзбург Г. М. 73
Генкин Л. М. 163
Гильман И. С. 5, 6, 8, 154
Гольдин Л. Л. 5, 6, 54, 71
Горелик П. З. 7, 236, 269, 271
Давидсон С. Б. 75
Драхлин И. Н. 10, 12, 13, 120
Еремин Г. С. 204
Зайдман А. С. 9, 13, 167
Заславский Я. М. 13, 198, 199, 201, 203, 204
Зельбет Б. М. 10, 12, 13, 205
Идельчик Х. И. 275
Каганов И. И. 138
Кагарлицкий В. Г. 6, 9, 10, 40, 42
Кармен Р. Л. 5, 103, 105
Кассиль Л. А. 5, 8, 162
Катунин И. Б. 5, 237
Кац А. В. 223, 224
Кобиков В. П. 54, 67, 68
Коган Б. П. 239, 261
Коган С. М. 246
Копысицкий П. И. 12, 142
Красинский И. П. 7, 8, 230

Кушнир Б. В. 101
Леверт М. З. 80, 82
Лещинский А. И. 112, 113
Мазур И. М. 196, 197
Мазур М. В. 12, 196
Малкес Д. А. 15, 307
Менделевич С. Г. 7, 234
Мирмович М. Я. 215, 216
Паперная Ф. А. 272
Перочинский Б. Л. 6, 109, 110
Перштейн А. В. 8, 10, 247
Полиновский С. Н. 5–8, 170–173
Рапопорт И. И. 7, 292
Ривкин Л. И. 33, 34
Самойлов Давид (Кауфман Д. С.) 5, 7, 236, 271
Слайковский Ф. Н. 36–38
Слободкин Г. С. 11, 291
Слуцкий Б. А. 5, 7, 236, 237, 269, 270
Сороцкин М. И. 164
Сохор Э. А. 13, 159
Тополев Л. К. 10, 11, 173, 175, 177–179, 182
Уринсон Я. С. 176
Учитель А. А. 136, 137
Фельдман Н. И. 105, 107–109
Френкель Л. С. 6, 8, 9, 11, 17, 22
Фридлянд А. А. 32
Фуксман М. М. 6, 7, 9, 11, 13, 173, 183, 184, 185–189
Хаевский Е. И. 7, 13, 98, 99
Цвей А. Ю. 10, 256, 257
Цемехман М. А. 50, 51
Цозик Б. Д. 13, 297
Цукерман Л. Л. 12, 260
Цфасман А. Н. 5, 6, 8, 13, 145, 154
Черепанов К. 68, 71
Шевелев А. С. 6, 9–11, 262
Шейнин З. М. 11, 280–284
Эстерейх Г. И. 244–245
Юрьев Г. Е. 213

На фронт из Москвы, тыловых и освобожденных районов и из эвакуации:

Гамарник Б. Ш. 9, 105
Гольдина А. Л. 5, 6, 9, 10, 53, 54, 56, 67, 68, 71, 299
Гольдштейн Б. И. 223, 224
Ершовы 209
Заславская М. Я. 199, 203, 204
Николай Николаевич, учитель 202
Фуксман А. П. 6, 183, 186, 188
Фуксман М. М. 6, 7, 9, 11, 13, 183, 185, 186
Шейнин И. М. 281, 284

Тыловая переписка

Гальперина С. М. 7, 115, 116–119
Иванова Р. 6, 10, 29, 31
Мазель Ю. 117
Машакин И. А. 31
Шакина Е. П. 9, 118

С оккупированных территорий и партизанских отрядов:

Дети партизанского отряда 106 217
Последние слова казненных (г. Золотоноша) 7, 82
Ривош Э. 6, 7, 14, 225, 226

Из лагерей для военнопленных и оккупированной Европы:

Вейгман А. Б. 285
Треппер Л. 5, 15, 302, 303

* * *

Перечень лиц, предоставивших документы для сборника

Акулова Н. А. (Россия) 112
Аникст Д. А. (Россия) 84
Бегун Г. А. (Россия) 102
Безпрозванный Б. С. (Россия) 124
Белицкая Н. Л. (Россия) 34
Биневич Е. М. (Россия) 87
Богоявленская М. М. (Россия) 246
Боград П. Л. (Россия) 269
Вардания И. Г. (Россия) 73
Вишневская Б. С. (Россия) 234
Галахова Б. М. (Россия) 164
Генкин Ф. Л. (Россия) 163
Гильман В. И. (Израиль) 155
Глозштейн В. Г. (Россия) 32
Гольденберг М. Г. (Россия) 171
Гольдман В. И. (Россия) — цв. вкладка
Гордон С. Г. (Россия) 116
Дитковская Н. И. (Россия) 245
Дробязко М. М. (Израиль) 80
Дубасова Л. М. (Россия) 51
Евтушенко М. А. (Россия) 112
Зайдман Д. Д. (Россия) 167
Зельбет Б. М. (Россия) 205
Зимоненко Л. С. (Россия), 199, в том числе — цв. вкладка
Идельчик Х. И. (Россия) 275
Индурский П. А. (Россия), 285, в том числе — цв. вкладка
Иомдина С. Г. (Израиль), с. 21 цв. вкладки
Кагарлицкая Е. В. (Россия), 40, с. 11 цв. вкладки
Каплунова З. И. (Россия) 120
Катунина Д. И. (Россия) 238
Коган Б. П. (Россия) 238
Комиссаренко Л. В. (Россия) 224
Копысицкая Л. П. (Россия), 142, с. 12, 13 цв. вкладки
Корницкая В. М. (Россия), с. 12 ч. б. вкладки
Красинский А. Л. (Россия), 230, с. 19 цв. вкладки
Ландсман А. И. (Россия) 196
Лившиц Э. В. (Россия), с. 14 цв. вкладки
Лишанская Р. С. (Россия) 98

Лоринов В. М. (Россия) 184
Лурье Ю. С. (Россия), 248, в том числе — цв. вкладка
Малкес М. Д. (Россия) 307
Мартынова В. Д. (Россия) 103
Минская Д. Л. (Россия) 260
Минскер Г. Д. (Россия) 155, 168, с. 8 цв. вкладки, с. 3, 5, 6 ч. б. вкладки
Миркин М. Л. (США), с. 19 цв. вкладки
Мирмович И. Я.(Россия) 216
Мовшович С. Б. (Россия), с. 16, 17 цв. вкладки
Муратова Л. А. (Россия) 239
Нуллер Ю. Б. (Россия), с. 15 цв. вкладки
Паперная Ф. А. (Израиль) 272
Паперный М. А. (Россия) 272
Перочинская Б. И. (Россия) 109
Подберезина А. С. (Россия), 160, в том числе — цв. вкладка
Полиновский Р. Н. (Россия) 171
Попова М. С. (Россия) 241
Рапопорт В. И. (Россия) 292
Раснецова Б. Е. (Россия) 213
Репкина А. А. (Россия) — цв. вкладка
Роева Т. С. (Россия) 75
Ситнина Е. В. (Россия) — ч. б. вкладка
Слайковская Н. Ф. (Россия), 36, в том числе — цв. вкладка
Снисаренко Е.П. (Россия) 103
Сорина Р. И. (Израиль) 219
Томин В. Р. (Россия) 303
Уринсон Г. С. (Россия) 76
Учитель А. А. (Россия) 137
Фокина Н. С. (Россия) 173
Френкель С. Л. (Россия), 17, в том числе — ч. б. вкладка
Цвей А. Ю. (Россия) 257
Цозик Б. Д. (Россия), 297, с. 15 цв. вкладки
Цфасман Р. А. (Россия) 145
Шапиро М. М. (Россия) 273, с. 7, 9, 13, 14 ч. б. вкладки
Шевелев А. А. (Россия) 262
Шейнин З. М. (Россия) 281
Шепелев Г.А. (Россия) 39, с. 1, 2 ч. б. вкладки
Эльберг А. И. (Россия) 105

* * *

Географический указатель

Абонь 266, 267
Австрия 138, 196, 272, 302
Александровск 145
Алма-Ата 106, 139, 140
Алматы — см. Алма-Ата
Алтай 71, 177
Альт-Деберн, с. 14 ч/б. вкладки
Альфредовка 275
Ангасяки 87
Арефьино 40, 41
Арти 155, 156
Аушвиц 5, 124, 291
Ашхабад 141
Бад-Орб 285
Баклань 73
Баку 142
Балта 80
Балтийск — см. Пиллау
Барановичи 51
Барнаул 75, 173, 177
Башкирия (Башкирская АССР) 87
Бежецк 237
Безымянка 116
Беларусь (Белоруссия) 7, 12, 28, 33, 36, 50–52, 82, 115, 119, 194, 195, 217, 218, 231, 234, 236, 237, 241, 246, 250, 256, 257, 262, с. 18, 19 цв. вкл, с. 7 ч/б. вкладки
Белая Холуница 53, 54
Белгород 24, 197
Белград 270
Белев 56
Белосток 171, 291
Бельгия 302
Бельск 261
Бельский р-н 257
Бердичесвский у. 17
Бердянск — см. Осипенко
Берлин 11, 18, 25, 138, 173, 190, 195, 236, 278, 281, 282, 283, с. 14 ч/б. вкладки

Бессарабия 148, 264, 269
Биробиджан 223, 224, 224
Бишкек — см. Фрунзе
Бобров 23, 154
Богородица 118
Болгария 132, 270
Бологое 19, 308
Бондюг — см. Бондюга (Бандюга)
Бондюга (Бандюга) 53, 57–59, 61–63, 65, 66
Борисов 28, 36, 51, 241
Борисполь 231
Боровск 152
Боромля 137
Браньск (Бряньск) 260
Брандербург 213
Брест (Брест-Литовск) 25, 230, 231
Брянск 237, 238, 260–262
Брянская обл. 73, 163, 280
Будапешт 137, с. 12 ч/б. вкладки
Бухарест 270
Бухоново 41
Вайноды 31
Вайсенфельц 184
Васильсурск 57
Вашингтон 27
Великие Луки 19, 20
Великий Новгород 14, 86, 273, с. 7, 9, 13 ч/б. вкладки
Вена 137
Венгрия 6, 9, 246, 263, 264, 268, 273, 302
Винница 46
Винницкая обл. 17, 105, 223
Витебск 17, 21, 28, 31, 33, 204
Витебская губ. 225, 234, 265, с. 19 цв. вкл
Виттенберг 283
Вознесенск 171
Волгоград — см. Сталинград
Волгоградская обл. 163
Волковыск 291
Волоколамск 293
Волонцы 256

Ворошиловград 12, 121
Восточная Пруссия 10, 205, 219, 267, 260
Вязьма 34, 35, 40, 77, 78, 145, 285
Гельхаузен 286, 288, 289, 291
Германия, 8, 10, 14, 17, 18, 26, 27, 32, 33, 36, 103, 134, 137, 138, 144, 182, 184, 198, 193, 197, 202, 204, 210, 213, 252, 255, 259, 260, 275, 278–280, 282, 284, 285, 288, 291, 302с. 12, 14 ч/б. вкладки
Гомель 218, 237
Гомельская обл. 218, 237, 256, с. 18 цв. вкл
Грац 272
Гродно 170
Гродненская губ. 12, 260
Гумбиннен 211
Гусев — см. Гумбиннен
Гусь-Хрустальный 259
Дарница 290
Двинский у. 225
Дахау 289
Дебрецен, 268, с. 13 ч/б. вкладки
Дербент 205, 207
Джалал-Абад 292
Диза 184
Днепропетровск 40, 80, 183, 188
Днепропетровская обл. 81
Донецк — см. Сталино
Донецкая обл. 269
Дорогобуж 26
Дравско-Поморске — см. Драмбург
Драмбург 295
Дрезден, с. 15 ч/б. вкладки
Дубровский р-н 163
Духовщина, с. 1 ч/б. вкладки
Ейск 237
Екабпилс 225
Екатеринбург — см. Свердловск
Елец 112
Ельня 75
Ерзовка 163
Ершово 75

Ефремов 42
Жердевка 75
Житомир 82, 83, 183, 281
Житомка 45
Жуковский — см. Стаханово
Закаспийская обл. 142
Запорожье — см. Александровск
Золотоноша 7, 82
Иерусалим 272, 285
Издешково 41
Израиль 4, 14, 16, 80, 83, 155, 219, 257, 272, 303
Инстербург 211
Иран, 142, с. 3 ч/б. вкладки
Кабардино-Балкарская АССР 105
Казань 53, 57, 58, 61, 64–66, 239
Калинин 9, 24, 125, 157, 211, 224
Калининград — см. Кенигсберг
Калуга 14, 103, 145, 307
Кальвария с. 1 ч/б. вкладки
Каменец-Подольский 183
Каменец-Подольская (Хмельницкая) обл. 82, 83, 101, 285
Камышлов 79, 272
Капиевка 45
Карпаты 132, 240, 267
Кассель 287, 288
Касторное, с. 5, 6 ч/б. вкладки
Каунас 285
Кельн 27
Кемерово 112,
Кемеровская обл. 167, 205, 260
Кенигсберг (Калининград) 33, 54, 183, 205, 212, 257
Керчь 26, 27, 106
Кибартай 211
Киев 105, 109, 231
Киргизская ССР 183, 292
Кисловодск 35
Клевань, с. 2 ч/б. вкладки
Клетня 163
Клин 24
Коканд 213

Колобжег — см. Кольберг
Кольберг 294
Комсомольск 106
Королев 84
Коростень 83
Косая Гора 53, 67
Кошедаряйский р-н 199
Краков 124
Красная Горка 69
Красная Слобода 234
Краснодар 112, 232
Крейцбург 225
Кременчуг 154
Кронштадт 32
Крым 26, 142, 255
Крымская 143
Кузнецк 73
Куйбышев 23, 116, 119
Курган 109
Курск 42, 109, 214, 260
Латвия (Латвийская ССР) 14, 31, 225, 297
Левандаловка 167
Ленинград 9, 12, 14, 23, 32, 86, 87, 90–97, 103, 124, 125, 130–132, 173, 182, 230, 236, 278, 281
Ливны 42
Липецк 17, 18
Липовец 46
Литва (Литовская ССР) 12, 126, 199
Лондон 27
Луганск — см. Ворошиловград
Лунино 112
Львов 135, 190, 291
Люблин, 195, с. 11 ч/б. вкладки
Люблино 56
Любница 308
Людинка — см. Клетня
Ляды 262
Майданек, 12, 195, 241, 243, 244, 261, с. 10 ч/б. вкладки
Малаховка 38, 303
Малкиня-Гурна 261

Малый Тростянец 12, 195
Махачкала 106
Махновка 17
Мемель 33
Мижаны 199
Миллерово 12, 121
Минск 7, 28, 40, 51, 115–119, 167, 169, 195, 217, 234
Минская губ. (обл.) 28, 36, 115, 218, 241
Михалки 83
Могилев 223, 246
Могилевская губ. 50, 120, 237, 262
Модлин 247
Мордовия (Мордовская АССР) 84
Москва 4, 6, 9, 13, 16, 17, 22, 23, 26, 32, 34, 35–37, 39–42, 50–59, 61, 62, 64, 65, 70, 72–74, 76–79, 98, 103–150, 109–112, 116, 120, 122, 136, 137, 139, 141, 142, 145, 148, 153, 160, 162, 164, 166, 170, 171–173, 180, 184, 195–202, 204, 205, 214, 216, 220, 230, 233, 236, 237, 239, 241, 242, 244, 245, 248, 249, 256, 257, 258, 262, 269–272, 275, 277, 280, 281, 285, 290, 293, 297, 299–303, 307, с. 5, 16 ч/б. вкладки
Мстиславль 50
Мурманск 17, 139, 162
Муром 164–166
Мыкалово 87
Мюльхайм 285
Мясной Бор, с. 4 ч/б. вкладки
Н. Михайловка — см. Михайловка
Нарва 182
Наровлянский р-н 83
Нежин 75, 195
Нежода 75
Нестеров — см. Шталлупенен
Нечаевская 58
Нижний Новгород — см. Горький 14, 28, 102, 145, 163, 183, 213, 241
Николаев, с. 8 ч/б. вкладки
Николаевская обл. 144, 171
Новая Воля 170
Новиково 117
Новокузнецк — см. Сталинск

Новомосковск 80, 81
Новороссийск 171, 215
Новороссийская губ.
Новосибирск 53, 61, 62, 64, 66, 167, 215
Новочеркасск 28
Новы-Тарг 302
Ногинск 42, 43, 48
Обоянь 42
Овруч 183
Одер, 213, 236, с. 13 ч/б. вкладки
Одесса 12, 90, 167, 236, 292, 295
Одесская обл. 80
Омск 58, 141 ,173, 175, 180
Опочка 126
Орел 214, 234
Орловская обл. 73, 109, 163
Освенцим 5, 124
Осипенко (Бердянск) 12, 205, 208, 210
Острогожск 219
Отдых 68
Оффенбах 289, 290
Павлодольская 106
Пенза 23, 64, 111, 116, 120
Пензенская обл. 59, 73, 120
Пермская обл. 53, 57
Петропавловск 234
Пиллау 212
Пловдив 273
Подольск 56, 150
Поимский р-н 59
Покровск, Покровская слобода — см. Энгельс
Полесская обл. 83
Полтавская обл. 82, 154, 230, 231
Польша 134, 135, 173, 188, 230, 239, 241, 247, 267, 260, 275, 278, 281, 302, 303
Померания 292, 293, 296
Почеп 280, 281
Прага 275
Псков 12, 288
Речица 12, 218, 220, 221

Рига 32, 225, 226, 229
Ромны 159
Россия (РСФСР) 4, 14, 16, 53, 84, 173, 177, 283, 295
Ростов-на-Дону 23, 24, 27, 28, 197, 281, 291, 297
Рудня 21
Рудовка 44
Румыния, 6, 9, 132, 246, 263, 264, 267, 270, с. 10 ч/б. вкладки
Рыбинск 71
Ряжск 199
Савелов 79
Самарканд 80
Самарская обл. 246
Санкт-Петербург — см. Ленинград
Саратов 76, 77, 79, 162
Свердловск 26, 54, 59, 87, 91, 124, 131, 134, 159, 161, 236, 272
Свердловская обл. 28, 79, 103, 155
Серафимович 161
Серпухов 34
Сибирь 61, 71, 262
Симферополь 105, 107
Славута 83
Славянск 106, 269
Слаки 279
Смолевичи 115
Смоленск 17, 28, 31, 145, 262
Смоленская губ. (обл.) 28, 31, 40, 53, 66, 67, 69, 75, 215
Сопотово 41
Сороть, с. 6 ч/б. вкладки
Сорочинск — см. Сорочинское
Сорочинское 40
София 273
Сталинград, 24, 27, 103, 118, 136, 159, 163, 164, 169, 196, 210, 244, с. 15 ч/б. вкладки
Сталино (Донецк) 80–82
Сталинск (Новокузнецк) 205, 260
Старая Русса 104, 307, 308
Староконстантинов 285
Староселье 120
Старотитаровская, станица 142
Старо-Юрьевский р-н 117

Стаханово 68
Стопыг 109
Сумы 32, 109, 137, 159
Сухиничи 51, 272
Сухой Лог 28, 29
Сызрань 246
Сюгинская 61
Таллин 32, 182
Тамбов 89
Тамбовская обл. 117
Тараща 239
Ташкент, 105, 219, с. 22 цв. вкл
Тебриз, с. 2 ч/б. вкладки
Теплик (Теплык) 105
Тихвин 86, 155
Тихие горы 58, 60
Тихонькая, ст. 223
Тихорецкая, ст. 142–144
Тобольск 109
Тобольская губ. 109
Трансильвания 264
Треблинка 12, 261
Трехсвятское 151
Трубчевский р-н 73
Тукумс 297
Тула 42, 118, 164
Тура 267
Туркмения (Туркменистан) 142
Туркестанская АССР 213
Тюменская обл. 109
Узбекистан (Узбекская ССР) 213
Украина (УССР) 7, 9, 12, 32, 40, 43, 53, 69, 75, 76, 80, 101, 105, 109, 112, 114, 120, 124, 131, 137, 138, 144–146, 154, 159, 160, 167, 171, 183, 205, 223, 236, 239, 269, 285, 292
Умань 120
Усти-над-Лабем 36
Уфа 64, 197, 256, 285
Ухолоды 36
Фехерварт 246
Франкфурт-на-Майне 285, 286, 289
Фрунзе 64, 183, 236
Фрязино 137
Хабаровск 297
Харьков 12, 27, 53, 56, 82, 88, 112, 114, 121, 138, 141, 178, 183, 197, 236, 245, 270
Харьковская губ. 167, 269
Химки 280
Хмельницкая обл. 82, 101, 183, 285
Хомутец 45
Хохенштейн 259
Хощевато 239
Цюрих 84
Челябинск 64, 167, 167, 247
Чемировцы 101
Черея с. 19 цв. вкл
Чердынский р-н 57
Черкасская обл. 82, 120
Чернигов 76, 105, 170
Черниговская губ. 75, 105, 280
Чернышевское — см. Эйдкунен
Черняховск — см. Инстербург
Чехословакия 279, 280, 284
Чечерск с. 18 цв. вкл
Чита 272
Ширяево 59
Шлиссельбург 97
Шталлупенен 211
Шторков 213
Шумячи 215, 216
Эйдкунен 211
Энгельс 162
Эндред 263
Эссен 27
Эстония (Эстонская ССР) 173, 182
Юрьев-Польский 73
Ярославль 54, 307

* * *

СОХРАНИ МОИ ПИСЬМА...

СБОРНИК ПИСЕМ ЕВРЕЕВ ПЕРИОДА
ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Выпуск 2

Составители:
Илья Альтман, Леонид Терушкин, Ирина Бродская

Сдано в набор 20.08.2010. Подписано в печать 20.09.2010
Формат 60×90 $^{1}/_{16}$. Бумага офсетная. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 20,5. Тираж 2000 экз. Заказ

Издательство «МИК».
Москва, ул. Б. Переяславская, д. 15, кв. 52
Лицензия на издательскую деятельность
№ 060412 от 14 января 1997 г.

ISBN 978-5-87902-222-3